

электронный научный журнал

Регионалистика

2014 Том 1 №1

regionalistica.org

В номере:

Регионалистика: вопросы методологии
Этнический сдвиг на Дальнем Востоке России
Сопредельные регионы России и Китая

Регионалистика

2014 Том 1 № 1

Электронный научный журнал
regionalistica.org

Периодичность выхода:
шесть номеров в год

Учредитель:

Федеральное государственное
бюджетное учреждение науки
Институт экономических
исследований
Дальневосточного отделения
Российской академии наук
(Хабаровск)

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой
по надзору в сфере связи,
информационных технологий и
массовых коммуникаций
11 марта 2014 г.
Свидетельство Эл № ФС77-57151

Авторы несут полную
ответственность за подбор и
изложение фактов, содержащихся
в опубликованных материалах.
Высказываемые авторами
взгляды могут не отражать точку
зрения редакции.
Перепечатка материалов журнала
допускается только по
согласованию с редакцией

Адрес редакции:

680042, Хабаровск,
ул. Тихоокеанская, 153

Телефон: +7 (4212) 225-404

E-mail: regionalistica@ecrn.ru

Дизайн, редакция, вёрстка:

В.Н. Украинский

В оформлении обложки использована
карта Петера Планциуса (1594)

© Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт экономических исследований Дальневосточного отделения
Российской академии наук, 2014

Редакционная коллегия

Главный редактор: *А.Н. Демьяненко*,
д-р геогр. наук, профессор

д-р геогр. наук *А.В. Мошков* (Владивосток, Россия)
д-р экон. наук *С.Н. Найден* (Хабаровск, Россия)
д-р экон. наук *О.М. Прокапало* (заместитель главного
редактора, Хабаровск, Россия)
д-р экон. наук *Ю.Д. Шмидт* (Владивосток, Россия)
проф. *Цунео Акаха* (Монтерей, США)
проф. *Винсент Ф. Галлуччи* (Сиэтл, США)
канд. экон. наук *А.П. Горюнов* (Хабаровск, Россия)
канд. полит. наук *А.А. Киреев* (Владивосток, Россия)
канд. экон. наук *В.С. Кузнецов* (Владивосток, Россия)
Л.А. Самохина (Хабаровск, Россия)
канд. экон. наук *В.Н. Украинский* (ответственный
секретарь, Хабаровск, Россия)

Редакционный совет

Председатель: *П.А. Минакир*,
академик РАН

чл.-корр. РАН *В.А. Крюков* (Новосибирск, Россия)
чл.-корр. РАН *В.Н. Лаженцев* (Сыктывкар, Россия)
чл.-корр. РАН *В.И. Суслов* (Новосибирск, Россия)
чл.-корр. РАН *А.С. Шелепа* (Хабаровск, Россия)
д-р экон. наук *С.Д. Валентей* (Москва, Россия)
д-р экон. наук *Н.В. Гальцева* (Магадан, Россия)
д-р экон. наук *С.В. Кузнецов* (Санкт-Петербург, Россия)
д-р экон. наук *Ю.Г. Лаврикова* (Екатеринбург, Россия)
д-р экон. наук *А.В. Островский* (Москва, Россия)
д-р экон. наук *В.Е. Рохчин* (Санкт-Петербург, Россия)
д-р экон. наук *А.Н. Швецов* (Москва, Россия)
д-р филос. наук *А.М. Шкуркин* (Хабаровск, Россия)

СОДЕРЖАНИЕ

Колонка главного редактора	5
<i>Минакир П.А.</i>	
Пространство и регионы	6
<i>Демьяненко А.Н.</i>	
О регионалистике... (некоторые соображения).....	8
<i>Киреев А.А.</i>	
Понятие «регион» и предметно-методологические проблемы регионоведения	18
<i>Лобода О.В., Ярулин И.Ф.</i>	
Этнический сдвиг на Дальнем Востоке России	33
<i>Изотов Д.А.</i>	
Проблемы экономического взаимодействия сопредельных регионов России и Китая.....	48
СООБЩЕНИЕ →	
<i>Леонов С.Н., Соломко М.Н., Барабаш Е.С., Примаченко Л.С.</i>	
Вопросы стимулирования органов местного самоуправления Хабаровского края к развитию экономического и налогового потенциалов	71
ПРИГЛАШЕНИЕ К ДИСКУССИИ →	
<i>Рохчин В.Е.</i>	
Реализация проектов глубокой переработки отечественных минерально-сырьевых ресурсов и экономика Северо-Запада России.....	96
<i>Краснопольский Б.Х.</i>	
Длинные волны Кондратьева и инфраструктурные циклы в пространственной организации общества (гипотеза)	108
ХРОНИКА НАУЧНЫХ СОБЫТИЙ →	
<i>Изотов Д.А.</i>	
Развитие восточных регионов России и Северо-Востока Китая сквозь призму научных конференций.....	115
РЕЦЕНЗИЯ →	
<i>Мошков А.В.</i>	
Краткие заметки по поводу атласа «Экономическое пространство Дальневосточного федерального округа в географических картах»	126

CONTENTS

The Column of Editor-in-Chief.....	5
<i>Minakir P.A.</i>	
Space and Regions	6
<i>Demyanenko A.N.</i>	
About Regionalistics... (Some Considerations)	8
<i>Kireev A.A.</i>	
The Concept of «Region» and Subject-Methodological Problems of Regional Science	18
<i>Loboda O.V., Yarulin I.F.</i>	
The Ethnic Shift in the Russian Far East	33
<i>Izotov D.A.</i>	
The Problems of Economic Interaction between Neighboring Regions of Russia and China	48
MESSAGE →	
<i>Leonov S.N., Solomko M.N., Barabash E.S., Primachenko L.S.</i>	
Issues to Stimulate Local Authorities of Khabarovsk Krai to Develop the Economic and Tax Potentials.....	71
INVITATION TO DISCUSSION →	
<i>Rokhchin V.E.</i>	
The Implementation of Projects in Deep Processing of Domestic Raw Mineral Resources and the Economy of the Northwest of Russia.....	96
<i>Krasnopolski B.Kh.</i>	
Kondratiev Long Waves and Infrastructure Cycles in Spatial Organization of Society (the Hypothesis).....	108
SCIENTIFIC CHRONICLE →	
<i>Izotov D.A.</i>	
Development of the Eastern Regions of Russia and Northeast China through the Lens of Scientific Conferences.....	115
REVIEW →	
<i>Moshkov A.V.</i>	
The Short Notes about «Economic Space of Far East Federal District on Geographical Maps»....	126

**ДЕМЬЯНЕНКО
Александр
Николаевич**

Доктор географических наук, профессор, главный научный сотрудник
Институт экономических исследований ДВО РАН,
ул. Тихоокеанская, 153,
Хабаровск, Россия, 680042

**DEMYANENKO
Alexander
Nikolaevich**

Doctor of geography,
professor, chief researcher
Economic Research
Institute FEB RAS,
153, Tikhookeanskaya Street,
Khabarovsk, Russia, 680042

demyanenko@ecrin.ru

Мне никогда не приходилось вести колонку редактора, по очень простой причине – я никогда не был главным редактором журнала. Наверное, при наличии опыта я смог бы ярко и чётко написать о миссии, целях и задачах электронного научного журнала «Регионалистика». Но, по большому счёту, об этом написал академик П.А. Минакир, председатель Редакционного совета журнала.

Поэтому, я просто представлю те статьи, которые вошли в первый номер журнала. Начнём с того, что среди авторов номера присутствуют представители разных научных специальностей: экономисты, географы, социологи и политологи из научных учреждений и вузов Хабаровска, Владивостока и Санкт-Петербурга. Но при всём разнообразии научных интересов, авторы всех без исключения статей во главу угла ставят исследование самых различных процессов и структур, имеющих отношение к регионам, выделяемым по самым разным основаниям, регионам различного масштаба и типа.

При этом анализ осуществляется как бы на двух уровнях: рассмотрение общих вопросов регионалистики и исследование на уровне конкретных регионов.

Так, статья А.А. Киреева – это обобщение различных точек зрения на природу региона и регионалистики. А в совместной статье И.Ф. Ярулина и О.В. Лободы, равно как и в статье Д.А. Изотова, представлены результаты исследований конкретных региональных систем: в первой исследуются проблемы этнического сдвига в Дальневосточном регионе, а во второй – эволюция интеграционных процессов в Амурском мегарегионе. Особого внимания заслуживают статьи Б.Х. Краснопольского и В.Е. Рохчина, помещённые под рубрикой «Приглашение к дискуссии», в которых авторы, известные отечественные экономисты, представляют на суд читателей не совсем традиционные подходы к некоторым известным сюжетам.

Этот текст готовился в дни, когда кровопролитие на Украине приобрело характер, не позволяющий честному человеку молчать. Естественно, первое – это слова соболезнования семьям погибших. Это слова человека, живущего на Дальнем Востоке, но который все ещё помнит, что его предки родом из Украины. Но есть ещё и слова специалиста: никакие интересы тех или иных групп, проживающих в тех или иных регионах Украины, России или США, не могут быть выше человеческих жизней.

**МИНАКИР
Павел
Александрович**

Академик, профессор,
доктор экономических наук,
директор

Институт экономических
исследований ДВО РАН,
ул. Тихоокеанская, 153,
Хабаровск, Россия, 680042

**MINAKIR
Pavel
Aleksandrovich**

Academician, professor,
doctor of economics, director
Economic Research
Institute FEB RAS,
153, Tikhookeanskaya Street,
Khabarovsk, Russia, 680042

minakir@ecrin.ru

© Минакир П.А., 2014

УДК 330

ПРОСТРАНСТВО И РЕГИОНЫ**SPACE AND REGIONS**

При всей банальности утверждения о том, что общественное развитие происходит не только во времени, но и в пространстве, аргументация этого тезиса всё ещё актуальна. Возможно потому, что масса экспериментальных данных, фактов, наблюдений до сих пор почти не систематизирована в рамках единой теоретической конструкции. Между тем, именно пространственный подход к системным исследованиям общественных (в частности – экономических) отношений позволяет отразить, с одной стороны, всю сложность реальных общественных систем, локализованных в пределах определённых территорий, но при этом функционирующих как синхронизированное множество экономических агентов, социальных отношений, институциональных форм, а с другой стороны, даёт возможность без существенной потери общности анализировать пространственные кванты или элементы общественной системы – регионы.

Конечно, различные аспекты пространственной формы бытия общественной материи в разной степени обобщаются в различных дисциплинах. Это неизбежно, учитывая, что пространство представляет собой единство абсолютного пространства по Ньютону и относительного пространства по Лейбницу и, следовательно, одновременно является совокупностью взаимодействующих иерархически организованных элементов разной размерности, с одной стороны, и вложенных функциональных форм или подпространств, с другой стороны. Это не могло не отразиться в постоянных попытках организации пространственных исследований как совокупности «вложенных» научных дисциплин, теоретические и экспериментальные результаты которых являются одновременно ограничениями и предпосылками друг для друга.

С разной степенью успешности теоретические схемы разрабатывались и разрабатываются, однако не только единой теоретико-методологической основы

для междисциплинарных (вложенных) экспериментальных пространственных исследований, но и сопоставимых по степени общности, теоретической полноты и инструментальной мощности конструкций в отдельных дисциплинах, исследующих пространственную форму общественного развития, пока не создано. Эта задача является ключевой не только для прогресса научного знания как такового, но и для решения политико-экспериментальных задач. Выработка рациональной и максимально действенной пространственной экономической политики зависит от того, насколько экспертное сообщество и лица, принимающие решения, адекватно представляют себе как само пространство, так и закономерности функционирования и развития его отдельных конкретных форм и их взаимодействия.

Необходимо ответить на множество вопросов, среди которых, например, такие:

– является ли пространство ресурсом или бременем для общества, способствует ли оно общественному прогрессу или тормозит его?

– можно ли противостоять поляризации пространства?

– возможно ли «сжать» пространство?

– как соотносятся основные виды пространств (экономическое, социальное, географическое)?

– как соотносятся регионы и пространство?

– возможна ли модернизация пространства и его форм, и каковы инструменты такой модернизации?

– каково значение размерности в пространстве?

– как соотносятся социальные, экономические, географические и административные регионы?

– каковы закономерности формирования общего социального равновесия, включая равновесие в экономической, со-

циальной, экологической сферах?

– каковы закономерности институционального строительства в пространственном аспекте?

Эти и многие другие вопросы требуют тщательного исследования, накопления и систематизации экспериментальных данных и, в конечном счёте, построения непротиворечивой и полной теоретической модели пространственного общественного развития.

Для цитирования:

Минакир П.А. Пространство и регионы // Регионалистика. 2014. Т. 1. № 1. С. 6–7.

For citing:

Minakir P.A. Space and Regions. *Regionalistica* [Regionalistics]. 2014. Vol. 1. No. 1. Pp. 6–7. (In Russian)

**ДЕМЬЯНЕНКО
Александр
Николаевич**

Доктор географических наук, профессор, главный научный сотрудник

Институт экономических исследований ДВО РАН, ул. Тихоокеанская, 153, Хабаровск, Россия, 680042

**DEMYANENKO
Alexander
Nikolaevich**

Doctor of geography, professor, chief researcher

Economic Research Institute FEB RAS, 153, Tikhookeanskaya Street, Khabarovsk, Russia, 680042

demyanenko@ecrin.ru

© Демьяненко А.Н., 2014

УДК 303

**О РЕГИОНАЛИСТИКЕ...
(НЕКОТОРЫЕ СООБРАЖЕНИЯ)**

Статья представляет собой попытку очертить круг проблем, которые обычно соотносятся с региональными исследованиями или, говоря иначе, регионалистикой. Основное внимание уделено формированию и эволюции региональной концепции и её реализации в рамках исследования географического и социального пространств.

Регионалистика, регионализм, региональная концепция, пространство, регион, район

**ABOUT REGIONALISTICS...
(SOME CONSIDERATIONS)**

This article represents attempt to outline a circle of problems which usually correspond to regional researches or, in other words, to the regionalistics. The main attention is paid to the formation and the evolution of the regional concept and its realization within a research of geographical and social spaces.

Regionalistics, regionalism, regional concept, space, region, area

Введение

Без малого десять лет тому назад, в марте 2005 г. академик П.А. Минакир, открывая первый номер журнала «Пространственная экономика», предложил читателям тезисы размышлений по проблеме «Экономика и пространство» [15]. Следуя этому примеру, я посчитал возможным представить свои тезисы размышлений по поводу регионалистики.

Моя задача одновременно и проще, и сложнее. Проще, так как предлагаемые тезисы не предполагают погружения в теоретические дебри экономической науки, сложнее – в силу того, что регионалистика представляет собой достаточно аморфную методологическую платформу, используемую многими дисциплинами при исследовании пространственных проявлений человеческой деятельности в самых различных сферах: социальной, политической, духовной и экономической, как минимум. И, тем не менее, рискнём представить на суд читателя тезисы размышлений относительно природы регионалистики.

Что такое регион, регионализм и региональная концепция

Трудно найти исследователя, который, изучая человеческую деятельность, в своей работе не оперировал бы понятием «регион» и производными от него. Нередко «регион» служит синонимом места, что необходимо только для того, чтобы просто локализовать то или иное изучаемое явление в пространстве.

Но всё-таки «регион», как правило, используется не просто как средство привязки того или иного явления к конкретной территории. «Регион», несмотря на всю неопределённость этого понятия, выступает, как минимум, ещё в двух качествах. Во-первых, в качестве научной концепции (больше известной как региональная концепция), рассматривающей регион как некую территориальную целостность. Тра-

диция эта зародилась в географии ещё в рамках классического периода её развития¹, главным образом благодаря работам А. Гумбольдта и К. Риттера, и получила в дальнейшем развитие в экономике, социологии, истории и демографии, то есть практически во всей системе социальных наук.

Во-вторых, «регион» выступает как своего рода промежуточный уровень научного анализа пространственных проявлений человеческой деятельности, который (в зависимости от целей исследования) помещают то между глобальным и национальным, то между национальным и локальным уровнями. Пожалуй, в наиболее развернутом виде этот уровень анализа проявляется в экономике, демографии, социологии и политологии.

Поэтому вовсе не случайно обилие публикаций, содержащих результаты исследований региональных экономических систем или демографических процессов, протекающих в пределах тех или иных регионов, равно как и исследований социальных структур и процессов. И, как следствие, всё более и более отчётливое обособление региональных субдисциплин: региональной экономики, региональной социологии, региональной географии и т.д.

Впрочем, здесь есть одна тонкость, на которую редко обращают внимание. Проиллюстрируем её на примере экономических исследований, хотя подобная си-

¹ Кстати, до работ Й. фон Тюнена, то есть до первой половины XIX в., география была единственной наукой, которая исследовала пространственные проявления человеческой деятельности. Поэтому вовсе не случайно и П. Видаль де ла Блаш, и Р. Хартшорн много лет назад рассматривали географию как науку о пространстве. Ж. Бенко в ходе изучения эволюции региональной науки пришёл к следующему заключению: «В начале XX века пространство было неизвестной переменной или переменной, которой избегал мир науки, и экономики в частности. Исключение составляли только географы; начиная, с XIX века они развивали концепцию региона, которая позднее послужила основой для пространственных исследований» [19, p.702].

туация встречается и во многих других научных дисциплинах. Речь идёт о важном, с нашей точки зрения, разграничении «экономики региона» и «региональной экономики».

В исследовательском фокусе первой – экономика конкретного региона, причём не так важно, на основании каких критериев определяются границы региона. Поэтому уместны, в частности, исследования поведения экономических агентов (фирм и домохозяйств, в первую очередь) в пределах тех или иных административно-территориальных образований или ареалов проживания тех или иных этнических групп населения; список примеров можно продолжить. Конечно, это вовсе не отменяет исследований структуры и динамики конкретных экономических пространственных систем – экономических районов.

Что же касается «региональной экономики», то проблемное поле этой дисциплины если и не шире, то качественно отлично, ибо здесь в исследовательском фокусе находятся взаимоотношения между пространственными экономическими системами¹.

Если продолжить эту логику, то, очевидно, можно говорить не только о «социологии» того или иного региона, но и «региональной социологии». В первом случае исследователей занимают те или иные социальные процессы и структуры в границах того или иного конкретного региона, тогда как во втором – взаимоотношения между пространственными социальными системами.

Здесь самое время вспомнить о географии: о географии общей и географии региональной. И, наверное, лучше всего обратиться к истокам, в частности, к А. Геттнеру и к его работе «Единство географии, как науки и учебного предмета». В ней мы находим, что «... в географии

¹ Подробнее о «региональной экономике», «экономике регионов» и «пространственной экономике» см.: [16].

имеются две точки зрения, которые только в условии тесного соединения раскрывают её сущность: точка зрения различия в зависимости от места внутри отдельного круга явлений и точка зрения существования и взаимодействия явлений в отдельных местах земного шара» [6, с.20].

Что следует из вышеприведённой цитаты? Пожалуй, вот что: география имеет дело не только с распространением (локализацией) отдельных объектов или явлений, хотя и с этим тоже². Главное для географии всё-таки заключается в другом. Географию интересуют только те явления, которые «причинно связаны с другими явлениями данного места» [6, с.14], причём связи эти с «местом» устойчивы и обусловлены.

Таким образом, два различных методологических подхода к географическому исследованию формируют двухчастную структуру самой географической науки, состоящей из общей географии и специальной географии или, как говорили ещё сто лет назад, страноведения, а с использованием современного синонима – региональной географии.

Если продолжить эту аналогию, то можно предположить, что и другие науки, имеющие дело с различными проявлениями человеческой деятельности, также интересуют не столько локализация как таковая, сколько пространственная организация экономической, социальной, политической и духовной жизни общества, то есть, в конечном счете, регионов экономических, политических и т.д. При этом всякий раз возникает ситуация, когда в рамках той или иной системы научного знания формируется своего рода частная региональная концепция, даже, если так её и не обозначают.

² Впрочем, как и экономика, социология, демография и если не все, то большая часть остальных наук о человеке. В этой связи часто встречающаяся подмена «географии» «размещением» тех или иных объектов по территории представляется, как минимум, некорректной.

И здесь, хотим мы того или нет, нужно определиться с очень близкими и по звучанию, и по смыслу терминами «район» и «регион».

В современной отечественной науке «регион» чем дальше, тем чаще используется как синоним термина «субъект РФ» или, что, по сути, одно и то же, «административно-территориальной единицы» того или иного уровня: от муниципального образования до федерального округа.

Что же касается термина «район», то он практически исчез из употребления, сохранившись, пожалуй, только в системе географических наук. Да и там не пользуется большой популярностью. И дело тут не только в моде (она имела и имеет место в науке), но и отчасти в том, что «район», а также словосочетания «экономический район» и «социально-экономический район» в отечественной науке себя дискредитировали. И причина тому в том, что, вольно или невольно, «район» (а вместе с ним и районная концепция) стал настолько всеобъемлющ, что в значительной мере потерял свои операциональные возможности¹.

В своё время на это было обращено внимание В.Н. Лексиним и А.Н. Швецовым, которые в качестве замены предложили термин «территория», под которым они понимают «не географическое пространство со всеми его атрибутами, весьма условными очертаниями, и ещё более условным «единством всего на нём находящегося». ... «Территория» понимается как совокупность пространственно совпадающих частей социального, природно-ресурсного и иных потенциалов государства, по отношению к которой (совокупности) можно производить соответствующие регулятивные действия, как со стороны государства, так и со стороны органов власти или самоуправления этой территории. Повторим, что речь идёт о совокупности, а

¹ Более подробно этот сюжет рассмотрен Э.Б. Алаевым [1].

не о системе» [14, с.24–25]².

Здесь ключевой является последняя фраза: действительно, «район» по умолчанию есть территориальная система, а «территория» – это территориальное образование, не обладающее системными качествами.

Впрочем, в приведённом выше определении В.Н. Лексина и А.Н. Швецова не менее важным, наверное, является указание на то, что «территория» – это объект регулятивных действий со стороны государства. То есть «территория» с этой точки зрения является только частным случаем «региона», ибо последний может и не служить «объектом регулятивных действий».

Если говорить о современной российской действительности, то «территория» трансформируется в «субъект РФ»³. Но такой подход очень обедняет и региональную концепцию, и региональную политику. Ибо совершенно очевидно: «хотя разделение страны на регионы, чьи пределы были бы фиксированными границами, проведёнными на базе одной проблемы или одного набора проблем, возможно, решило бы некоторые наши затруднения, оно, несомненно, создало бы новые, ибо неизбежно было бы насилием против целостных ареалов иных проблем» [5, с.64]. Отсюда неизбежным становится формирование альтернативных систем регионов, выделяемых под те или иные цели⁴.

Но цели региональной политики от-

² Отметим, что тенденции, приведшие к фактическому отказу от применения терминов «район» или «регион», в западноевропейской литературе наблюдались, как минимум, с 70-х годов прошлого века.

³ И, если вновь обратиться к западноевропейской литературе по региональной проблематике, нужно отметить, что в ней «территория» не отождествляется с единицами административно-территориального деления страны.

⁴ Попутно отметим, что осознание этого факта пришло в западноевропейскую регионалистику ещё до Второй мировой войны. В упоминавшейся работе Вирта содержится соответствующая ссылка на статью, опубликованную в 1936 г.

личаются не только характером проблем, на решение которых направлено регулятивное воздействие государства, но и временным горизонтом этого воздействия. Соответственно, время является ещё одним фактором, приводящим к многообразию систем регионов¹.

Поэтому вовсе не случайно, что М. Китинг пришёл к выводу, с которым согласятся многие: «регион – это ускользающее понятие, включающее различные территориальные уровни и широкое социальное содержание» [12, с.75]. Говоря о «широком социальном содержании», мы вслед за Китингом имеем в виду, что регионы как территориальные образования находятся под воздействием многочисленных разнохарактерных факторов. И уже по этой причине очертания границ регионов с «широким социальным содержанием» неустойчиво, а регионы, выделенные по разным основаниям, «не только не всегда совпадают, но и могут противоречить друг другу» [12, с.75].

Что ещё можно добавить к вышесказанному о природе регионов? Много чего ещё. Но, как известно, «нельзя объять необъятное», да и не преследовал автор такую цель. Задача была другая: показать многообразие и сложность природы региона.

Но о чём всё-таки хотя бы кратко необходимо сказать, так это о том, что регионы и регионализм имеют давнюю историю, не только в Европе, а повсеместно, в том числе и в нашем отечестве. И делать вид, что в условиях глобализации и массового развития коммуникационных технологий регионы теряют свое значение, а то и исчезают вовсе – очень погрешить против истины. Впрочем, это вовсе не означает, что регионы и регионализм не чувстви-

тельны к изменениям в технологиях и в обществе. И, пожалуй, самым важным проявлением «нового регионализма» является рост межрегиональной конкуренции в сфере экономического и социального развития². А это, в свою очередь, влечёт за собой трансформацию региональной концепции, которая обогащается такими инструментами, как маркетинг мест, брэндинг территорий и т.п.³

Регион и географическое пространство

Если признать, что все науки, изучающие человеческую деятельность, в конечном счёте, имеют дело с единым объектом – экосистемой Земли, то её пространственная проекция может быть представлена как мозаика природных ландшафтов, которые и формируют географическое пространство⁴.

На протяжении многих столетий именно в рамках географического пространства происходило исследование различных аспектов человеческой деятельности. И поэтому вовсе не случайно, что в монографии «Район и страна» В.П. Семёнова–Тян-Шанского мы находим нижеследующее: «Пространство есть первый, важнейший фактор, с которым географу приходится иметь дело, – фактор статический,

² Поэтому вовсе не случайно появление вывода, согласно которому «процветания в новом тысячелетии смогут добиться не все европейские города и коммуны. Будут и победители, и проигравшие» [13, с.12].

³ Будет уместным вспомнить и процитированную работу Ф. Котлера с соавторами [13], и коллективную монографию под редакцией К. Динни [9].

⁴ Справедливости ради отметим, что среди географов, как отечественных, так и зарубежных, в неявном виде распространено мнение: географическое пространство – это пространство, с которым имеют дело географы. И так как долгое время языком пространственного анализа в географии была геометрия Эвклида, то картографирование тех или иных явлений в пределах тех или иных участков поверхности Земли почиталось за «альфу и омегу» географического исследования.

¹ Сотрудники секции экономического районирования Госплана ещё в двадцатые годы прошлого столетия понимали, что районы, выделяемые под стратегические цели, – это одно, а под цели оперативные – другое.

т.е. обладающий постоянными, определенными местами. *Alea geographica* есть ограниченное чем либо пространство на земном шаре, заполненное характерными географическими явлениями ...» [17, с.9].

Впрочем, концептуализация географического пространства – дело относительно недавнее, и, как уже отмечалось выше, она связана прежде всего с именами А. Гумбольдта, К. Риттера и А. Геттнера. А вот дальнейшее развитие идей классиков немецкой географии о взаимосвязанности и взаимообусловленности компонентов природной среды – дело по преимуществу российских географов, с В.В. Докучаева до А.Г. Исаченко.

Именно в рамках отечественной географии были сформулированы основы современного ландшафтоведения и физико-географического районирования. Ещё в 1913 г. Л.С. Берг на заседании Постоянной Биогеографической комиссии Императорского Русского географического общества (ИРГО) в докладе «Предмет и задачи географии» дал краткий, но исчерпывающий анализ содержания основополагающих категорий географии: ландшафта и географического района¹.

Приведем несколько фрагментов из этой работы классика отечественной географии.

Итак, во-первых: «География не есть хорология отдельных предметов и явлений, а, если так можно выразиться, хорология сообществ их. ... Что же представляет собой закономерные группировки предметов органического и неорганического мира на поверхности земли? Это есть ландшафт. Итак, география есть наука о ландшафтах» [2, с.7]².

Во-вторых, «изучению географии

подлежат как явления физической природы земли, так и проявления материальной и духовной деятельности её организмов (включая человека), лишь бы эти явления рассматривались с точки зрения их распространения» [2, с.8].

В-третьих, конечная цель географического исследования – это «изучение и описание ландшафтов, как природных, так и культурных» [2, с.8]. Но при этом следует помнить о том, что «чрезвычайно важную задачу географа составляет разделение земной поверхности или частей её на районы по естественным признакам. ...Географ, заимствуя нужные ему материалы из целого ряда наук, использует полученные данные для собственных целей – познания ландшафтов – при помощи собственного, хорологического метода» [2, с.9]³.

И, наконец, последнее: «Излишне распространяться, что описание областей, выделенных на основании административных или политических границ, является ненаучным: страноведение имеет дело с естественными ландшафтами» [2, с.11].

Возможно, последний тезис на первый взгляд выглядит излишне категоричным, но он вовсе не лишён смысла. Ибо его можно интерпретировать следующим образом: есть разные виды пространства, с которыми имеет дело наука, и коль мы изучаем природные территориальные образования, то есть ландшафты, физико-географические районы, природные зоны и сектора, то заниматься этим следует в первую очередь в рамках географического пространства.

Итак, что можно сказать относительно географического пространства с учётом

¹ Доклад был опубликован в Известиях ИРГО (вып. IX за 1915 г.); автором данной статьи использовался отдельный оттиск этой публикации.

² Много позднее Л.С. Берг ещё раз подчеркнул: «...география есть наука о географических ландшафтах» [3, с.132].

³ И коль мы вольно или невольно коснулись хорологического метода, а обоснование последнего как вполне законченной научной методологии неразрывно связано с именем А. Геттнера, то приведём мнение самого Л.С. Берга: «...различие между взглядами автора и Геттнера более кажущееся, чем действительное...» [2, с.10].

вышеприведенного?

Во-первых, поверхность Земли (как материковая, так и океаническая) представляет собой мозаику ландшафтов, то есть территориальных природных систем.

Во-вторых, так как в ландшафте сходятся все виды природного районирования¹, то «ландшафт в указанном понимании может рассматриваться как базовый, или первичный, эколого-географический и природно-ресурсный район» [10, с.31]. При этом вспоминается, что ещё В.П. Семёнов–Тян-Шанский, рассматривая взаимоотношения между районами экономическими и районами природными, не без основания полагал, что экономические районы, которые, по его мнению, всегда были и будут, «...тем прочнее, чем сильнее в них выражен физико-географический элемент» [17, с.25].

В-третьих, географическое пространство иерархично уже в силу того, что «географические закономерности проявляются в разных масштабах, т.е. на разных территориальных уровнях – от локального до глобального» [11, с.5].

Наконец, географические районы эволюционируют как под воздействием факторов, присущих самому географическому пространству, так и под воздействием из-за пределов географического пространства. И здесь мне трудно удержаться от того, чтобы не процитировать ещё одну мысль В.П. Семёнова–Тян-Шанского: «Районы живут и видоизменяются в пространстве, – подобно всему существующему на земной поверхности. Эти изменения сводятся к слитию и раздроблению районов, а также к их рассасыванию и перерождению. Слитие происходит путём выпадения признаков, отличающих их друг от друга, раздробление – путём зарождения в одном из них каких-либо новых отличительных признаков. ...Рассасывание – путём обезличения района вследствие

¹ Этот вопрос подробно рассмотрен В.Б. Сочавой [18].

уничтожения его характерных признаков вообще, зарождение – путём возникновения каких-либо характерных признаков, отсутствовавших ранее» [17, с.16].

Регион и социальное пространство

Наверное, суждения о социальном пространстве приобретают содержательный смысл, если мы имеем в виду дихотомию «природа – общество». Иначе говоря, есть пространство экосистемы под названием Земля, и есть пространство социальных процессов и структур. В свою очередь, социальное пространство в такой широкой трактовке «социального» неоднородно и состоит из подпространств (экономического, социального в узкой трактовке, духовного, политического и т.д.), то есть проекций функционально специализированных подсистем общества.

Очевидно, здесь будет уместно вспомнить П. Бурдьё, который много и плодотворно занимался исследованием социального пространства и взаимоотношениями оно с пространством физическим и экономическим. Не вдаваясь в детали его концепции, отметим, что в её основании лежат следующие положения. Во-первых, «социальное пространство... вписано одновременно в объективные пространственные структуры и в субъективные структуры» [4, с.38]. Во-вторых, «социальное пространство – не физическое пространство², но оно стремится реализоваться в нём более или менее полно и точно» [4, с.39]. И, в-третьих, «социальное пространство – абстрактное пространство, конституированное ансамблем подпространств или полей (экономическое поле, социальное поле и др.), которые обязаны своей структурой неравному распределению отдельных видов капитала, и может

² Физическое пространство П. Бурдьё по своей сути очень напоминает пространство географическое или, ещё лучше, физико-географическое (ландшафтное).

восприниматься в форме структуры распределения различных видов капитала, функционирующей одновременно как инструменты и цели борьбы в различных полях» [4, с.40].

То, что перечисленные выше положения не противоречат друг другу, не вызывает сомнений, но важно ещё и то, что они позволяют сделать некоторые умозаключения. Первое из них заключается в том, что, несмотря на абстрактный характер социального пространства, оно тесно связано с пространством географическим. Далее: социальное пространство неоднородно и состоит из подпространств, которые можно соотнести с основными подсистемами общества. При этом каждое из подпространств или полей опять-таки неоднородно.

Следующий шаг – определение того, в каких формах проявляется пространственная неоднородность – П. Бурдьё не делает, эти формы его просто не интересуют. И отметим, что П. Бурдьё в этом отношении не одинок, социологов не интересует регион. А если это так, то они его и не находят. Хотя нельзя не признать, что их интересуют проблемы формирования и эволюции социальных структур в пределах регионов, выделенных по тем или иным основаниям. Не остаются вне исследовательского фокуса и социальные процессы, опять-таки протекающие в пределах регионов различного типа и масштаба. И, само собой разумеется, интересуют социологов вопросы формирования и реализации социальной политики, опять-таки в регионах. Единственное, что их мало интересует, так это собственно регионы, выделяемые по совокупности социальных признаков (экономических, политических, идеологических и т.д.).

И, скорее всего, это связано с двумя обстоятельствами. Во-первых, с крайней сложностью структуры социального пространства, и, во-вторых, с не менее сложными и трудно наблюдаемыми взаимодействиями между отдельными подпростран-

ствами (полями) и физическим (географическим) пространством. Кстати, попытки конструирования такого рода интегральных районов предпринимались неоднократно в рамках географической науки. Здесь можно вспомнить и компажи, и «естественноисторические и культурные области», и «природно-хозяйственные районы», и ещё много чего из истории районирования.

Но можно остановиться и попытаться наметить несколько иной подход к социальному району, рассматривая его (по аналогии с ландшафтом) как основной структурный элемент социального пространства. То есть рассматривая социальный район (или регион) как пространственно обособленную подсистему территориальной организации общества¹.

В самом общем виде социальный район (данное название – рабочее) представляет собой комплекс различных проявлений социальной жизни, который стремится реализовать себя в географическом пространстве. Но как бы ни велико было значение географического пространства, оно не детерминирует ни характер протекания социальных взаимодействий, ни самих социальных структур.

Это в свою очередь означает, что при выделении социальных районов мы должны исходить из признания того факта, что не существует какого-то одного определяющего фактора; учёту подлежит система факторов, описывающая различные аспекты социальной жизни. Иначе говоря, социальный район представляет собой экономическую, социальную, политическую и этнокультурную конструкцию, не сводимую к какому-то одному из перечисленных выше аспектов.

Будучи открытой и в тоже время целеустремлённой системой (степень осознания целей и форма их представления в данном случае не рассматривается), струк-

¹ Авторская позиция по данному вопросу подробнее изложена в [7; 8].

тура социального района находится под воздействием как эндогенных, так и экзогенных факторов. А реализация целевых установок допускает множественность структур, в том числе и управления региональным развитием.

Социальный район, взаимодействуя с внешней средой, формирует свою структуру путём осуществления того или иного стратегического выбора. В свою очередь, стратегический выбор может происходить как в форме планирования, так и в форме самоорганизации, то есть без непосредственно участия органов государственной власти и местного самоуправления. В какой бы форме не был осуществлён стратегический выбор, он всегда происходит в рамках определённой национальной культуры и в контексте технологий, адекватных не только целевым установкам региональной стратегии, но и природным условиям района.

При этом и структура района, и конфигурация его границ эволюционируют, что обусловлено динамикой внешних сред и эволюцией целей регионального развития. И здесь мы вплотную подходим к осознанию того, что, по мнению М. Китинга, социальная сущность района формируется моделями обмена и социальной солидарности, устройством гражданского общества, наконец, чувством идентичности, которое «основывается на этих процессах и, в свою очередь, упрочивает их территориальную основу» [12, с.73].

Наконец, социальный район всегда взаимодействует с институтами. Особое место среди них занимает государство, которое использует этот район для достижения тех или иных общенациональных целей.

На этом автор посчитал возможным прервать ход своих размышлений относительно региона и пространства, оставив на будущее сюжет под названием «регион и экономическое пространство».

Список литературы

1. *Алаев Э.Б.* Социально-экономическая география: Понятийно-терминологический словарь. М.: Мысль, 1983. 250 с.
2. *Берг Л.С.* Предмет и задачи географии. Пг. 1915. 15 с.
3. *Берг Л.С.* Наука, ее содержание, смысл и классификация. Пг.: Время, 1922. 138 с.
4. *Бурдые П.* Физическое и социальное пространства: проникновение и присвоение // Бурдые П. Социология политики. М.: Sicio-Logos, 1993. С. 33–52.
5. *Вирт Л.* Локализм, регионализм и централизация // Логос. 2003. № 6. С. 53–66.
6. *Геттнер А.* Единство географии, как науки и учебного предмета // География – как наука и учебный предмет. Пг., 1924. С. 7–31.
7. *Демьяненко А.Н.* Экономическое районирование: вопросы теории и истории. Ч. I. Хабаровск: Хабаровская краевая типография, 2010. 224 с.
8. *Демьяненко А.Н.* Район как объект стратегического управления в контексте теории организации // Пространственная экономика. 2008. № 2. С. 60–88.
9. *Динни К.* Брендинг территорий. Лучшие мировые практики. М.: Манн, Иванов и Фарбер, 2013. 336 с.
10. *Исаченко А.Г.* Теория и методология географической науки. М.: Академия, 2004. 400 с.
11. *Исаченко А.Г.* Ландшафтная структура Земли, расселение, природопользование. СПб.: СПбГУ, 2008. 320 с.
12. *Китинг М.* Новый регионализм в Западной Европе // Логос. 2003. № 6. С. 67–116.
13. *Котлер Ф., Асплунд К., Рейн И., Хайдер Д.* Маркетинг территории. СПб.: Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, 2005. 376 с.
14. *Лексин В.Н., Швецов А.Н.* Государство и регионы. М.: УРСС, 2000. 368 с.
15. *Минакир П.А.* Экономика и пространство (тезисы размышлений) // Пространственная экономика. 2005. № 1. С. 4–26.
16. *Минакир П.А., Демьяненко А.Н.* Пространственная экономика: эволюция подходов и методология // Пространственная экономика. 2010. № 2. С. 6–32.

17. Семенов–Тянь-Шанский В.П. Район и страна. М.-Л.: Госиздат, 1928. 311 с.
18. Сочава В.Б. Введение в учение о геосистемах. Новосибирск: Наука, 1978. 319 с.
19. Benko G.B. Regional science: evolution over thirty years // *International Social Journal*. 1984. № 4. Pp. 699–712.

References

1. Alaev A.B. *Socioeconomic Geography: Conceptual-Terminological Dictionary*. Moscow, 1983. 250 p. (In Russian)
2. Berg L.S. *Subject and Problems of Geography*. Petrograd, 1915. 15 p. (In Russian)
3. Berg L.S. *Science, Its Contents, Sense, and Classification*. Moscow, 1922. 138 p. (In Russian)
4. Bourdieu P. Physical and Social Spaces: Penetration and Assignment. In: Bourdieu P. *The Sociology of Politics*. Moscow, 1993. Pp. 33–52. (In Russian)
5. Wirth L. Localism, Regionalism, and Centralization. *Logos*. 2003. No. 6. Pp. 53–66. (In Russian)
6. Hettner A. Unity of Geography as Science and Discipline. In: *Geography as Science and Discipline*. Petrograd, 1924. Pp. 7–31. (In Russian)
7. Demyanenko A.N. *Economic Zoning: Questions of Theory and History*. Part I. Khabarovsk, 2010. 224 p. (In Russian)
8. Demyanenko A.N. Region as an Object of Strategic Management in the Frame of the Organization Theory. *Prostranstvennaya ekonomika [Spatial Economics]*. 2008. No. 2. Pp. 60–88. (In Russian)
9. Dinnie K. *City Branding: Theory and Cases*. Moscow, 2013. 336 p. (In Russian)
10. Isachenko A.G. *Theory and Methodology of Geographical Science*. Moscow, 2004. 400 p. (In Russian)
11. Isachenko A.G. *Landscape Structure of Earth, Settlement, Environmental Management*. S.-Petersburg, 2008. 320 p. (In Russian)
12. Keating M. The New Regionalism in Western Europe. *Logos*. 2003. No. 6. Pp. 67–116. (In Russian)
13. Kotler P., Asplund C., Rein I., Haider D. *Marketing Places Europe: How to Attract Invest-*

ments, Industries, Residents and Visitors to Cities, Communities, Regions and Nations in Europe. S.-Petersburg, 2005. 376 p. (In Russian)

14. Leksin V.N., Shvetsov A.N. *State and Regions*. Moscow, 2000. 368 p. (In Russian)
15. Minakir P.A. Economy and Space (Rethinking' Thesis's). *Prostranstvennaya ekonomika [Spatial Economics]*. 2005. No. 1. Pp. 4–26. (In Russian)
16. Minakir P.A., Demyanenko A.N. Spatial Economics: The Evolution of Approaches and Methodology. *Prostranstvennaya ekonomika [Spatial Economics]*. 2010. No. 2. Pp. 6–32. (In Russian)
17. Semyonov–Tyan-Shansky V.P. *Rayon and Country*. Moscow–Leningrad, 1928. 311 p. (In Russian)
18. Sochava V.B. *Introduction in the Geosystems Doctrine*. Novosibirsk, 1978. 319 p. (In Russian)
19. Benko G.B. Regional science: evolution over thirty years. *International Social Journal*. 1984. No. 4. Pp. 699–712.

Для цитирования:

Демьяненко А.Н. О регионалистике... (некоторые соображения) // Регионалистика. 2014. Т. 1. № 1. С. 8–17.

For citing:

Demyanenko A.N. About Regionalistics... (Some Considerations). *Regionalistica [Regionalistics]*. 2014. Vol. 1. No. 1. Pp. 8–17. (In Russian)

УДК 001.8

ПОНЯТИЕ «РЕГИОН» И ПРЕДМЕТНО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНОВЕДЕНИЯ

КИРЕЕВ**Антон
Александрович**

Кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры политологии Школы региональных и международных исследований Дальневосточный федеральный университет, ул. Суханова, 8, Владивосток, Россия, 690950

KIREEV**Anton
Aleksandrovich**

Ph.D. in political science, associate professor, associate professor of the department of political science, School of Regional and International Studies

Far Eastern Federal University, 8, Sukhanova Street, Vladivostok, Russia, 690950

antalkir@yandex.ru

© Киреев А.А., 2014

Целью статьи является обзор и оценка предметно-методологического состояния современного регионоведения. Предметообразующее для данной науки понятие «регион» рассматривается в качестве маркера парадигмальных разногласий между региональщиками. Перспектива развития регионоведения как единой науки связывается с определением её предмета и методологии на основе постнеклассической парадигмы. Реализация этой перспективы предполагает решение проблем дифференциации и типологизации функциональных регионов, выявления содержания и механизма их связи, выделения базовых регионов и определения границ регионального управления.

Регионоведение, регион, пространство, парадигма, предмет, методология, интегральный регион

THE CONCEPT OF «REGION» AND SUBJECT-METHODOLOGICAL PROBLEMS OF REGIONAL SCIENCE

The aim of the article is to review and assess of subject-methodological state of contemporary regional studies. Concept of «region» is considered as a marker of paradigmatic differences between regional scientists. Further development of regional studies as a unified science is associated with the definition of its subject and methodology based on postnonclassical paradigm. Implementation of this vision involves solving problems of differentiation and typologization of functional regions, identifying the content and mechanism of their causal relationships, defining basic regions and determining the boundaries of regional management.

Regional science, region, space, paradigm, subject, methodology, integral region

Введение

Несмотря на то, что история термина «региональная наука»¹ насчитывает уже не менее шести десятилетий, широкая (хотя и не всегда ясно рефлекслируемая) дискуссия о содержании и степени единства обозначаемой им научной области продолжается до настоящего времени. Вполне закономерно, что узловым пунктом этой дискуссии является толкование и формальное определение понятия «регион». В самом деле, если регионалистика действительно обладает внутренним предметным единством – в качестве научной дисциплины, комплекса дисциплин или же междисциплинарной области на их стыке – то главной скрепой, ядром этого единства должно быть названное выше понятие.

Однако и самое беглое знакомство с литературой убеждает в том, что именно в этом центральном пункте разногласия, существующие внутри и без того очень рыхлого регионоведческого сообщества, достигают своего апогея. Обзор множества дефиниций, которые даже в наиболее полных и добротных учебниках по регионоведению обычно приводятся в виде несистематизированного списка [6, с.21–22; 22, с.8–11; 32, с.37–39], показывает, что их сходство, по сути, исчерпывается пониманием региона как части некоего пространственного целого. Если попытаться уточнить это предельно абстрактное определение, то можно сказать, что в сегодняшнем научном и образовательном обороте термин «регион» фактически утвердился в качестве наиболее общего, родового обозначения любой единицы организации пространства, независимо от её масштаба (таксономического уровня) и сущностной, качественной природы конституирующих её связей.

Значительно меньше согласия между исследователями существует в вопросе об

основных свойствах региона. Чаще всего в числе таковых свойств региона как единицы организации пространства называют целостность (внутреннюю связность), специфичность (обособленность, отличие от окружающего мира, от других регионов) и функциональность (выполнение определённой роли в рамках пространственного целого). На наш взгляд, указанные свойства (а также ряд реже выделяемых признаков региона – автономность, иерархичность и т.д.) можно обобщить в такой комплексной характеристике как системность. Системности различных региональных образований посвящена обширная литература [8]. Эта характеристика региона получила своё выражение в междисциплинарной категории «региональная (территориальная) система», а также во внутродисциплинарных понятиях «геосистема» (физическая география), «экосистема» (экология), «территориальная хозяйственная система» (экономика), «социокультурная система региона» (социология), «региональная политическая система» (политология). Если добавить к этим категориям терминологически менее явно заявляющие о своей системности, но указывающие на неё содержательными определениями понятия (например, «геоценоз», «биогеоценоз», «ландшафт», «территориально-производственный комплекс» и многие другие), то нельзя не признать, что представления о системной организации региона в современных региональных исследованиях распространены очень широко. Тем не менее, эти представления не являются господствующими. Немало регионоведов отказываются считать системность универсальным свойством региональных образований, а некоторые из авторов предлагают рассматривать системные качества регионов не как объективную данность, но как продукт конструирования [16]. Иными словами, готовность исследователей относить регионы к системным объектам зависит от их методологических предпочтений, а, в конечном счёте – от занимаемой ими

¹ Термины «региональная наука», «регионоведение» и «регионалистика» используются в настоящей статье как синонимичные.

мировоззренческой (парадигмальной) позиции.

Данное выше исходное, рамочное определение региона отсылает к ещё более общему и фундаментальному понятию пространства. Поскольку «пространство» является научно-философской, в буквальном смысле универсальной, мировоззренческой категорией, то в её использовании методологические и парадигмальные расхождения между учёными (в том числе географами) обнаруживают себя особенно рельефно. Для того чтобы прояснить глубину этих расхождений, необходимо вкратце описать эволюцию категории «пространство» в научном и философском познании.

Зафиксировать основные этапы этой эволюции позволяет выдвинутая в отечественной философии науки концепция смены моделей научного познания [30; 39, с.560–566]. Согласно этой схеме, в историческом развитии науки сменилось три таких модели (классическая, неклассическая и постнеклассическая), каждой из которых была присуща определённая научная картина мира и тесно сопряженные с ней основополагающие (парадигмальные) эпистемологические принципы. В классической модели, трактовавшей мир строго монистически, пространство мыслилось как единая и единственная, абсолютная целостность, независимая от времени и однородная по своим свойствам; как бесконечная «пустая форма», вмещающая все объекты. В физике, а затем и в других естественных науках подобное, имеющее ещё античные корни, понимание пространства распространилось благодаря работам И. Ньютона, заслуга же утверждения его в философии и социогуманитарном знании принадлежит в первую очередь И. Канту. Классическая концепция пространства доминировала в донаучный и ранний научный периоды развития географии, вплоть до первой половины XX в. На ней базировался антропоцентризм, хорологизм и эмпиризм большинства гео-

графических исследований этого времени, видевших свою цель во всё более исчерпывающей и точной инвентаризации различных локализованных в пространстве объектов [11, с.11–16; 24, с.60–62].

Одним из главных результатов неклассической научной революции, вызванной релятивистским переворотом в физике и резко ускорившимся с конца XIX в. процессом дисциплинарной дифференциации научного знания, стала дискредитация представления о пространственной (и временной) целостности мира. Её место заняла идея о множественности форм бытия (реальностей), о плюрализме пространственно-временных континуумов, обладающих специфическими, асимметричными свойствами и закономерностями. Плюрализации реальности сопутствовал переход от эмпирического элементаризма к холизму, то есть обнаружение внутренней связности и целостности, системности отдельных «миров».

Вскоре по возникновении неклассической парадигмы в её развитии наметились две линии, которые условно можно назвать субъективистской и объективистской. Субъективистский подход¹ к выделению различных пространств и их сегментов рассматривал их как продукты когнитивной и поведенческой активности индивидуальных и групповых субъектов, как «социальные конструкторы». В своём предельном выражении это подход вёл к радикальному релятивизму и волонтаризму, к принципиальному отрицанию возможности какой-либо единой теории пространства. Именно субъективистская версия неклассической парадигмы уже в 50-е гг. XX в. возобладала в конкретно-научных пространственных (географических в широком смысле) исследованиях и оказала решающее влияние на становление в это

¹ Философскими основаниями этого подхода в разное время выступал целый ряд учений – от позитивизма и феноменологии до постструктурализма (постмодернизма).

время в США региональной науки [10; 11, с.61–62].

Объективистский подход, долгое время находившийся в тени своего конкурента, напротив, исходил из того, что в основе множественности и разнообразия пространств и их дифференциаций лежит независимая от человеческого целеполагания внутренняя сложность материальной реальности. Для сторонников этого подхода было характерно стремление к поиску закономерных связей между системами, принадлежащими к разным уровням пространства. Еще в XIX в. теоретические исследования в этом направлении (как в натуро-, так и в социоцентрической перспективе) проводили К. Маркс, Ф. Ратцель, В. де ла Блаш и В.В. Докучаев. В XX в. объективистский подход к пространству получил наиболее полное и систематическое развитие во французской геоистории и в советской социально-экономической географии.

Внутренние противоречия и неспособность к построению общенаучной картины мира в последней трети XX в. привели неклассическую парадигму к кризису, который создал условия для формирования новой, постнеклассической модели науки. Постнеклассическая парадигма возникла в результате соединения принципов объективистской версии неклассической науки с некоторыми конкретно-научными достижениями современного естествознания, а точнее – синергетики, эволюционной биологии и нестационарной космологии. От своей предшественницы постнеклассическая наука унаследовала принципы пространственно-временного плюрализма и системности. Вместе с тем, постнеклассическая парадигма ориентирована на создание синтетической трансдисциплинарной картины мира, единство которой должно основываться на идеях универсальной эволюции вселенной и наличии в ней константных величин (фундаментальных физических постоянных). В свете этой парадигмы вселенная предстаёт в виде коэво-

люционирующей иерархии гетерогенных и гетерономных динамических систем, являющихся материальными носителями различных видов пространства [12].

Таким образом, в настоящее время развитие философии и науки уже подготовило предпосылки для конкретно-научной постановки и решения вопроса о сущности и механизмах отношений различных видов природного и общественного пространств или, что более точно, соответствующих им типов объектов и их систем. На этой основе регионоведение может более корректно сформулировать проблему региона в его тотальном смысле, как интегрального единства многих пространств, и тем самым прийти к более полной и познавательной эффективной модели своего сложного предмета. Рассмотрению некоторых актуальных вопросов, связанных с реконструкцией такой модели, и будет посвящена остальная часть этой работы.

Мультипарадигмальность современного регионоведения

Процесс формирования теории региона и консолидации вокруг неё полидисциплинарных региональных исследований наталкивается сегодня на ряд важных препятствий. Первым и наиболее фундаментальным из них является уже упомянутая парадигмальная неоднородность и даже «расколотовость» региональных исследований. В современном регионоведении одновременно сосуществуют и применяются все три названные выше парадигмы научного знания. При этом приверженность учёных той или иной модели научности далеко не всегда является сознательной¹. Тем не менее, целевая направленность конкретных региональных исследований и применяемый в них понятийный

¹ По-видимому, для России, пережившей после демонтажа в 1990-е гг. идеологической и вкупе с ней философской надстройки над наукой период настоящего методологического одичания, это свойственно особенно.

аппарат, как правило, позволяют идентифицировать парадигмальные предпочтения их авторов вполне однозначно. Руководствуясь этими критериями, можно констатировать, что и сегодня бóльшая часть исследований, относящих себя к категории региональных, базируется на принципах классической научности. Это прежде всего касается работ, преследующих описательные цели, посвящённых изучению объектного или событийного содержимого регионального образования того или иного пространственного уровня (типа). Эти научные работы обычно либо опираются на собирательные, суммативные определения региона, либо вообще обходятся без таковых, по умолчанию привязывая свои предметно-пространственные границы к существующей формально-правовой, административно-территориальной сетке. Так или иначе, в данной разновидности исследований понятие региона играет роль некоей внешней рамки, сводящей изучаемые процессы и явления воедино, но сущностно с ними не связанной [напр.: 20].

К неклассической парадигме можно причислить не только описательные, но и объяснительные исследования, ориентированные на познание региона как некоей системной целостности. При этом используемые в них определения региона (их часто называют функциональными или отраслевыми [33, с.8–9]) сфокусированы на организации какого-либо одного вида (уровня) пространства – геологического, биологического, экономического и т.д. [4; 21; 37]. От существования других видов пространства, в том числе смежных с исходным таксоном, авторы таких исследований абстрагируются или же (что является другим вариантом подобной редукции) трактуют их как прямые проекции интересующего их функционального региона, обусловленные присущими ему факторами и закономерностями.

В последние двадцать лет в регионаловедении наблюдается рост количества пока ещё немногочисленных научных работ,

выполненных в парадигме постнеклассической науки [2; 9; 24; 25]. Эти исследования в основном нацелены на решение объяснительных, теоретических задач региональной науки, хотя это, безусловно, не говорит о невозможности применения принципов той же парадигмы и в сугубо описательных целях. Как бы то ни было, для постнеклассических регионоведческих исследований характерна опора на различные интегральные (или иерархические) дефиниции региона, представляющие его в виде процесса исторического взаимодействия (или, в иной терминологии, динамической интегральной системы) ряда функциональных региональных образований, относящихся к различным пространственным (и временным) континуумам. Даже учитывая очень неодинаковое качество конкретных результатов таких исследований, именно с этим подходом связаны перспективы дальнейшего развития теории региона и регионоведения как целостной науки.

Здесь следует подчеркнуть, что сама по себе мультипарадигмальность – вполне обычное и даже необходимое для науки явление, отражающее значительную неравномерность её развития, как на общенаучном, так и на отраслевом уровне. Однако в тех научных областях и проблемах, где пройденный наукой путь (с точки зрения объёма накопленных знаний и меры их теоретической организации) уже позволяет начать применение наиболее эффективной из существующих на сегодня парадигм, ограничение исследований старыми парадигмальными рамками было бы равнозначно их искусственному торможению.

Сказанное, разумеется, не означает, что переход к новой парадигме должен дать немедленный и непосредственный эвристический эффект. Обновление основополагающих методологических принципов представляет собой только первый шаг к решению стоящих на повестке современной регионалистики специально-научных, теоретических проблем. К числу

таких основных проблем, нерешённость которых препятствует сегодня созданию интегральной теории региона, можно отнести следующие:

- дифференциация и типологизация функциональных регионов, принадлежащих к различным уровням (видам) пространства;

- выявление содержания и механизма связей между регионами различного типа;

- выделение базовых типов региона как основы для построения концепций конкретных интегральных региональных систем;

- определение объективных ограничений в управлении интегральными региональными системами.

Дифференциация и типологизация функциональных регионов

Обращаясь к первой из намеченных проблем¹, необходимо сказать, что её, по видимому, можно считать наиболее трудноразрешимой. Объёмность и междисциплинарная значимость вопроса разграничения и типологизации различных региональных систем способствовала появлению огромного спектра ответов на него, основанных порой на несопоставимых критериях. Сама многочисленность этих ответов и невозможность их систематизации указывают на то, что данная проблема, судя по всему, не может быть решена индуктивным, эмпирическим путём. Она слишком тесно связана с проблемами типологизации пространств и изучающих их естественных и общественных наук и, в конечном счёте, должна рассматриваться на уровне общенаучной картины мира или, пользуясь философским языком, онтологии.

Крайне недостаточно изучаемые и

¹ В разных формулировках эти проблемы уже многократно ставились в научной и философской литературе ранее. См.: [18].

обсуждаемые сегодня (как в России, так и за рубежом) вопросы онтологических оснований науки [1, с.54–57], в 60-е – 80-е гг. XX в. активно разрабатывались советскими философами и учёными. На базе диалектико-материалистической концепции Ф. Энгельса [38] ими была создана классификация (правильнее – типология) форм движения материи, послужившая в свою очередь основой для ряда классификаций наук². В упомянутой классификации форм движения материи выделяются следующие формы: физическая (группа физических форм), химическая, геологическая, географическая, биологическая и социальная³. Советские исследователи предпочитали рассматривать социальную форму движения материи как неделимую, не требующую внутренней вертикальной дифференциации целостность, сводимую ими к процессу материального производства и воплощающим его социально-экономическим системам [15, с.155, 242–252]. Метод классификации (типологизации) предполагал, что каждой из форм движения материи соответствуют специфические пространство и время, свойства и законы образующих её элементов, а также особый тип их системной организации. В рамках классификации формы движения материи, соответствующие им пространства и системы располагались в порядке их исторического возникновения (онтогенеза и филогенеза) и возрастания структурной сложности (от низшего к высшему) [15, с.54–127].

Данная типология форм движения материи и пространств в советский период оказывала своё влияние и на конкретные пространственные (географические) исследования, в том числе посвящённые вопросам районирования и регионального планирования [11, с.67–71]. Впрочем, и в то время её потенциал использовался ог-

² Наиболее известная из этих классификаций принадлежит Б.М. Кедрову.

³ Здесь приводится упрощённый (линейный) вариант классификации.

раниченно, в той мере, в какой это казалось целесообразным с точки зрения задач государственной экономической политики, являвшихся безусловным приоритетом в развитии региональной науки в СССР. В современных же российских региональных исследованиях влияние этой концепции прослеживается лишь спорадически, в основном на уровне отдельных понятий. В этом отношении российская регионалистика всё более приближается к западной региональной науке, с характерной для неё прикладной, экспертно-сервисной ориентацией и пренебрежением к слишком отвлечённым научно-философским категориям.

Результатом такой эволюции является умножение разного рода искажений в дифференциации и типологизации регионов, среди прочего допускаемых и в исследованиях, нацеленных на изучение интегральных региональных систем. Эти искажения можно разделить на три основные разновидности: 1) неполнота дифференциации регионов различного типа (что чаще всего выражается в недифференцированности природных регионов, разнокачественность которых «снимается» в общих терминах «природа», «природные ресурсы», «географическая среда», «экологическая среда» и т.п. [3]); 2) методологическая некорректность (произвольность) дифференциации функциональных регионов (примером этому служит разделение региональной системы на эколого-географическую, социальную, экономическую и политико-правовую подсистемы [14]); 3) нарушение логического (иерархического) порядка при типологизации функциональных регионов (следствием чего становятся такие эклектичные синтетические концепты, как, например, «социо-эколого-экономический регион» [19]). Перечисленные искажения, малозаметные и часто некритичные на уровне эмпирических исследований, способны привести к серьёзным трудностям при обобщении их выводов и разработке интегральной теории

региона.

Максимальная полнота и корректность дифференциации функциональных региональных систем, принадлежащих к различным видам пространства, соблюдение логической последовательности при их типологизации являются той необходимой основой, без которой дальнейшее понятийное и теоретическое развитие регионоведения становится невозможным. В решении этих задач сегодня было бы продуктивным опереться на диалектико-материалистическую типологию форм движения материи и опыт её применения в советских региональных исследованиях. При этом данная типология должна быть обновлена с учетом постнеклассической картины мира, основанной на результатах современного естествознания, а также дополнена определениями ряда новых форм движения материи (форм бытия), которые ранее были «растворены» в неоправданно широкой категории «социальной формы». Здесь, на наш взгляд, можно было бы взять за основу уже получившую признание во многих социогуманитарных науках функциональную схему Т. Парсонса, дифференцирующую социальную (общественную) систему на четыре иерархически упорядоченные подсистемы: экономическую, политическую, социетальную (социальную) и подсистему сохранения и воспроизводства образца (культурную) [23, с.786–804]. Безусловно, все теоретические варианты дифференциации и типологизации форм бытия, пространств и региональных систем следует рассматривать только как гипотезы, подлежащие проверке и, исходя из результатов их использования в конкретных региональных исследованиях, необходимому изменению.

Связи между функциональными регионами

Изучение вопросов дифференциации и типологизации функциональных регионов закономерно подводит к проблеме вы-

явления содержания и механизма (структуры) связей, соединяющих их в интегральную региональную целостность. На наличие и общий характер таких связей указывает уже сама логика типологии регионов, её генетическая и структурная иерархичность. Постановка проблемы субстанционального содержания и процессуальной структуры связей между функциональными регионами позволяет перейти от этой общей онтологической логики на более частный, конкретно-научный уровень анализа.

Если между функциональными регионами разного типа существуют причинные¹ связи, то они должны иметь субстанциональную основу. Со времён создания В.И. Вернадским теории биосферы в науке утвердилось представление, что содержанием связей систем различных уровней иерархии является обмен энергией и веществом, которые меняют свою форму и свойства при переходе от одного уровня к другому. В регионоведческих исследованиях (особенно социогуманитарных) всевозможные формы энергии и вещества часто фигурируют под термином «ресурсы», хотя содержание последнего является более узким, предметным. Во второй половине XX в. наряду с понятиями «энергия» и «вещество» исследователи стали активно использовать понятие «информация», что отражало как процесс распространения системного (кибернетического) подхода, так и осознание возрастающей роли среди причинных связей в обществе и природе управленческих воздействий. Впрочем, относительно соотношения понятия «информация» с понятиями «энергия» и «вещество» и возможных границ его применения консенсуса в философии и науке до сих пор нет.

Исходя из структурного порядка причинных связей, а точнее, такой его со-

ставляющей как системный статус, прежде всего следует провести их разделение на горизонтальные и вертикальные. Горизонтальные связи соединяют элементы одной формы движения материи, одного пространственного уровня, конституируя тем самым функциональные региональные системы. Вертикальные связи соединяют элементы разных форм движения материи, разных слоёв пространства. Именно вертикальные причинные связи обеспечивают существование интегральных региональных систем – от сравнительно хорошо изученных двух- и трёхуровневых до (пока гипотетических) тотальных. Примерами интегральных региональных систем разной сложности служат ландшафты, социально-экономические системы, геосистемы и экосистемы [11, с.25–37; 15, с.159–161; 31, с.41–59]. С делением связей на горизонтальные и вертикальные, по-видимому, тесно сопряжена их дифференциация на детерминистские и стохастические. Причинные зависимости между входящими в состав интегральных региональных систем функциональными системами (в отличие от внутренних связей в последних) имеют скорее не жёстко-однозначный, но вероятностно-стохастический характер [36], что, в частности, нашло отражение в известной концепции географического POSSIBILISMA.

Другой структурной характеристикой (наряду с системным статусом) каузальных связей между функциональными регионами является их траектория, пространственно-временной порядок. По этому критерию вертикальные связи можно разделить на циклические и линейные. Циклические, круговые формы причинности между уровнями реальности (формами движения материи) были выявлены естественными науками, в том числе науками о Земле, по крайней мере, ещё в XIX в., задолго до появления общей теории систем. С возникновением системного подхода и практически синхронным с ним образованием региональной науки циклы различного содержания и масштаба надолго стали,

¹ Под причинными здесь понимаются все возможные объективные формы зависимости между явлениями.

по сути, основным изучаемым регионоведами видом вертикальных связей. Существование циклических вертикальных связей – от глобального общественно-природного кругооборота вещества и энергии, тепло-влагообменного цикла в географической оболочке и биогеохимического цикла в биосфере до ресурсных циклов в отдельных отраслях территориально-производственных комплексов [29, с.8–12; 34, с.202–206] – служит на сегодня наиболее фундаментальным аргументом в пользу системной целостности интегральных регионов. Вместе с тем, взаимные отношения вертикальных циклов, системообразующих для интегральных регионов разного уровня, до сих пор во многом остаются неясными, что обусловлено как упоминавшимися искажениями в дифференциации и типологизации функциональных регионов, так и недостаточной изученностью самих циклических процессов.

Линейные вертикальные связи, то есть однонаправленные, необратимые причинные зависимости, становятся предметом регионоведческих исследований значительно реже. Изучение линейной причинности (в её целевой, телеологической форме) традиционно считалось делом социогуманитарных дисциплин, первыми обратившихся к проблемам управления. Однако возникновение кибернетики и создание концепций управленческих циклов в политологии и экономике [35, с.178–187] способствовало резкому сужению использования принципа линейной причинности во всех отраслях науки, включая и регионоведение. Региональное управление сегодня рассматривается обычно как циклический процесс [13, с.217–220], взаимодействующий с иными естественными и искусственными циклами функционирования интегральных регионов и включающий в качестве одной из фаз целеполагание и целенаправленную активность органов власти и общества в целом. Впрочем, распространение постнеклассической парадигмы может привести к реабилитации в регио-

новедении нециклических вертикальных связей в такой их новой форме как аутопоэтическая (самопроизводящая) причинность, впервые открытая в синергетике и эволюционной биологии. Аутопоэтическую причинность можно определить как возникновение в динамике сложноорганизованных систем необратимых (конструктивных или деструктивных) следствий случайного взаимодействия циклических процессов, свойственных для входящих в них гетерогенных и гетерономных компонентов (субсистем)¹. Высокая степень сложности всякого интегрального региона, значительная разнородность, разнонаправленность и потенциальная конфликтность образующих его вертикальных и горизонтальных циклов позволяют считать аутопоэтическую причинность весьма перспективным методологическим инструментом региональных исследований.

Базовые регионы

Как уже отмечалось, постнеклассическая парадигма базируется на плюралистическом мировоззрении, на идее полицентрического взаимодействия, коэволюции различных уровней пространства и типов систем. Однако это не означает признания равной значимости всех взаимодействующих центров (что было бы равносильно индетерминизму) и не снимает вопроса о выборе исходного уровня анализа, приоритетного объекта изучения. Этот вопрос имеет особенную остроту для эмпирических и прикладных исследований, где учёный связан многими пространственными, временными, финансовыми и иными ограничениями и уже поэтому вынужден сужать фокус своего внимания. В регионоведении решение этого вопроса предполагает определение базового типа функционального региона, который мог бы послу-

¹ Примером концепции интегральной системы, основанной на аутопоэтической причинности, может служить теория исторических циклов П. Турчина. См.: [40].

жить основой для концептуальной реконструкции (моделирования) интегральной региональной системы в целом.

Вопрос об исходном уровне анализа так или иначе ставится во многих исследованиях, затрагивающих проблематику интегральных регионов [7, с.29–31; 26, с.7–10]. В советский период за исходный и важнейший уровень анализа обычно принимались территориальные хозяйственные (экономические) системы или территориально-производственные комплексы. В постсоветском российском регионоведении на эту роль чаще всего претендуют административно-территориальные (политические) образования¹. В зарубежных региональных исследованиях, с преобладающими в них антропо- и культуроцентризмом, при реконструкции интегральных регионов приоритет нередко отдаётся «ареалам идентичностей», культурно-идеологическим регионам, в том числе созданным усилиями разного рода эпистемических сообществ [17; 27, с.11–31]. Перечисленные подходы к моделированию интегральных регионов, сами по себе вполне допустимые, в большинстве случаев приводят к некорректным редукциям и односторонне-детерминистским выводам. Некорректность упрощения при этом проявляется в прямом переносе свойств и даже законов «главного» функционального региона на входящие в предполагаемую интегральную систему регионы других типов, а детерминизм – в недооценке силы «встречного» воздействия с их стороны. Примером редукционистского переноса свойств исходного региона на другие может быть проецирование на них его пространственных границ. Подобная «подгонка», скажем, под границы административно-территориальной единицы контуров «подведомственных» ей социальных, экономических, биологических, геологиче-

ских и т.п. регионов, при очевидном удобстве и кажущейся на описательном уровне невинности, на этапе обобщения и объяснения собранных данных может привести к накоплению такого объёма погрешностей, который способен превратить концепцию интегрального региона в бесполезную фикцию.

Одним из общих способов минимизации такого рода искажений является выбор в качестве исходного уровня анализа базового функционального региона. Базовым предлагается называть функциональный регион, объективно занимающий в соответствующем интегральном регионе ведущее положение, основными признаками которого являются относительно более высокая скорость развития (структурных изменений) данного функционального региона и относительно большая сила воздействия на другие функциональные регионы, измеряемая как в горизонтальной, так и в вертикальной (уровневой) дальности вызываемых этим воздействием эффектов. Из типологии форм движения материи и концепции цикличности их вертикальных связей следует, что никакой базовый регион не может односторонне детерминировать динамику других функциональных регионов, а тем более «подменять» их свойства, структуру и законы собственными. Кроме того, необходимо учитывать, что «базовость» любого функционального региона является не абсолютным, а переменным качеством. В зависимости от исторической стадии развития общества и конкретных географических (природных) условий², базовая роль может смещаться по иерархической вертикали данной интегральной региональной системы. Отсюда вытекает задача создания не универсальной (глобальной и общеисторической) теории интегрального региона, но серии исторически и географически лока-

¹ В этой роли обычно выступают «субъекты РФ». Данный термин сегодня фактически служит синонимом региона в самом широком, тотальном смысле [22, с.16, 40].

² Эти условия определяют гетерохронность развития разных интегральных регионов, входящих в одну общественно-природную систему.

лизованных концепций, объединённых общими методологическими принципами и понятийным аппаратом, и при этом построенных на основе базовых регионов разного типа.

Пределы регионального управления

Вопросы редуционизма и детерминизма в моделировании интегральных регионов имеют непосредственное отношение к проблеме определения объективных пределов управления последними. Некорректное сведение сложной системы интегрального региона к свойствам и закономерностям одного из входящих в неё функциональных регионов, как правило, подталкивает к восприятию такого интегрального региона в качестве пассивного объекта управления, способного в лучшем случае только к реактивному отклику на управляющее воздействие. Наиболее ярко и драматично игнорирование самодовлеющей роли и активности интегральных регионов (и каждого из входящих в них функциональных регионов) проявляется в такой форме управления, как регионостроительство [17; 28]. Постмодернистское по происхождению представление о том, что регион в его тотальном смысле может возникнуть как продукт некой «дискурсивной практики», свободного творчества группы экспертов и политиков, в настоящее время широко распространено не только в зарубежной, но и в отечественной науке. До недавних пор ссылки на европейский (конструктивистский по преимуществу) опыт регионостроительства можно было встретить не только в научно-аналитических публикациях, но и в нормативно-правовых документах РФ, посвящённых вопросам регионального управления и трансграничного сотрудничества [4, с.99–116].

Европа, а точнее, страны ЕС, действительно выступают сегодня полигоном активной региональной поли-

тики, в результате которой здесь практически ежегодно возникают новые внутренние и особенно трансграничные региональные образования (еврорегионы) различного масштаба и иерархической сложности [5]. Однако следует учитывать, что такая исключительная интенсивность процессов регионостроительства (и регионализации), при всех эксцессах, имеет под собой очень специфическую, если не уникальную, объективную основу. Европейское пространство на многих природных и общественных уровнях отличается высокой степенью дифференцированности и высокой плотностью горизонтальных структурных связей. Это даёт богатый ассортимент выбора «строительного материала» для разнообразных региональных проектов, неординарные возможности для функционального и интегрального территориального дизайна. В России, в особенности в её азиатской части, природные пространства дифференцированы значительно менее дробно, а общественные (в силу слабоосвоенности) содержат обширные, внутренне почти не структурированные «пустоты». В этих условиях возможный выбор объективно обоснованных конфигураций интегральных региональных систем весьма узок. Как ни странно, это только способствовало (и способствует) регионостроительному волонтаризму. Однако многочисленные территориальные (прежде всего, административно-территориальные) преобразования в последние три века истории России слишком часто носили чисто картографический, виртуальный характер, порождая «вымышленные» регионы-фантомы, которые в дальнейшем становились объектами столь же иллюзорного в своей эффективности управления.

Для того чтобы виртуальность регионостроительства и иных форм регионального управления не оборачивалась вполне реальными и огромными финансовыми, материальными, человеческими и другими издержками, субъекты управле-

ния должны отталкиваться от объективных свойств, структур и границ управляемого интегрального региона, от его действительной многомерной сложности. Даже если региональное управление основано на правильном выборе (в качестве центрального объекта воздействия) базового функционального региона, оно не может отвлечься от структурных особенностей регионов других типов, их собственной активности. Иными словами, оно должно базироваться на возможно более полной реконструкции управляемого объекта, которую только в состоянии дать современные региональные исследования. Каковы бы ни были затраты на такие исследования, потери от отказа от них будут неизмеримо большими. Пока возникновение ноосферы является делом далекого будущего, и человек не стал в полном смысле геологической и регионообразующей силой, управление интегральными регионами будет оставаться в основе своей задачей выбора из ограниченного репертуара возможностей, предоставленных природой и историей, выбора, помощь в котором могла бы оказать единая региональная наука.

Заключение

В настоящей статье не ставилась задача дать развернутое определение предмета и методологии, приверженность которым могла бы обеспечить успешное развитие региональной науки в будущем. Как показывает опыт, подобного рода детальное предметно-методологическое программирование научных поисков редко находит отклик у тех, кто их ведёт, и обычно оказывается бесплодным. Вместе с тем, столь же бесплодной становится и сама исследовательская работа, если она представляет собой сумму «мелких хаотических движений», не направляемых какими-то устойчивыми ориентирами. Данной статьей автор хотел подтолкнуть регионоведов к тому, чтобы они сфокусировали своё внимание на некоторых пробле-

мах, которые могут послужить для них такими ориентирами. В обширном проблемном поле регионоведческих исследований изучению этих предметно-методологических вопросов сегодня отводится неоправданно скромное место. Однако от их решения в первую очередь зависят перспективы превращения этих исследований из неопределённого в своём предназначении конгломерата разнодисциплинарных знаний в предметно и методологически целостную науку, способную к систематическому освоению огромной и пока едва размеченной области природной и общественной реальности.

Список литературы

1. *Ажимов Ф.Е.* Метафизические основания гуманитарного познания: историко-философский анализ. Владивосток: Изд-во ДВФУ, 2011. 264 с.
2. *Бакланов П.Я., Каракин В.П., Шейнгауз А.С.* Природопользование Дальнего Востока России и сопредельных территорий // *Пространственная экономика*. 2005. № 1. С. 27–45.
3. *Вампилова Л.Б.* Комплексный историко-географический анализ региона и его значение для ландшафтных исследований // *Ландшафтоведение: Теория, методы, региональные исследования, практика: Материалы XI Международной ландшафтной конференции* / Ред. коллегия: К.Н. Дьяконов (отв. ред.), Н.С. Касимов и др. М.: Географический факультет МГУ, 2006. С. 91–94.
4. *Вардомский Л.Б.* Российское порубежье в условиях глобализации. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 216 с.
5. *Вовенда А.В., Плотников В.А.* Еврорегионы как фактор успешной международной интеграции в современных условиях // *Балтийский регион*. 2011. № 4. С. 60–68.
6. *Гладкий Ю.Н., Чистобаев А.И.* Регионоведение. М.: Гардарики, 2002. 384 с.
7. *Государственно-территориальное устройство России: реформирование регионального уровня* / под ред. В.И. Гришина, В.В. Кистанова. М.: Финансы и статистика, 2007. 288 с.
8. *Гранберг А.Г.* Основы региональной экономики. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 495 с.

9. Демаков Ю.П., Колесов А.В., Севостьянова Л.И. Территориальные природно-хозяйственные системы: синергетический аспект // Социальная синергетика: предмет, актуальные проблемы, поиски, решения. Йошкар-Ола, 2003. С. 219–237.
10. Изард У. Методы регионального анализа. М.: Прогресс, 1966. 660 с.
11. Исаченко А.Г. Теория и методология географической науки. М.: Академия, 2004. 400 с.
12. Казютинский В.В. Эпистемологические проблемы универсального эволюционизма // Универсальный эволюционизм и глобальные проблемы / Отв. ред.: В.В. Казютинский, Е.А. Мамчур. М.: ИФ РАН, 2007. С. 4–32.
13. Курнышев В.В., Глушкова В.Г. Региональная экономика. Основы теории и методы исследования. М.: КНОРУС, 2011. 272 с.
14. Лазичева Е.А. Региональная система как субъект и объект управления региональным развитием // Известия Томского политехнического университета. 2008. № 6. С. 19–23.
15. Лямин В.С. География и общество (Философские и социологические проблемы географии). М.: Мысль, 1978. 309 с.
16. Макарычев А.С. Регионализм глазами конструктивизма: агенты, структуры, идентичности // Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре. 2010. № 3. С. 137–150.
17. Макарычев А.С. Регионостроительство: концептуальные контексты. URL: <http://www.kazanfed.ru/actions/konfer3/doklad8/> (дата обращения: 10.04.2014).
18. Минакир П.А., Демьяненко А.Н. Общественное развитие: междисциплинарные взаимодействия пространственных проекций // Пространственная экономика. 2011. № 4. С. 124–134.
19. Моделирование социо-эколого-экономической системы региона / Под ред. В.И. Гурмана, Е.В. Рюминой. М.: Наука, 2003. 175 с.
20. Некрас Ю.В., Табаченко А.А., Носовский В.С., Авдеев Ю.В., Малышев Е.А. Продовольственная безопасность и ее обеспечение в Дальневосточном федеральном округе. Владивосток: Дальнаука, 2011. 370 с.
21. Основы региональной геологии СССР / Цейслер В.М., Караулов В.Б., Успенская Е.А., Чернова Е.С. М.: Недра, 1984. 358 с.
22. Основы регионоведения / Под ред. И.Н. Барыгина. М.: Гардарики, 2007. 399 с.
23. Парсонс Т. О социальных системах / Под ред. В.Ф. Чесноковой и С.А. Белановского. М.: Академический проект, 2002. 832 с.
24. Пузаченко Ю.Г. Ландшафт как динамическая система // Ландшафтоведение: Теория, методы, региональные исследования, практика: Материалы XI Международной ландшафтной конференции / Ред. коллегия: К.Н. Дьяконов (отв. ред.), Н.С. Касимов и др. М.: Географический факультет МГУ, 2006. С. 44–46.
25. Региональные процессы современной России / отв. ред. В. В. Сухомлинова. Биробиджан: Биробиджанский филиал ФГБОУ ВПО «Амурский государственный университет», 2012. 327 с.
26. Романов М.Т. Территориальное устройство хозяйства и населения на российском Дальнем Востоке. Владивосток: Дальнаука, 2004. 232 с.
27. Севастьянов С.В. Неправительственные участники сотрудничества Восточной Азии: Вклад в развитие регионализации и региональной идентичности. Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2009. 212 с.
28. Соколов В.Н. Новая регионалистика, геополитика и история: проблемы безопасного со-развития России и АТР // Азиатско-тихоокеанские реалии, перспективы, проекты: XXI век. Научные доклады Дальневосточного межрегионального института общественных наук. Владивосток: Изд-во ДВГУ, 2004. С. 159–184.
29. Соколов С.Н. Пространственно-временная организация производительных сил регионов Азиатской России. Автореферат дис. ... доктора географических наук: 25.00.24. Иркутск, 2009. 45 с.
30. Степин В.С. Теоретическое знание. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 744 с.
31. Трансграничный регион: понятие, сущность, форма / Науч. ред.: П.Я. Бакланов, М.Ю. Шинковский. Владивосток: Дальнаука, 2010. 276 с.
32. Туровский Р.Ф. Политическая регионалистика. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2006. 780 с.
33. Федоров Г.М., Корнеевец В.С. О сущности и соотношении понятий «регион», «международный», «транснациональный» и «трансграничный» регион // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. 2010. № 3. С. 8–14.
34. Холина В.Н. Основы экономики природопользования. СПб.: Питер, 2005. 672 с.
35. Чилкот Р.Х. Теории сравнительной политологии. В поисках парадигмы. М.: Инфра-М,

Издательство «Весь мир», 2001. 560 с.

36. Чистяков К.В. Географический детерминизм и ландшафтный прогноз // Ландшафтоведение: Теория, методы, региональные исследования, практика: Материалы XI Международной ландшафтной конференции / Ред. коллегия: К.Н. Дьяконов (отв. ред.), Н.С. Касимов и др. М.: Географический факультет МГУ, 2006. С. 25–29.

37. Шинковский М.Ю. Российский регион: становление политического режима в условиях глобализации. Владивосток: Изд-во ДВГУ, 2000. 336 с.

38. Энгельс Ф. Диалектика природы // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т.20. М.: Госполитиздат, 1961. С. 343–628.

39. Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М.: «Канон+»; РООИ «Реабилитация», 2009. 1248 с.

40. Turchin P. Historical Dynamics. Why States Rise and Fall. Princeton: Princeton University Press, 2003. 245 p.

References

1. Ajimov F.E. *Metaphysical Foundations of Humanitarian Knowledge: Historical and Philosophical Analysis*. Vladivostok, 2011. 264 p. (In Russian)
2. Baklanov P.Ia, Karakin V.P., Sheingauz A.S. Nature Use of the Russian Far East and Adjacent Territories. *Prostranstvennaya ekonomika* [Spatial Economics]. 2005. No. 1. Pp. 27–45. (In Russian)
3. Vampilova L.B. Complex Historical and Geographical Analysis of the Region and Its Importance for Landscape Research. In: *Landscape: Theory, Methods, Regional Studies, Practice: Proceedings XI International Landscape Conference*. Ed. by K.N. Diakonov, N.S. Kasimov et al. Moscow: 2006. Pp. 91–94. (In Russian)
4. Vardomskii L.B. *Russian Borderlands in Condition of Globalization*. Moscow, 2009. 216 p. (In Russian)
5. Vovenda A.V., Plotnikov V.A. Euroregions as a Factor of Successful International Integration in Modern Conditions. *Baltijskij region* [Baltic region]. 2011. No. 4. Pp. 60–68. (In Russian)
6. Gladkii Y.N., Chistobaev A.I. *Regional Studies*. Moscow, 2002. 384 p. (In Russian)
7. *State and Territorial Structure of Russia: Reforming of the Regional Level*. Ed. by V.I. Grishin, V.V. Kistanov. Moscow, 2007. 288 p. (In Russian)

8. Granberg A. *Basics of the Regional Economy*. Moscow, 2000. 495 p. (In Russian)
9. Demakov Iu.P., Kolesov A.V., Sevostianova L.I. Territorial Natural-Economic Systems: a Synergistic Aspect. In: *Social Synergetics: Subject, Topical Problems, Finding Solutions*. Yoshkar-Ola, 2003. Pp. 219–237. (In Russian)
10. IZARD W. *Methods of Regional Analysis*. Moscow, 1966. 660 p. (In Russian)
11. Isachenko A.G. *Theory and Methodology of Geography*. Moscow, 2004. 400 p. (In Russian)
12. Kaziutinskii V.V. Epistemological Problems of Universal Evolutionism. In: *Universal Evolutionism and Global Issues*. Ed. by V.V. Kaziutinskii, E.A. Mamchur. Moscow, 2007. Pp. 4–32. (In Russian)
13. Kurnyshev V.V., Glushkova V.G. *Regional Economy. Basic Theory and Research Methods*. Moscow, 2011. 272 p. (In Russian)
14. Lazicheva E.A. Regional System as Subject and Object of Regional Development. *Izvestija Tomskogo politehnicheskogo universiteta* [Bulletin of the Tomsk Polytechnic University]. 2008. No. 6. Pp. 19–23. (In Russian)
15. Liamin V.S. *Geography and Society (Philosophical and Sociological Problems of Geography)*. Moscow, 1978. 309 p. (In Russian)
16. Makarychev A.S. Regionalism in the Eyes of Constructivism: Agents, Structures, Identities. *Neprikosnovennyj zapas. Debaty o politike i kulture* [NZ: Debates on Politics and Culture]. 2010. No. 3. Pp. 137–150. (In Russian)
17. Makarychev A.S. *Region-building: Conceptual Contexts*. Available at: <http://www.kazanfed.ru/actions/konfer3/doklad8/> (accessed 10 April 2014). (In Russian)
18. Minakir P.A., Demyanenko A.N. Societal Development: Interdisciplinary Interaction of Spatial Projections. *Prostranstvennaya ekonomika* [Spatial Economics]. 2011. No. 4. Pp. 124–134. (In Russian)
19. *Modelling Socio-Ecological-Economic System of the Region*. Ed. by V.I. Gurman, E.V. Rimina. Moscow, 2003. 175 p. (In Russian)
20. Nekras Iu.V., Tabachenko A.A., Nosovskii V.S., Avdeev Iu.V., Malyshev E.A. *Food Safety and Securing in the Far Eastern Federal District*. Vladivostok, 2011. 370 p. (In Russian)
21. *The Basics of Regional Geology of the USSR*. By V.M. Tseisler, V.B. Karaulov, E.A. Uspenskaia, E.S. Chernov. Moscow, 1984. 358 p. (In Russian)
22. *Basics of Regional Studies*. Ed. by I.N. Bary-

- gin. Moscow, 2007. 399 p. (In Russian)
23. Parsons T. *On Social Systems*. Moscow, 2002. 832 p. (In Russian)
24. Puzachenko Iu.G. Landscape as a Dynamic system. In: *Landscape: Theory, Methods, Regional Studies, Practice: Proceedings XI International Landscape Conference*. Ed. by K.N. Diakonov, N.S. Kasimov et al. Moscow, 2006. Pp. 44–46. (In Russian)
25. *Regional Processes of Modern Russia*. Ed. by V.V. Suhomlinova. Birobidzhan, 2012. 327 p. (In Russian)
26. Romanov M.T. *Territorial Structure of Economy and Population in the Russian Far East*. Vladivostok, 2004. 232 p. (In Russian)
27. Sevastianov S.V. *Non-governmental Actors of Cooperation of East Asia: Contribution to the Development of Regionalization and Regional Identity*. Vladivostok, 2009. 212 p. (In Russian)
28. Sokolov V.N. New Regionalism, Geopolitics and History: the Issue of Safe Co-development of Russia and APR. In: *Asia-Pacific Realities, Prospects, Projects: XXI century. Scientific Reports of the Far Eastern Interregional Institute of Social Sciences*. Vladivostok, 2004. Pp. 159–184. (In Russian)
29. Sokolov S.N. *Spatio-temporal Organization of the Productive Forces of the Asian Regions of Russia*. Irkutsk, 2009. 45 p. (In Russian)
30. Stepin V.S. *Theoretical Knowledge*. Moscow, 2000. 744 p. (In Russian)
31. *Transboundary Region: Concept, Essence, Form*. Ed. by P.Ia. Baklanov, M.Iu. Shinkovskii. Vladivostok, 2010. 276 p. (In Russian)
32. Turovskii R.F. *Political Regional Science*. Moscow, 2006. 780 p. (In Russian)
33. Fedorov G.M., Korneevets V.S. On the Nature and Relationship between the Concepts of «Region», «International», «Transnational» and «Transborder» Region. *Vestnik Rossijskogo gosudarstvennogo universiteta im. I. Kanta* [Bulletin of the Immanuel Kant Russian State University]. 2010. No. 3. Pp. 8–14. (In Russian)
34. Kholina V.N. *Basics of Environmental Economics*. St. Petersburg, 2005. 672 p. (In Russian)
35. Chilcot A.D. *Theory of Comparative Politics. In Search of a Paradigm*. Moscow, 2001. 560 p. (In Russian)
36. Chistiakov K.V. Geographical Determinism and Landscape Forecast. In: *Landscape: Theory, Methods, Regional Studies, Practice: Proceedings XI International Landscape Conference*. Ed. by K.N. Diakonov, N.S. Kasimov et al. Moscow, 2006. Pp. 25–29. (In Russian)
37. Shinkovskii M.Iu. *Russian Region: the Formation of the Political Regime in the Context of Globalization*. Vladivostok, 2000. 336 p. (In Russian)
38. Engels F. Dialectics of Nature. In: *K. Marx and F. Engels, Coll.* 2nd ed. Vol. 20. Moscow, 1961. Pp. 343–628. (In Russian)
39. *Encyclopedia of Epistemology and Philosophy of Science*. Moscow, 2009. 1248 p. (In Russian)
40. Turchin P. *Historical Dynamics. Why States Rise and Fall*. Princeton: Princeton University Press, 2003. 245 p.

Для цитирования:

Киреев А.А. Понятие «регион» и предметно-методологические проблемы регионоведения // Регионалистика. 2014. Т. 1. № 1. С. 18–32.

For citing:

Kireev A.A. The Concept of «Region» and Subject-Methodological Problems of Regional Science. *Regionalistica* [Regionalistics]. 2014. Vol. 1. No. 1. Pp. 18–32. (In Russian)

**ЛОБОДА
Оксана
Витальевна**

Кандидат социологических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Владивостокский государственный университет экономики и сервиса, ул. Гоголя, 41, Владивосток, Россия, 690014

**LOBODA
Oksana
Vitalyevna**

Ph.D. in sociology, associate professor of the department of state and municipal government Vladivostok State University of Economics and Service, 41, Gogolya Street, Vladivostok, Russia, 690014

kpsade@mail.ru

© Лобода О.В.,
Ярулин И.Ф., 2014

УДК 316:323.11(571.6)

ЭТНИЧЕСКИЙ СДВИГ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ

В статье рассматриваются некоторые проблемы, связанные с трансформацией этнического состава населения Дальнего Востока России в связи с особенностями этнической миграции в регионе. Указанные особенности этнической миграции могут привести к замещению одной этнической группы другими с соответствующим созданием новой этносоциальной и этнокультурной среды. Данные этносоциальные перспективы создают дополнительные риски развития региона.

Население, демография, этнические общности, этническая миграция, этническая политика, этнические сдвиги

THE ETHNIC SHIFT IN THE RUSSIAN FAR EAST

This article discusses some of the problems associated with the transformation of the ethnic composition of the population in the Russian Far East, due to the nature of ethnic migration in the region. These features of ethnic migration can lead to the replacement of one ethnic group with other relevant creating a new ethno-social and ethno-cultural environment. These ethno-social perspectives create additional risks for the region.

Population, demography, ethnic groups, ethnic migration, ethnic politics, ethnic shifts

Сокращённый вариант статьи был опубликован в журнале «Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке» (№ 4 за 2013 г.)

**ЯРУЛИН
Илдус
Файзрахманович**

Доктор политических наук,
профессор, декан социально-
гуманитарного факультета

Тихоокеанский
государственный
университет,
ул. Тихоокеанская, 136,
Хабаровск, Россия, 680035

**YARULIN
Ildus
Fayzrahmanovich**

Doctor of political science,
professor, dean of School of
Social Studies and Humanities
Pacific National University,
136, Tikhookeanskaya Street,
Khabarovsk, Russia, 680035

iarulin@mail.ru

По разным оценкам, в России ежегодно находится около 20 млн. мигрантов. В своём подавляющем большинстве они пребывают в нашей стране незаконно. Незаконная миграция уже породила стремительный рост этнической преступности, недобросовестной конкуренции в бизнесе, дисбаланс в социальной сфере в результате того, что государство вынуждено обеспечивать мигрантов медицинским обслуживанием, дошкольным образованием, возможностью для их детей учиться в российских школах и т.д.

Сложность ситуации состоит ещё и в том, что мигранты, прибыв в Россию, в своём большинстве не ассимилируются и не адаптируются к российским реалиям, стараются обособиться в рамках общин и диаспор. Складывающаяся ситуация ведёт к перерождению демографической природы российского общества и, как следствие, угрожает национальной безопасности, суверенитету и территориальной целостности страны.

Стремительно сокращается и вырождается демографическое ядро российского государства, что в обозримом будущем лишает российское общество перспектив консолидации вокруг однородного большинства.

Если не изменить складывающуюся ситуацию в лучшую сторону, то Россию может постигнуть судьба других многонациональных геобразований, которые исчезли с политической карты мира.

Как отметил на заседании «Меркурий-клуба» 13 марта 2014 г. его председатель академик Е.М. Примаков, миграция в Россию – не конъюнктурное явление. Перемещение потоков населения из одной страны в другую – одна из закономерностей развивающихся процессов глобализации. По данным Всемирного банка, в России сегодня проживает 12,2 млн. мигрантов, что составляет 8,7% от её населения (*табл. 1*). Иммиграция уже является для России основным источником восполнения численности населения. Иными словами, проблема миграции – проблема очень серьёзная, хотя порою ей, к сожалению, не придаётся должного внимания [6].

По утверждению Е.М. Примакова, нет оснований полагать, что поток трудовой миграции в Россию прекратится в ближайшие годы. По данным Всемирного банка, Россия является вторым (после США) импортёром рабочей силы. По своему социальному составу трудовая миграция – это в основном чернорабочие. Она для России имеет две стороны: позитивную и негативную. В России рабочая сила маломобильна, причем многие россияне не хотят идти на низкооплачиваемую и особенно «чёрную» работу. Демографический спад и развал профтехобразования также привели к тому,

Таблица 1

Динамика численности и удельного веса населения иностранного происхождения в некоторых развитых странах и России, 2000–2010 гг.

Страны	Численность населения иностранного происхождения, тыс. человек		Удельный вес населения иностранного происхождения, %	
	2000	2010	2000	2010
Австралия	4 412,0	5 994,1	23,0	26,8
Австрия	843,0	1 315,5	10,4	15,7
Великобритания	4 666,9	7 056,0	7,9	11,5
Германия	10 256,1	10 591,0	12,5	13,0
Ирландия	328,7	772,5	8,7	17,3
Испания	1 969,3	6 659,9	4,9	14,5
Канада	5 327,0	6 777,6	17,4	19,9
Нидерланды	1 615,4	1 868,7	10,1	11,2
Новая Зеландия	663,0	1 013,0	17,2	23,2
Норвегия	305,0	569,1	6,8	11,6
США	30 273,3	39 916,9	10,7	12,9
Швейцария	1 570,8	2 075,2	21,9	26,6
Швеция	1 003,8	1 384,9	11,3	14,8
Россия	11 891,8	12 270,0	8,1	8,7

Источник: [18, p.336].

что образовалось большое число свободных рабочих мест в области производства. Трудовая миграция в этом плане выполняет позитивные для страны функции.

Но, предупредил Е.М. Примаков, есть и целый ряд негативных моментов: мизерный процент ассимилирующихся трудовых мигрантов; значительное число «нелегалов»; «захват» приезжими из других стран целых сфер хозяйственной деятельности благодаря готовности работать за низкую зарплату 10–12 часов ежедневно и без выходных. Дешевизна труда приезжих – серьёзное препятствие на пути технико-технологического прогресса в российском производстве. К тому же возникают интегрированные по национальному признаку группы, а это приводит к росту

преступности; растёт риск межнациональных и межкультурных конфликтов мигрантов с коренным населением; подпитываются ксенофобские настроения в российском обществе. Деньги, заработанные трудовыми мигрантами, уходят из страны практически без налогообложения. Это, по некоторым данным, свыше 200 млрд. рублей в год.

Восточная часть России впервые выходит на первые роли в системе приоритетов государственного развития. В течение всего советского периода Дальний Восток рассматривался как часть территории страны, которая представляла интерес, главным образом, как энерго-сырьевой придаток экономики государства. Только в самые последние годы в обществе и в ру-

ководстве страны стало формироваться понимание истинной особой роли Дальнего Востока в судьбе будущей России. Начали появляться серьезные политические заявления, проекты целевых программ, попытки разработки долгосрочной стратегии развития этого региона. Однако возрастающий интерес продолжает по инерции реализовываться преимущественно в системе устаревших представлений, оценок, решений, которые приходят в острое противоречие с тем, что в действительности происходит во всей стране и на Дальнем Востоке. Если Россия действительно заинтересована в том, чтобы и в XXI в. оставаться азиатско-европейской страной, максимально использующей выгоды территориально-пространственного, природно-ресурсного и геополитического характера, то ей нужна принципиально новая региональная политика. Основой этой политики должны стать оценки и решения, освобожденные от груза устаревших представлений и основанные на принципах реалистичности и прагматизма.

Для этого необходимо признание объективного характера процессов формирования социальной (в том числе демографической), миграционной (в том числе внешней), этно-национальной ситуаций и использование системного подхода к оценке взаимовлияния предпосылок и последствий указанных процессов; каждое явление следует оценивать в единстве причин и эффектов экономического, социального, этно-национального и т.п. характера.

Разработка новой политики развития Дальнего Востока в России XXI в. должна начаться с переосмысления представлений о Дальнем Востоке как некоем гомогенном социально-экономическом и геополитическом пространстве, для которого характерны единые интересы и единая степень экономической зависимости от «центра» и одинаковая острота социальной ситуации. Социальная ситуация на Дальнем Востоке не общекатастрофична, а предельно диф-

ференцирована; если во многих населённых пунктах эта ситуация вполне сопоставима, а часто и лучше, чем в типичных областях европейской части России, то в ряде республик и автономных округов она находится на социально допустимой грани. И не последнюю роль здесь играют демографические и этносоциальные факторы. «При массе линий размежевания в современных как западных, так и в незападных обществах, наиболее конфликтными и, соответственно, наиболее опасными становятся те, где социальное недовольство дополняется этнической и религиозной рознью, а также региональной спецификой (в многонациональных государствах). ...Между тем этносоциокультурные проблемы всё более обостряются и могут вызвать совершенно неожиданные резонансы, как в глобальном масштабе, так и во внутривнутриполитической повестке дня России. В Российской Федерации, вроде бы, ситуация относительно стабильна, но в сфере внутренней жизни общества накапливается всё большее напряжение, на что ни элита, ни властные структуры не обращают внимания. Всё это создаёт дополнительные риски развития» [13, с.5].

Развитие этнических процессов – одна из наиболее актуальных тем исследований специалистов, изучающих данное явление, как в масштабе всей страны, так и в территориальных рамках регионов. Сегодня российская наука переходит от глобальных масштабов к региональным, причём этносоциальные и демографические исследования наиболее активно проводятся в регионах с многонациональным составом населения. Важность исследования определяется необходимостью анализа структуры населения, который показывает, что даже в таком немногочисленном, но полиэтническом массиве, как Дальний Восток, взаимодействие коренных и пришлых этносов и этнических групп создаёт межэтническую среду и потенциально – источник конфликтных ситуаций. Внутреннее этнорегиональное положение стра-

ны, внешние и внутренние миграционные процессы, миграционное поведение населения моно- и полиэтнических регионов требуют изучения и обобщения с научной точки зрения.

В советский период миграция для Дальневосточного региона являлась значимым фактором в его истории и была подчинена экономическим и политическим целям государства. Миграционные процессы характеризовались преимущественно внутригосударственным перемещением населения, основные векторы которого были ориентированы на движение населения из сельской местности в городскую, а также на перемещение населения из трудоизбыточных западных районов страны в трудодефицитные северные и восточные районы страны. Миграция рассматривалась как фактор, подчиненный задачам расширения геополитического пространства и подъёма народного хозяйства.

Как отмечает Е.Л. Мотрич, демографический потенциал российского Дальнего Востока, сформированный в советское время, с началом рыночных преобразований подвергся необоснованному разрушению. Нынешний кризис воспроизводства населения в регионе проявил себя одновременно в двух проекциях: в депопуляции (естественной убыли) населения вследствие превышения смертности над рождаемостью и в миграционном оттоке населения. Максимальная численность населения на Дальнем Востоке – 8 056,6 тыс. человек – была зафиксирована на 1 января 1991 г. С этого времени численность дальневосточников стабильно снижается. За период 1991–2008 гг. регион потерял 1 596,5 тыс. человек, или 19,8% собственного населения. К 2012 г. численность населения уменьшилась ещё на 194,2 тыс. человек. Лидирующую роль в процессе сокращения численности населения сыграл миграционный отток населения, многократно превышающий его естественную убыль. Так, за 1991–2007 гг. он составил 1 376,2 тыс. человек (86,2%), естественная убыль –

220,3 тыс. человек (13,8%): «это уже был тревожный сигнал, свидетельствовавший о начале крушения населенческой политики на Дальнем Востоке России» [12, с.75]. Наиболее существенные потери после 1991 г. – 51,1% общего сокращения населения – понесли северные территории: ЧАО потерял 66,3% своих жителей, Магаданская область – 56,9%, Сахалин – 27,7%, Камчатка – 26,9, Республика Саха (Якутия) – 14,2%. Практически два десятилетия оказались потерянными для наращивания демографического потенциала.

Определяя перспективы воспроизводства населения Дальнего Востока, Е.Л. Мотрич подчёркивает, что в качестве реципиента регион может рассчитывать на массовый приток населения из среднеазиатских республик бывшего СССР и Китая. Сейчас мигрантов в регионе порядка 160 тысяч. «При ухудшении миграционного партнёрства с регионами России происходит улучшение в обмене населением со странами СНГ и Балтии. Правда, число прибывших из них увеличилось незначительно – в 1,1 раза, но число выбывших сократилось в 1,9 раза. ...Самая высокая результативность миграционных связей у региона с Таджикистаном и Узбекистаном, соотношение прибывших из них к убывшим в обратном направлении составляет 10:1. Положительный миграционный обмен со странами дальнего зарубежья обеспечен только Китаем, число приезжающих в 2010 г. в сравнении с 2002 г. увеличилось в 2,8 раза. На Дальнем Востоке практически нет мигрантов из Австралии и США, но эти страны «поглотили» в 2010 г. 12,5% всех выбывших из ДФО в страны дальнего зарубежья, а прибыло из них в том же году – 4,2% от прибывших из этих стран» [11].

В 90-е гг. XX – начале XXI вв. произошли радикальные изменения в характере, содержании и направленности миграционных процессов на пространстве бывшего СССР и внутри России. Наиболее существенными проявлениями этих изменений стали рост интенсивности и мас-

штабов иммиграции и эмиграции, кардинальная смена направлений внутренней миграции, широкое распространение вынужденности в миграционном движении, появление и развитие новых видов миграции, растущая обусловленность миграционных потоков этническими факторами.

Этнические миграционные процессы (синонимы данного термина – «процессы этнических миграций», «этнические миграции») – это серии социальных взаимодействий, ведущие к изменениям в социально-территориальном и социальном положении отдельных представителей и групп определённых этносов, происходящие под влиянием этнических факторов и имеющие специфическую, функциональную определённость. Этнические мигранты – это лица, для которых характерна чёткая этническая определенность и которые совершают миграционное движение (выступают акторами миграционного процесса), происходящее под влиянием этнических факторов [14, с.3].

Современные перемещения этнических мигрантов интенсифицируются под влиянием явно выраженной экономической вынужденности: из трудоизбыточных в трудонедостаточные районы, из депрессивных регионов в регионы с благоприятной экономической конъюнктурой. В этих случаях факторами, стимулирующими этническую миграцию, становятся нищета и социально-экономическое неравенство, поиск более благоприятных условий для социальной самореализации личности (в более конкретных вариантах – трудовой и профессиональной), выгоды от занятия бизнесом, обеспечение лучших перспектив для семьи, особенно для детей.

Этнические миграционные процессы в их массовидных значениях стали новым серьёзным вызовом современности, превратились в очень существенный фактор, воздействующий на социальное состояние и динамику современной России и, особенно, её отдельных регионов. Наблюдение реальных социальных практик и их

научный анализ показывают, что этнические миграции в наличном состоянии и долговременной перспективе вместе с позитивностью и явными следствиями, сопровождаются появлением и обострением новых противоречий в принимающих обществах, вызывают к жизни непреднамеренные, зачастую, неожиданные и нежелательные явления и процессы. Использование миграционного ресурса, несмотря на всю свою привлекательность на первый взгляд, сопряжено с большим объёмом как экономических, так и социальных, а также культурных проблем, связанных с увеличением доли некоренного населения.

Рассредоточение приезжающих на территории Дальневосточного федерального округа носит избирательный характер. Уже сегодня можно чётко проследить места концентрации отдельных этнических групп в пределах региона в разрезе краёв и областей. Подобного рода анклавизация в значительной степени меняет качество социальной структуры населения на территориях вселения мигрантов. Смена национального состава влечёт изменение половозрастных характеристик, меняет характер образовательного и профессионального уровня населения, влияет на изменение повседневных практик.

Например, в Приморском крае за последние 20 лет дважды наблюдалось существенное изменение национального состава населения. В 2010 г. насчитывалось 17 национальностей, численность которых превышала 1 тыс. человек, в 2002 и 1989 гг. таких национальностей было 19. В период 1989–2002 гг. в эту группу вошли китайцы, в 2002–2010 гг. – таджики и киргизы, а выбыли – марийцы, удмурты, поляки и евреи. Численность китайцев резко возросла в период 1989–2002 гг. со 159 до 3 840 человек. Такой рост связан с изменениями в политическом и экономическом устройстве страны, с появившейся возможностью миграционного перемещения иностранных граждан приграничных с Приморьем государств. Но к переписи

2010 г. число китайцев уменьшилось на 25,6%. в то время как значительно увеличилась численность узбеков (в 5,5 раза), киргизов (в 3,1 раза) и таджиков (в 2,5 раза). Более подробная информация о характере изменения национального состава населения Приморского края представлена в *таблице 2*.

В последнее время с китайской миграцией в крае, похоже, начинает сравниваться, а в некоторых случаях уже может и превзойти её по своим масштабам поток переселенцев из разных государств Средней Азии, прежде всего Киргизии, Таджикистана и Узбекистана. Причём, некоторые предварительные данные позволили констатировать перемещение, например, в

Приморский край, прежде всего, выходцев из Узбекистана, на Сахалин – из Киргизии и т.д. Эти новые миграционные реалии только становятся предметом заинтересованного обсуждения, но сегодня они заслуживают не меньшего внимания, чем пресловутая «китайская угроза» [7, с.14].

Нельзя не отметить, что тенденция увеличения численности выходцев из бывших республик СССР продолжает сохраняться и сегодня, несмотря на заверения о том, что резкий всплеск их присутствия на территории края в 2008–2011 гг. был связан с реализацией масштабных строительных проектов в рамках мероприятий по подготовке к проведению Саммита АТЭС. В 2012 г. численность

Таблица 2

Наиболее многочисленные национальности Приморского края

	Человек		2010 к 2002, %
	2002	2010	
Население, всего	2 071 210	1 956 497	94,5
Лица, указавшие национальную принадлежность	2 052 171	1 811 570	88,3
Русские	1 861 808	1 675 992	90,0
Украинцы	94 058	49 953	53,1
Корейцы	17 899	18 824	105,2
Татары	14 549	10 640	73,1
Узбеки	1 634	8 993	5,5 раза
Белорусы	11 627	5 930	51,0
Армяне	5 641	5 924	105,0
Азербайджанцы	4 411	3 937	89,3
Китайцы	3 840	2 857	74,4
Мордва	4 307	2 223	51,6
Немцы	3 578	2 087	58,3
Чуваши	3 287	1 960	59,6
Таджики	743	1 885	2,5 раза

Источник: Национальный состав населения Приморского края. Статистический сборник / Приморскстат, 2012. С.16.

граждан КНР увеличилась по сравнению с 2011 г. на 0,9%, а граждан Узбекистана, например, – на 4,7%. Данные, представленные на *рисунке 1*, наглядно показывают, что динамика численности отдельных национальных групп в составе миграционных потоков на территорию Приморского края носит ярко выраженный восходящий характер даже после реализации масштабных строительных проектов.

Между тем планы социально-экономического развития Приморья предусматривают реализацию глобальных проектов. Для этого нужны инвестиции и трудовые ресурсы, причём по большей части – высококвалифицированные.

Анализ миграционной ситуации в Приморском крае показал, что около половины трудовых мигрантов до приезда на территорию РФ не имели стабильной заня-

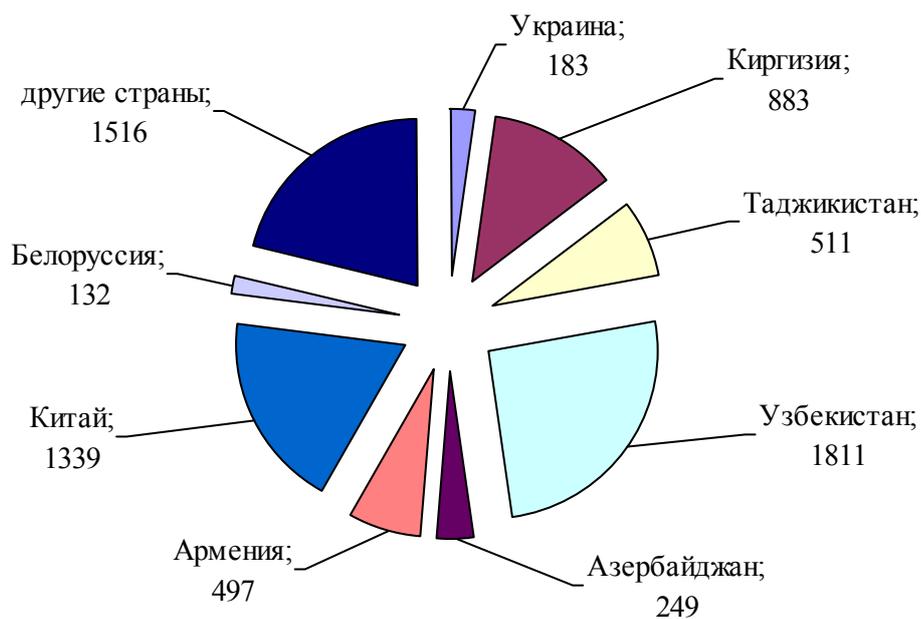

Рис. 1. Число мигрантов из зарубежных стран, прибывших в Приморский край в 2012 г.

Источник: Миграция населения Приморского края. Статистический бюллетень / Приморскстат, 2013. С. 21–23.

По данным Института миграционных процессов, в прошлом году работодатели заявили о том, что их потребность в рабочей силе составляет около 120 тыс. человек, но квота была выделена чуть более чем на 30 тыс. человек. Таким образом, потребность не была удовлетворена, однако свободные рабочие места были кем-то заняты. Этнические мигранты метут улицы, охраняют стоянки и ремонтируют дороги. Без них краю, который за последние 20 лет потерял 360 тыс. человек и в ближайшие десять лет, по прогнозам, может лишиться еще 240 тыс. человек, не вы-

тости на родине (были безработными, имели разовую или временную работу). До выезда на работу в Российскую Федерацию 40–50% мигрантов можно было отнести к группе крайне бедных, их доходов не хватало даже на предметы первой необходимости, и проживали они в сельской местности.

С каждой «новой волной» снижается и образовательный уровень трудовых мигрантов: около 40% приехавших сегодня в Приморье мигрантов не имеют профессионального образования. Как следствие, мигранты с низким образованием, прие-

хавшие из отдалённых и сельских районов, всё труднее адаптируются к российским условиям и на рынке труда, и в быту. Они менее склонны пользоваться действующими социальными институтами и сервисами – правовыми, образовательными, медицинскими, национально-культурными и

ет, что при выборе места жительства они предпочитают отнюдь не привычные для них сельские территории, а городские округа. Самые «урбанизированные» – китайцы, узбеки, таджики и киргизы, среди которых «новые» горожане составляют более 80% (рис. 2).

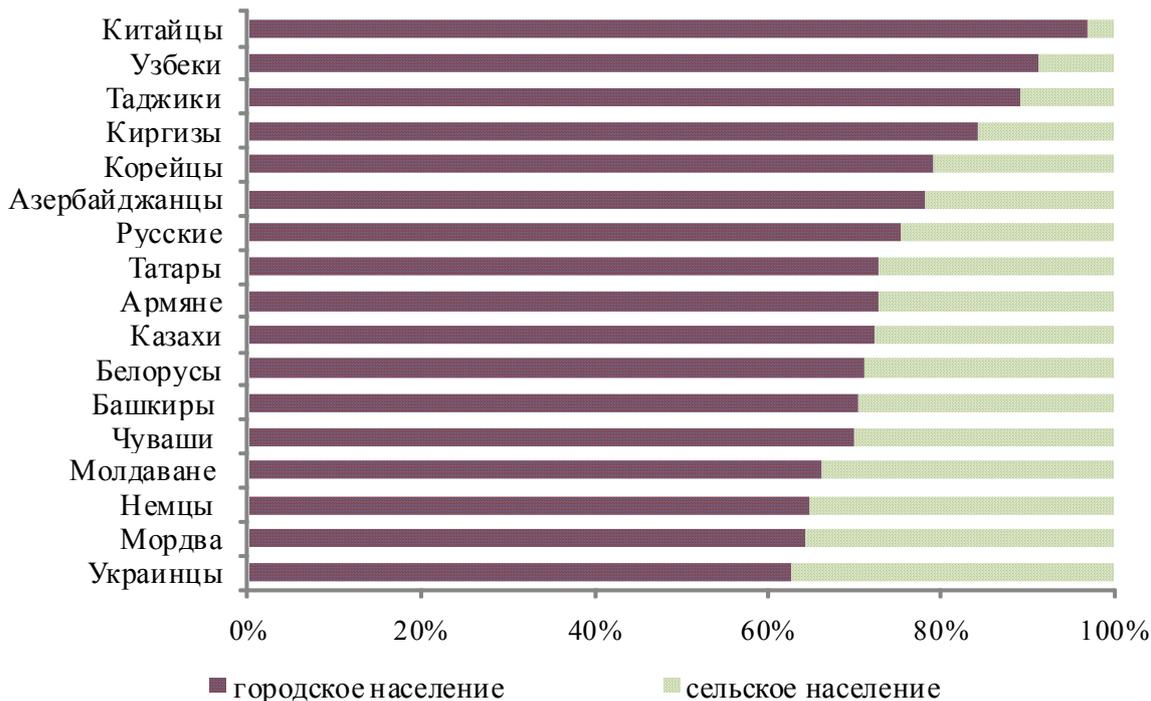

Рис. 2. Структура населения наиболее многочисленных национальностей Приморского края по итогам Всероссийской переписи населения 2010 г.

Источник: Национальный состав населения Приморского края. Статистический сборник / Приморскстат, 2012. С.23–42.

т.п. Особую настороженность вызывает тот факт, что существует значительная культурная дистанция между мигрантами и местным населением, так как мигранты всё хуже знают русский язык. Наименьший процент владения русским языком у китайцев – 63,6%, узбеков – 86,4% и корейцев – 88,6%.

Это увеличивает «миграционные риски» и незащищённость мигрантов при реализации индивидуальных стратегий на новом месте. Однако статистика доказыва-

Явление анклавизации наблюдается и в разрезе городских округов Приморского края. Абсолютное большинство среди наиболее многочисленных национальностей во Владивостокском городском округе занимают узбеки. Их численность в период 2002–2010 гг. выросла в 14,3 раза. Следом идут киргизы (8,5 раза), таджики (5,5 раза) и только на четвёртом месте – китайцы (5,4 раза). Артёмовский городской округ отличается особой концентрацией выходцев из КНР – рост численности составил

13,8 раза за исследуемый период. Такая же картина и в Партизанском городском округе (рост численности представителей сопредельного Китая – 18 раз). Спасский городской округ предпочтителен для армян, азербайджанцев и таджиков, Уссурийский городской округ – для киргизов, узбеков и таджиков.

Такого рода «компактное расселение» способствует формированию и устойчивому функционированию социальных сетей, образованных по этническому признаку, что значительно облегчает воспроизводство социально-экономических форм взаимодействия мигрантов в принимающем социуме.

Возможно, активизация миграционных процессов позволит решить проблему нехватки трудовых ресурсов, но отсутствие элементарного знания языка, культурной совместимости, заинтересованности в социальной интеграции, а именно она интересна с точки зрения перспектив развития территории, неминуемо повлечёт за собой увеличение маргинального сегмента в социальной структуре населения Приморского края.

В Якутии из-за особенностей климата распределение миграционных потоков носит сезонный характер. Около 80% иностранных рабочих приезжают сюда на лето, более половины из них оседают в Якутске, и в основном они заняты в строительстве. Как правило, это представители Армении и Таджикистана. И снова: сюда едут отнюдь не инженеры и даже не квалифицированные строительные рабочие. Многие молодые гастарбайтеры впервые берут в руки мастерок здесь. На якутских стройках они учатся профессиям. И всё равно они более выгодны для работодателей, нежели местные безработные, потому что легко обучаемы, готовы трудиться за минимальную плату с утра до ночи и неприхотливы в быту.

Власти региона неоднократно предпринимали попытки ограничить число та-

ких иностранных работников в пользу местных жителей. На 2013 г. работодатели заявили потребность в 30 тыс. иностранных работников, только третья часть заявок была удовлетворена, однако стройки при этом не остановились.

Всё бóльшую остроту приобретают вопросы миграции в Сахалинской области. Это признал и губернатор островного региона А. Хорошавин. По его словам, соцопросы свидетельствуют – наиболее негативно иностранных гостей воспринимают южносахалинцы. Другие районы области куда более терпимы к мигрантам.

Доля трудовых мигрантов в общем количестве работающих в Сахалинской области составляет примерно 6%. При этом число приезжих год от года падает. Например, в этом году квота на привлечение трудовых мигрантов в Сахалинскую область по сравнению с прошлым годом была сокращена почти в два раза и составила 10,6 тыс. человек, из них реально приехали на острова 4,8 тыс. иностранных рабочих. Подсчитать, сколько в область прибывает мигрантов–нелегалов, никто так и не смог.

В Хабаровском крае, по данным Федеральной миграционной службы, постоянно проживают представители 145 народов и этнических групп. На предприятиях региона, только по официальным данным, трудится около 30–35 тыс. иностранных мигрантов. В основном это приехавшие в Дальневосточный регион жители стран СНГ. На их долю приходится 41% въезжающих в край иностранных рабочих. Трудовые мигранты заняты в основном в строительной индустрии – 50%, в сельском и лесном хозяйстве – 15%, на перерабатывающих производствах – 12%.

В Хабаровском крае официальная квота на привлечение работодателями иностранных работников в 2013 г. составила 26,2 тыс. человек, что на тысячу больше, чем в предшествующем году [1]. Преобладающее количество иностранных

граждан зарегистрировано по месту пребывания в Хабаровске (71,1%) и Хабаровском районе (8%). В первом полугодии 2013 г. на миграционный учёт в регионе было поставлено чуть более 67 тыс. иностранных граждан и лиц без гражданства. По данным миграционной службы, по сравнению с аналогичным периодом 2012 г. рост численности мигрантов составил 7,3%; увеличение количества регистраций по месту пребывания (16,9%) произошло за счёт иностранных граждан, прибывших из стран – участниц СНГ с целью работы по найму [5].

Имеющаяся в статистических структурах информация о трудовой эмиграции в недостаточной мере проработана в этнорегиональном разрезе, для перспективного же представления о развитии демографической ситуации на Дальнем Востоке такой анализ необходим. В настоящее время не имеется официальных статистических материалов о трудовой эмиграции или иммиграции в этнорегиональном разрезе. Однако по выборочным исследованиям можно представить некоторые закономерности и тенденции и в большей или меньшей мере обобщить их.

Политика этнической толерантности, активно проводимая властями страны, не может достичь реальной цели без глубоких исследований формируемых этноструктур. В целом миграционные процессы, в том числе и трудовая миграция, накладывают глубокий след на эволюцию этноструктур, взаимоотношения этногрупп, национальную консолидацию.

Межэтнические отношения в современной России проблематизируются новыми явлениями, приобретающими значительные социальные факторы: изменения в статусных диспозициях, компактное и анклавное расселение этносов, этническая монополизация некоторых сфер предпринимательской деятельности, нелегальность пребывания и трудовой деятельности, вовлечение части этнических мигрантов в криминальную деятельность, закрытость

этнических общин, этническая (клановая) организованность и сплочённость, возможности быстрой мобилизации всех факторов этнического потенциала.

Переток населения с Юга на Север стал новой мировой реальностью, ведущей к существенным изменениям этнического состава населения стран Севера. По имеющимся прогнозам, уже к середине нынешнего столетия белое неиспаноязычное население США перестанет быть большинством в этой стране. Существует высокая вероятность того, что во второй половине XXI в. и в ряде других стран Севера в результате иммиграции и неодинаковой рождаемости коренных и вновь прибывших жителей страны больше половины населения составят недавние мигранты и их потомки. Подобные расчёты имеются и по России. По некоторым прогнозам, избежать резкого сокращения численности её населения можно только при условии притока большого количества иммигрантов. Если такой сценарий реализуется, в населении резко повысится доля мигрантов и их потомков: к 2050 г. она с 50-типроцентной вероятностью приблизится к 35%, а к 2100 г. – к 60%. Российский прогноз не оценивает этнический состав потенциальных иммигрантов, однако очевидно, что в нём будут преобладать не этнические русские или даже лица славянского происхождения. Скорее, это будут выходцы из Центральной Азии, Китая, возможно, из других азиатских стран [4].

По итогам Всероссийской переписи населения 2010 г. только в отдельно взятом Приморье больше двух мужчин приходится на 1 женщину у узбеков, азербайджанцев, китайцев, таджиков и казахов. У корейцев и мордвы на каждую тысячу мужчин приходилось женщин в 2002 г. соответственно 1003 и 1230, в 2010 г. – 829 и 994. У населения остальных многочисленных национальностей соотношение мужчин и женщин ухудшилось, причём у половины из них за счёт городских жителей. Наиболее неблагоприятное соотношение

полов наблюдается у украинцев и русских.

Представляется целесообразным для дальнейшего анализа процессов, связанных с этнической миграцией на Дальний Восток России, использовать теорию третьего демографического перехода Д. Коулмена [16; 17]. Суть этого перехода, затрагивающего страны развитого мира, заключается в существенном изменении структуры некоторых наций вследствие иммиграции лиц отличного этнического и расового происхождения, в сочетании с постоянно низкой рождаемостью и возрастающим уровнем эмиграции местного населения. «Если первый демографический переход выразился в изменениях уровней рождаемости и смертности, а второй – в изменениях сексуального поведения, организации жизни семьи и её форм, то третий демографический переход затрагивает последний остающийся компонент, характеризующий население, а именно его состав. Низкие уровни рождаемости приводят к изменению политики в отношении миграции, а миграция, в свою очередь, оказывает влияние на состав населения. В конечном счёте, она может привести к полному изменению этого состава и замене нынешнего населения населением, которое составляют либо мигранты, либо их потомки, либо население смешанного происхождения» [8, с.12].

Все эти изменения, отчасти уже происходящие, отчасти ожидаемые, ставят в повестку дня вопрос о взаимодействии местного населения и мигрантов с учётом неизбежных цивилизационных и культурных различий. Хотя массовые миграции всегда связаны с преодолением немалых трудностей как для самих мигрантов, так и для принимающих обществ, по-видимому, именно эти различия создают проблемы в гораздо большей степени, нежели миграция сама по себе.

Как отмечает Д. Коулмен, если последующие поколения мигрантов и лица смешанного происхождения будут всё больше идентифицировать себя с населе-

нием той страны, куда они приехали, то изменения состава населения не будут иметь особых последствий. Если же, напротив, они в большей степени будут определять себя как нечто отличное от коренного населения, убывающего как по абсолютной численности, так и относительно, то ситуация будет иной. Подобные процессы могут иметь самые разнообразные и существенные последствия, способны повлиять на идентичность той или иной страны, на социальную сплочённость её населения. Может возникнуть ситуация, когда разные группы людей захотят говорить на разных языках, начнут требовать, чтобы использовались различные системы права. У этих групп могут оказаться различные ориентации с точки зрения внешней политики страны, в которой они живут, и т.п. В этих размышлениях Д. Коулмена отражается беспокойство, которое испытывают жители многих развитых стран, принимающих большое количество мигрантов [9].

Как показывает исторический опыт, надеяться на скорую адаптацию, а тем более интеграцию в принимающее сообщество новых потоков мигрантов на Дальний Восток не приходится. Напротив, всё чаще встречается обособление групп этнических мигрантов, появляются своеобразные этнические анклав и этническая сегрегация [2].

Этническая миграция в большинстве случаев – это цепная миграция, то есть когда за одним мигрантом устремляется поток родственников и знакомых. Подобные миграционные потоки П. Стокер назвал «миграционной сетью», подразумевая под ней этническую миграцию, носящую цепной характер. П. Стокер отмечает, что в миграционных потоках велика роль мигрантов – «пионеров», которые «находят место для миграции, заботятся о документах и визах, способах миграции и стимулируют в дальнейшем весь процесс миграции, оказывая помощь и поддержку своим родственникам и односельчанам. Сети ми-

грантов определённо помогают прибывшим соотечественникам, но, защищая иммигрантов в новом окружении, замедляют также эффект интеграции» [15, с.40].

Можно предположить, что этнические связи чаще всего определяют направление миграции и выступают в роли наиболее вероятного вектора миграционного движения при выборе нового места жительства на стадии принятия решения. По мнению Г.С. Витковской и А.В. Кочаряна, выбор целевого географического пункта вселения мигрантов существенно различается в условиях добровольной и вынужденной миграции. Так, в условиях добровольной миграции «чаще мигранты выезжают туда, где есть связи, друзья, родственники», при вынужденной миграции – «чаще в неопределённые места» [3, с.63]. Указанные особенности этнической миграции могут вполне привести к ситуации этнического сдвига – замещения одной этнической группы другой/другими с соответствующим созданием новой этносоциальной и этнокультурной среды.

Следует согласиться с А.М. Кузнецовым, что «сегодня современная этнополитическая ситуация региона существенно меняется и в ней возникают новые риски и угрозы. Не случайно, даже зарубежные исследователи характеризуют наш регион как зону риска. Указанные особенности Дальнего Востока России определяют и специфику протекания здесь процесса этнотрансформации в сравнении не только с зарубежными странами, но и такими регионами России, как Поволжье и Кавказ. Наличие и необходимость разрешения комплекса противоречий, вызываемых разнообразными по видам и содержанию этническими миграционными процессами в региональных обществах, испытавших и испытывающих интенсивный и масштабный приток этнических мигрантов, становятся неотложной практической задачей социальной политики и социального управления на федеральном и региональном уровнях» [10, с.75].

Особую значимость приобретает создание Службы по проведению мониторинга за происходящими в регионе этносоциальными и этнокультурными изменениями, что позволило бы своевременно реагировать на происходящие события.

Список литературы

1. *Бондаренко А., Литвак И.* С правом на труд // Российская газета. № 6131 от 18 июля 2013 г. URL: <http://www.rg.ru/2013/07/18/reg-dfo/migranty.html> (дата обращения: 18.07.2013).
2. *Вендина О.* Мигранты в Москве: грозит ли российской столице этническая сегрегация? М.: Центр миграционных исследований, 2005. 88 с.
3. *Витковская Г.С., Кочарян А.В.* Внутренние вынужденные миграции как социальная проблема. // Миграция населения / Ж.А. Зайончковская. Демография и социология. Вып. 3. М.: ИСЭПН, 1992. С. 61–82.
4. *Вишневский А.Г.* Цивилизация, культура и демография // Общественные науки и современность. 2011. № 2. С. 57–76.
5. Доклад о результатах и основных направлениях деятельности УФМС России по Хабаровскому краю на 2012 год и плановый период 2013-2015 годы. URL: <http://ufms-khb.ru/node/693> (дата обращения: 11.07.2013).
6. *Зыкова Т.* Не рабы понаехали // Российская газета. № 6331 от 14 марта 2014 года. URL: <http://www.rg.ru/2014/03/13/primakov-site.html> (дата обращения: 14.03.2014).
7. *Ким А.С.* Этнополитические исследования современных диаспор (конфликтологический аспект). Дисс. ... д-ра полит. наук. СПб., 2009. 345 с.
8. *Коулмен Д.* Иммиграция и этнические сдвиги в странах с низкой рождаемостью – третий демографический переход в действии? // Миграция и развитие: Доклады и статьи ведущих секций и докладчиков международной конференции «Миграция и развитие», Москва, 13–15 сентября 2007 г. Сборник статей, гл. ред. В.А. Ионцев. М.: Би Эль Принт, 2007. С. 12–49.
9. *Коулмен Д.* Третий демографический переход // Демоскоп Weekly № 299–300. 3–16 сентября 2007 г. URL: <http://demoscope.ru/>

weekly/2007/0299/tema05.php (дата обращения: 13.07.13).

10. Кузнецов А.М. Этнополитическая ситуация на Дальнем Востоке России: некоторые проблемы и перспективы // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2012. № 1. С. 67–79.

11. Мотрич Е.Л. Блеск и нищета Дальнего Востока // Тихоокеанская звезда. 11 октября 2012 г. URL: http://www.toz.khv.ru/newspaper/ekspertiza/blesk_i_nishcheta_dalnego_vostoka/ (дата обращения 11.04.2014).

12. Мотрич Е.Л. Трансформация миграционных связей Дальнего Востока России со странами ближнего и дальнего зарубежья // Пространственная экономика. 2010. № 2. С. 74–95.

13. Новые факторы глобального и регионального развития: обострение этносоциокультурных противоречий / Под ред. Е.Ш. Гонтмахера, Н.В. Загладина, И.С. Семененко. М.: ИМЭМО РАН, 2013. 119 с.

14. Петров В.Н. Этнические миграционные процессы как фактор социальных взаимодействий в регионе. Дисс. ... д-ра социол. наук: 22.00.04. М., 2004. 389 с.

15. Стокер П. Работа иностранцев: Обзор международной миграции рабочей силы. М.: Academia, 1995. 331 с.

16. Coleman D. Immigration and Ethnic Change in Low-fertility Countries: a Third Demographic Transition (Statistical data) // Population and Development Review. 2006. Vol. 32. № 3. 2006. Pp. 401–446.

17. Coleman D. Migration in the 21st Century: a Third Demographic Transition in the Making? Plenary Address to the British Society for Population Studies Annual Conference. Leicester, September 13, 2004.

18. International Migration Outlook 2012. Paris: OCDE Publishing, 2012. 365 p.

References

1. Bondarenko A., Litvak I. With the Right to Work. *Rossiyskaya Gazeta*. No. 6131. July 18, 2013. Available at: <http://www.rg.ru/2013/07/18/reg-dfo/migranty.html> (accessed 18 April 2013). (In Russian)

2. Vendina O. *Migrants in Moscow, the Russian Capital Threatens to Whether Ethnic Segrega-*

tion? Moscow, 2005. 88 p. (In Russian)

3. Vitkovskaja G.S., Kocharian A.V. Internal Forced Migration as a Social Problem. In: *Migration of the Population. Demography and Sociology*. No. 3. Moscow, 1992. Pp. 61–82. (In Russian)

4. Vishnevsky A.G. Civilization, Culture and Demography. *Social Sciences and Modernity*. 2011. No. 2. Pp. 57–76. (In Russian)

5. *Report on the Results and Main Activities of the Federal Migration Service of Russia in Khabarovsk Territory in 2012 and the Planning Period of 2013-2015*. <http://ufms-khb.ru/node/693> (accessed 11 July 2013). (In Russian)

6. Zykova T. Not Slaves Come in Large Numbers. *Rossiyskaya Gazeta*. No. 6331. March 14, 2014. Available at: <http://www.rg.ru/2014/03/13/primakov-site.html> (accessed 14 March 2014). (In Russian)

7. Kim A. *Ethno-political Study of Modern Diasporas (Aspect of Conflictology)*. These of doctoral dissertation in political sciences. St. Petersburg, 2009. 345 p. (In Russian)

8. Coleman D. Migration and Ethnic Shifts in Low-fertility Countries - the Third Demographic Transition in Action? In: *Migration and Development: Speeches and Articles by Leading Speakers and Sections of the International Conference «Migration and Development»*, Moscow, 13–15 September 2007. Collection of articles. Ed. by V.A. Iontsev. Moscow, 2007. Pp. 12–49. (In Russian)

9. Coleman D. The Third Demographic Transition. *Demoscope Weekly*. No. 299–300. September 3–16, 2007. Available at: <http://demoscope.ru/weekly/2007/0299/tema05.php> (accessed 17 April 2014). (In Russian)

10. Kuznetsov A.M. Ethno-political Situation in the Far East of Russia: Some Problems and Prospects. *Ojkumena. Regionovedcheskie issledovania* [Ojkumena. Regional studies]. 2012. No. 1. Pp. 67–79. (In Russian)

11. Motrich E.L. Shine and Poverty of Far East. *Tikhookeanskaya Zvezda* [Pacific Star]. October 11, 2012. Available at: http://www.toz.khv.ru/newspaper/ekspertiza/blesk_i_nishcheta_dalnego_vostoka/ (date accessed 11.10.12). (In Russian)

12. Motrich E.L. Transformation of Migratory Flows of Russian Far East with Near and Far Abroad Countries. *Prostranstvennaya ekonomika*

[Spatial Economics]. 2010. No. 2. Pp. 74–95. (In Russian)

13. *New Factors of Global and Regional Development: the Aggravation of Ethnic and Socio-cultural Contradictions*. Ed. by E.Sh. Gontmaher, N.V. Zagladin, I.S. Semenenko. Moscow, 2013. 119 p. (In Russian)

14. Petrov V.N. *Ethnic Migration as a Factor of Social Interactions in the Region*. These of doctoral dissertation in sociology. Moscow, 2004. 389 p. (In Russian)

15. Stocker P. *Job of Foreigners: Overview of International Labor Migration*. Moscow, 1995. 331 p. (In Russian)

16. Coleman D. Immigration and Ethnic Change in Low-fertility Countries: a Third Demographic Transition (Statistical data). *Population and Development Review*. 2006. Vol. 32. No. 3. 2006. Pp. 401–446.

17. Coleman D. *Migration in the 21st Century: a Third Demographic Transition in the Making?* Plenary Address to the British Society for Popula-

tion Studies Annual Conference. Leicester, September 13, 2004.

18. *International Migration Outlook 2012*. Paris: OCDE Publishing, 2012. 365 p.

Для цитирования:

Лобода О.В., Ярулин И.Ф. Этнический сдвиг на Дальнем Востоке России // Регионалистика. 2014. Т. 1. № 1. С. 33–47.

For citing:

Loboda O.V., Yarulin I.F. The Ethnic Shift in the Russian Far East. *Regionalistica* [Regionalistics]. 2014. Vol. 1. No. 1. Pp. 33–47. (In Russian)

**ИЗОТОВ
Дмитрий
Александрович**

Кандидат экономических наук, старший научный сотрудник

Институт экономических исследований ДВО РАН,
ул. Тихоокеанская, 153,
Хабаровск, Россия, 680042

**IZOTOV
Dmitry
Alexandrovich**

Ph.D. in economics,
senior research fellow

Economic Research
Institute FEB RAS,
153, Tikhookeanskaya Street,
Khabarovsk, Russia, 680042

izotov@ecrin.ru

© Изотов Д.А., 2014

УДК 334.01

ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СОПРЕДЕЛЬНЫХ РЕГИОНОВ РОССИИ И КИТАЯ

На основе ретроспективного анализа рассмотрены этапы экономического развития сопредельных регионов России и Китая. Определено, что сопредельные регионы двух стран получают главный импульс экономического развития только экзогенно. Выявлено, что к настоящему времени трансграничный регион реки Амур и для России, и для Китая является периферийным, а двусторонние экономические взаимодействия, основанные на совместной эксплуатации транспортной инфраструктуры, являются незначительными. Утверждается, что ввиду усиливающейся глобализации масштаб российско-китайских приграничных экономических взаимодействий будет сокращаться усилиями взаимосвязей корпоративных секторов двух государств.

Регион, приграничье, Россия, Китай, Дальний Восток, Приморье, Приамурье, Маньчжурия, Северо-Восток КНР, КВЖД

THE PROBLEMS OF ECONOMIC INTERACTION BETWEEN NEIGHBORING REGIONS OF RUSSIA AND CHINA

Based on a retrospective analysis, the stages of economic development of Sino Russian neighboring regions have been considered. It was determined that the neighboring regions get a major impact of economic development only exogenously. It was revealed that by now the neighboring regions is peripheral for Russia and China. It has been found that based on the joint exploitation of the transport infrastructure bilateral economic cooperation are insignificant. Due to increasing globalization the scale of the Russian-Chinese border economic interactions will be decrease by corporate sectors of the two countries.

Region, neighboring regions, Russia, China, Russian Far East, Primorye, Amur River region, Manchuria, Northeast of China, Chinese Eastern Railway

Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ № 13-37-01201a2 «Инвестиционное сотрудничество между приграничными регионами России и КНР: оценка эффективности»

Введение

Примерно с начала 1990-х гг. (и по настоящее время) идёт довольно интенсивное обсуждение проблем соразвития сопредельных российских и китайских регионов как отечественными [3], так и зарубежными исследователями [48]. Анализ источников показывает, что публикации по данному кругу проблем структурно могут быть представлены двумя крупными группами. В первой группе публикаций, которая является наиболее многочисленной, затрагиваются текущие российско-китайские экономические отношения в рамках сопредельных территорий [14; 23]. Рост количества публикаций данной группы связан в основном с мониторингом нарастающих торгово-экономических отношений между Россией и Китаем. Вторая группа публикаций представляет собой обсуждение реализации вероятных крупных совместных проектов, которые могли бы способствовать соразвитию сопредельных регионов двух стран [37; 38; 44; 49]. Причем пик публикаций данной группы приходится на первую половину 1990-х гг. Примерно со второй половины 2000-х гг. в связи с реализацией Программы восстановления старопромышленных баз на Северо-Востоке КНР, окончательным пересмотром российско-китайской государственной границы, заключением ряда совместных соглашений, стали появляться публикации [32], главная идея которых состоит в создании некоей концепции построения совместной экономической системы (или объединения двух систем в одну) исходя из тезиса о взаимодополняемости экономик, чем фактически дублируются идеи реализации крупных инфраструктурных проектов, которые высказывались еще в конце 1980-х гг.

В связи с этим возникает вопрос: если по ряду причин данные совместные проекты не были реализованы в 1990-2000-х гг., то насколько реалистичной в целом является идея о кооперации приграничных регионов России с северо-восточными

провинциями КНР? Действительно ли существуют жёсткие ограничения в двух экономических системах (как в российской, так и в китайской), существование которых игнорируется или, как минимум, не учитывается авторами вышеупомянутых публикаций, что, в конечном счете, приводит к формированию некорректного подхода к изучению взаимодействий сопредельных российских и китайских регионов?

Поскольку на территории бассейна реки Амур, в которую входит Северо-Восточный Китай (СВК), а также юг Дальнего Востока и Забайкалья, в XIX в. началось формирование единой экономической системы, то при помощи ретроспективного анализа, как представляется, можно выявить на качественном уровне факторы, сдерживающие либо, наоборот, способствующие экономической кооперации приграничных регионов России с СВК.

В исследовании будет проанализировано экономическое развитие в пространстве бассейна реки Амур, который включает в себя китайскую (территория Маньчжурии, практически идентичная по размерам с СВК) и российскую (приграничная с Китаем территория юга Дальнего Востока – Приамурье и Приморье) части. Любой ретроспективный анализ подразумевает выделение тех или иных этапов эволюции исследуемого объекта. В настоящем исследовании будут рассмотрены следующие этапы экономического развития в пространстве бассейна реки Амур: 1) период ранних взаимодействий (XIV в. – середина XIX в.); 2) период совместного развития (середина XIX в. – начало XX в.); 3) период взаимодействия в условиях японского влияния (начало XX в. – первая половина 1940-х гг.); 4) период советско-китайского «сближения» (1950-е гг.); 5) период советско-китайской конфронтации (1960-е – конец 1980-х гг.); 6) период нормализации российско-китайских взаимоотношений (1990-е гг. – настоящее время). Данные этапы выделены не случайно,

поскольку в каждом из них были заложены возможности и, вместе с тем, жёсткие ограничения совместного развития регионов двух стран.

1. Ранний период освоения Маньчжурии и Приамурья (XIV в. – середина XIX в.)

При цинской (маньчжурской) династии Маньчжурия в целом представляла собой императорский домен, в котором не разрешалось селиться китайцам (ханьцам) и сохранялась резиденция императоров. В географическом отношении Маньчжурия (а точнее – южная её часть) находилась на крайнем северо-востоке Цинской империи [34, с.113-114]. Территория за её пределами (так называемые внешние земли) была населена местными независимыми племенами, которые управлялись по традиции своими вождями и старшинами.

Примерно в этот же период времени, в 1640-е гг., усиливается российское влияние на Северную Маньчжурию. За сравнительно короткий промежуток времени в данный район было послано несколько крупных экспедиций, сооружены остроги, налажен сбор дани с местного населения. Основным сдерживающим фактором, несмотря на довольно высокий темп российской колонизации, была малая численность колонистов [17, с.115].

Во многом по итогам военной кампании, во время которой главным направлением наступления цинских войск против русских на Амуре являлось албазинское, в 1689 г. между Россией и Китаем был заключен Нерчинский договор. В результате к Китаю отошли не только земли к югу от Амура, то есть собственно маньчжурские земли, но и территории к северу от Амура, которые никогда до этого не входили ни в состав маньчжурского государства, ни тем более в состав Цинской империи. Русские поселения на правом берегу Амура были разрушены. На протяжении XVIII в. российская и китайская стороны официально

не предпринимали каких-либо попыток нарушения Нерчинского договора. Однако Россия, вынужденная уйти с Амура, занималась колонизацией и освоением периферийных земель Охотского моря, Камчатки, Чукотки, Курильских остров и Северной Америки, поскольку на этом направлении российские первопроходцы практически не встречали организованного сопротивления.

Опасаясь повторного российского проникновения, в начале XIX в. цинское правительство разрешило китайцам переселяться на Ляодунский полуостров (часть провинции Мукден, позднее – Ляонин), а далее – по всей Маньчжурии. В 1820-х гг. на границе Южной Маньчжурии (провинции Мукден) находилось около 20–30 тыс. китайских переселенцев [29, с.85]. Помимо «российского» фактора, политика китайской колонизации Маньчжурии объяснялась поражением Китая в Опиумной войне 1840 г., вследствие чего предполагалось обеспечить «наполняемость казны» расширением налогооблагаемой базы за счёт вводимых в сельскохозяйственный оборот новых земель. Данное решение ознаменовало собой отказ от проведения в отношении Маньчжурии политики «запретной зоны» для китайского населения. В последующие годы численность китайских переселенцев в Маньчжурии возрастала, а процесс ассимиляции маньчжурского населения китайцами усилился.

С точки зрения цинских властей данное решение было более чем своевременным, поскольку уже к середине XIX в. экономическая, политическая и военная активизация Российской империи в Приамурье и в Северной Маньчжурии резко возросла. Цинский Китай, ранее избегавший появления каких-либо новых договоров о границе с российской стороной, идёт на подписание сначала Айгуньского (1858 г.), а затем – Пекинского (1860 г.) договоров, согласно которым российско-китайская граница приобрела современные очертания (левобережье Амура и правобе-

режье Уссури становились официально российской территорией)¹.

Перед Россией, которая приобрела новые территории (Приамурье и Приморье), встал вопрос об их заселении. В наиболее благоприятных для жизни и земледелия приамурских и приморских областях к 1860-му г. проживало не более 50 тыс. человек. За 20 лет, с 1861 по 1880 гг., численность переселенцев составила более 500 тыс. человек. На правом берегу Уссури и на левобережье Амура стали возникать русские поселения и казачьи станицы. С китайской стороны освоение Маньчжурии после подписания договора о границах стало осуществляться в еще более быстрых темпах, чем ранее. Если в середине XIX в. была плотно заселена только южная часть Маньчжурии (Мукденская провинция), а земли Северной Маньчжурии (Гириная и Хэйлунцзянская провинции) имели сравнительно редкое (по китайским меркам) население, то в 1882 г. при численности населения Мукденской провинции более 4,2 млн. человек в Гириной провинции проживало уже 6-8 млн. [30, с.216].

В итоге, во второй половине XIX в. в социально-экономическом развитии Маньчжурии произошли коренные изменения, особенно в северной ее части. Она обрела постоянные государственные границы с Россией и из запретной для заселения китайцами территории превратилась в район активной китайской колонизации. Массовая колонизация и последующее освоение Приамурья и Северной Маньчжурии происходят почти синхронно. Поскольку территория Маньчжурии находилась на незначительном расстоянии от китайского ареала обитания (в отличие от российского случая), цинским властям было менее затруднительно переместить на новые территории столь большое количество населения. В результате на дальневосточных рубежах России появляется многочисленное население по ту сторону границы, что,

наряду с очаговостью российского заселения, послужило фактором, способствующим периферийности российских территорий (Приморья и Приамурья) по отношению к Маньчжурии.

2. Совместное развитие Северной Маньчжурии и Дальнего Востока (середина XIX – начало XX вв.)

Река Амур с ее притоками стала на какое-то время основной транспортной артерией для Приамурья и Приморья. Однако ввиду того, что навигация по рекам Амурского бассейна была ограничена как по климатическим, так и по гидрологическим причинам, освоение данной территории шло менее интенсивно в отличие от Северной Маньчжурии.

Основной толчок экономическому буму на Дальнем Востоке дало начало строительства в 1891 г. Уссурийской железной дороги, которая через 6 лет соединила Владивосток и Хабаровск, а еще через 7 лет – строительство Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД), связавшей Владивосток с Маньчжурией и Забайкальем (*рис. 1*).

Вопрос о строительстве Россией железной дороги через Маньчжурию был тесно связан со строительством Транссибирской железнодорожной магистрали. Однако произведенные в 1894 г. изыскания трассы Амурской железной дороги от Сретенска до Хабаровска свидетельствовали о больших технических трудностях, связанных с суровыми климатическими условиями и горным рельефом, что формально подтвердило необходимость создания железной дороги через Маньчжурию. Осенью 1895 г. царское правительство дало указание начать проведение изыскательских работ по сооружению железнодорожной магистрали по территории Северной Маньчжурии. Эта дорога должна была соединить Забайкальскую и Уссу-

¹ См. подробнее в: [28].

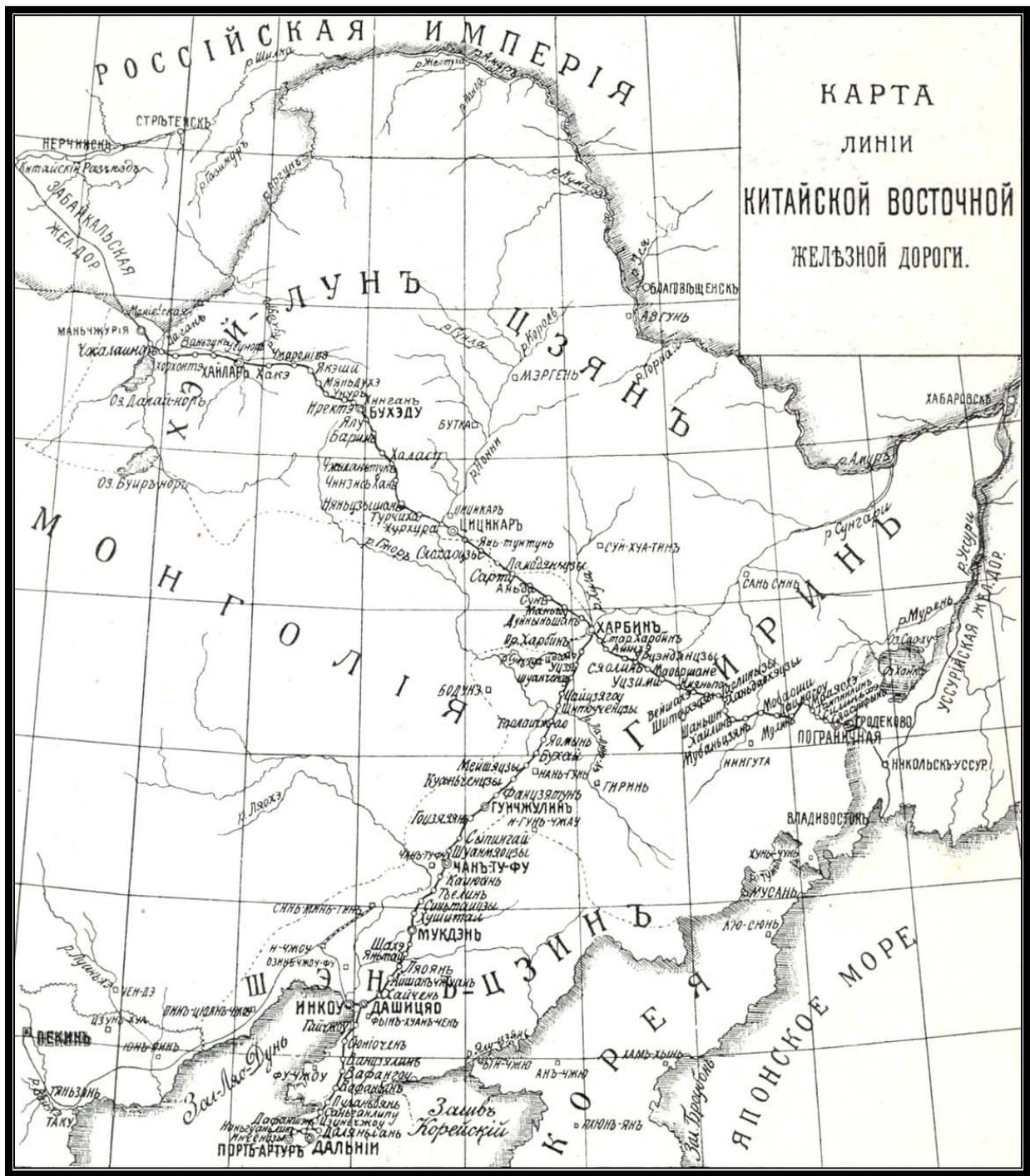

Рис. 1. Китайско-Восточная железная дорога по состоянию на 1903 г.

Источник: [21].

рийскую железные дороги, значительно сократить общую протяжённость железнодорожной линии (на 514 верст) и уменьшить её стоимость [17, с.289]. Уже в 1901 г. было открыто временное движение,

и началась перевозка грузов по всей линии КВЖД. Официальная передача КВЖД строительным управлением эксплуатационному управлению состоялась 1 (14) июня 1903 г. Схематически КВЖД представ-

ляла собой Т-образную железнодорожную линию с выходом на два морских порта. Выходным портом южного участка дороги стал специально построенный Россией в Квантунской области город Дальний (в последующем – Дайрен, Далянь), на востоке – Владивосток. Западная ветка КВЖД выходила на Забайкалье (ст. Маньчжурия, Маньчжоули). Таким образом, Российская империя способствовала превращению Северной Маньчжурии в более важный и более динамичный район, чем Приамурье и Приморье, поскольку российская колонизация Маньчжурии протекала гораздо масштабнее и интенсивнее, чем колонизация Приамурья и Приморья. КВЖД не только сделала возможным транзит грузов, но и открыла рынки северного Китая для товаропроизводителей Дальнего Востока [8, с.168]. Наконец, возведение КВЖД сопровождалось ускоренной колонизацией Маньчжурии китайцами [2, с.19].

Строительство КВЖД, которое значительно увеличило российское военное и экономическое присутствие в Маньчжурии, стало сильным раздражителем для Японской империи [42, р.111]. Чуть позднее по отношению к Маньчжурии появляется термин «Дальневосточные Балканы» – по аналогии с Балканами европейскими, рассматривавшимися как «очаг» конфликта интересов ряда развитых стран (в данном случае – между Россией, Японией, Китаем и др.). Русско-японская война 1904–1905 гг. внесла изменения в экономические отношения в пространстве бассейна реки Амур. Территория Маньчжурии была разделена на две сферы влияния: российскую (Северная) и японскую (Южная). Военное поражение от Японской империи приводит, в конце концов, к тому, что Российской империи не удалось построить на принадлежащей ей азиатской территории коридор для широкомасштабной транзитной торговли между Европой и восточными странами [1, с.14].

Полюсом роста как для Маньчжурии, так и Дальнего Востока Российской импе-

рии стал город Харбин, выполняющий роль главного распределительного центра¹. По торговому обороту Харбина можно судить о размерах внутренней торговли продуктами земледелия всей Северной Маньчжурии. Зерновая торговля Харбина, как и весь городской товарооборот, за шестилетний период (1908–1914 гг.) увеличилась в 2 раза [17, с.307]. В последующие годы Харбин оставался ведущим центром зерновой торговли и промышленной переработки сельскохозяйственных культур.

На Южно-Маньчжурскую железную дорогу (ЮМЖД), которая выходила на Дайрен и находилась под японским контролем, в 1908–1913 гг. приходилось примерно 10% экспортных грузов из Северной Маньчжурии, в то время как на Уссурийскую железную дорогу – свыше 80%, поскольку экспортные грузы направлялись транзитом в третьи страны через Владивостокский порт. К 1917 г. маньчжурский экспорт составлял 90% экспортных перевозок Владивостокского порта [25, с.17].

До революции 1917 г. российский капитал сохранял 2-е место после Британской империи в иностранных инвестициях Китая². В это время самые значительные российские инвестиции осуществлялись в КВЖД. Так, в 1914 г. из общего объема российских инвестиций в размере 925,8 млн. рублей 851,4 млн. рублей (т.е. 92%) были вложены в Северную Маньчжурию, в том числе 708,5 млн. рублей (или 76,5%) – в КВЖД. Объем грузоперевозок по КВЖД с 1907 г. по 1914 г. увеличился более в 2 раза [17, с.297].

Таким образом, для российско-китайских отношений на Дальнем Востоке в начале XX в. характерно расширение экономических контактов. Это было связано главным образом со строительством КВЖД, что способствовало появлению в Маньчжурии предприятий с российским

¹ См. подробнее в: [39].

² См. подробнее в: [4].

капиталом. Изменение характера и расширение форм экономических отношений происходило за счёт преимущественного экспорта российских капиталов по сравнению с экспортом товаров. В начале XX в. Северная Маньчжурия, Забайкалье, Приамурье и Приморье представляли собой единый хозяйственный комплекс, ядром которого стала Харбинская агломерация. Харбин по сути замкнул на себя товарные потоки как собственно Северной Маньчжурии, так и Дальнего Востока, Забайкалья и Восточной Сибири, поскольку через него имелся выход в Бохайский залив (Дайрен) и в Японское море (Владивосток). Наличие при этом дешёвой китайской рабочей силы привело к тому, что как транспортный узел и коммерческий центр Харбин значительно опережал в развитии такие города Приамурья, как Хабаровск и Благовещенск. Владивостокский порт специализировался в транзите товаров из Северной Маньчжурии, вместе с тем доля ввозимых грузов в данный регион через Дайрен была также ощутима, несмотря на изменение колеи на ЮМЖД. Понимая данное положение вещей, царским правительством был реализован так называемый «проект Духовского» – построена железная дорога, которая связала Забайкалье и Приамурье по российской территории. Однако её строительство было закончено лишь к 1916 г., а вспыхнувшая затем на территории бывшей Российской империи гражданская война внесла определённые коррективы в развитие юга российского Дальнего Востока и Маньчжурии.

3. Взаимодействие в условиях японского влияния (начало XX в. – первая половина 1940-х гг.)

По сути дела, в 1920-е гг., несмотря на ощутимые экономические последствия, вызванные Гражданской войной и Интервенцией (1917–1922 гг.), принципы хозяйственных взаимоотношений Северной

Маньчжурии с пограничными с ней (теперь советскими) территориями оставались в общих чертах аналогичными дореволюционным. Существовала, иначе говоря, некая инерционная модель совместного развития данных территорий, несмотря на смену политического режима в обеих странах. В итоге ситуация в Маньчжурии (как в Северной, так и в Южной) характеризовалась как некое статус-кво между советской и японской сторонами.

Уже в 1924 г. был подписан ряд советско-китайских соглашений, суть которых сводится к возобновлению совместной эксплуатации КВЖД почти на тех же условиях, что и в дореволюционный период [18, с.86–87]. Экономическая эффективность от эксплуатации КВЖД возросла, что, по мнению ряда авторов, объяснялось договором о разделении объёмов железнодорожного транзита между СССР и Японией [43, р.206–208].

На Дальнем Востоке торговля с Китаем велась в основном через Владивостокский порт. В 1924–1925 гг. импорт из Китая (прежде всего из Северной Маньчжурии) составил 65,9%, а экспорт в Китай – 30,8% внешнеторгового оборота Дальнего Востока. Мероприятия советского правительства по увеличению пропускной способности Владивостокского порта, согласованные с администрацией КВЖД, способствовали быстрому росту экспортно-импортных перевозок через Владивосток [33, с.71]. Китайские коммерческие круги начали проявлять большой интерес к Владивостокскому порту, географическое положение которого делало его ближайшим и наиболее удобным выходом к морю для Северной Маньчжурии, и перевозка грузов через который была дешевле и быстрее, чем через Дайрен [18, с.105]. Маньчжурские грузы в это время составляли 85–90% общего экспорта Владивостока, причем 95% маньчжурского транзита приходилось на соевые бобы и пшеницу. Экспорт этих продуктов составлял около 70% грузооборота КВЖД. В период конфликта

на КВЖД в 1929 г. количество североманьчжурских грузов, отправленных на Владивосток, снизилось до 27% против 73%, отправленных в Дайрен. Однако к 1930 г. соотношение вновь изменилось в пользу восточного направления: во Владивосток было отправлено 59% маньчжурских грузов, в Дайрен – 41% [18, с.104–107].

В 1930-е гг. советско-японское «статус-кво» в Маньчжурии было нарушено: данный регион переходит под контроль Японской империи и в дальнейшем становится тыловой базой для её армии. В 1932 г. Японская империя захватывает Северную Маньчжурию (не занимая при этом линии отчуждения КВЖД) и образует на территории СВК буферное государство Маньчжоу-го с центром в г. Чаньчунь (Синьцзин). В результате японская армия, насчитывавшая 130 тыс. человек, подошла к границам Дальневосточного края СССР – рекам Амур и Уссури. Учитывая снижение экономического эффекта от эксплуатации КВЖД, а также то, что напряжение на дороге могло вызвать дальнейшее обострение японо-советских отношений, правительство СССР в 1935 г. продает КВЖД Японской империи¹.

Если судить о грузовых потоках между Северной Маньчжурией и советским приграничьем, то уже к 1933 г. грузопоток через КВЖД сокращается весьма значительно, при этом увеличивается доля Транссиба (рис. 2). Вероятно, в связи с продлением японской стороной железнодорожных путей КВЖД до портов, расположенных в северной части Корейского полуострова, произошло снижение транзита маньчжурских грузов через Владивосток.

¹ Вместе с тем с советской стороны наращивалось военное присутствие в регионе: к 1936 г. численность советских войск на Дальнем Востоке и в Забайкалье достигла 300 тыс. человек или 15% от общей численности всей Красной армии [26, с.152].

После вооруженного столкновения Японской империи с СССР в 1938–1939 гг. в Северной Маньчжурии была построена железнодорожные ветки до Хэйхэ (напротив Благовещенска), а также до Хулиня (напротив Имана, впоследствии Дальнереченска) [41, р.404]. Территория Северной Маньчжурии с 1936 г. входила в так называемую японскую зону с центром в Харбине и включала в себя бассейн реки Сунгари и берега реки Ляохэ. Японская зона была расположена у границ СССР и имела выраженное военно-стратегическое значение. В конце 1930-х – начале 1940-х гг. в данной зоне была построена разветвленная система укрепрайонов.

Во второй половине 1930-х гг. наблюдалась третья (после переселенческой компании цинского Китая XIX в. и периода постройки КВЖД) волна переселения китайского населения в Маньчжурию. Численность населения Маньчжурии увеличилась с 31,3 млн. человек [40, р.245] в 1930 г. до 43,2 млн. в 1940 г. [36, р.255].

С точки зрения размещения производственных мощностей японская сторона придерживались принципа максимального приближения промышленных предприятий к источникам сырья, и в связи с этим все крупные предприятия, которые выпускали военную продукцию, были сосредоточены по линии Харбин – Дайрен.

В 1940 г. правительство Маньчжоу-го руководствуется в экономическом развитии Маньчжурии «Десятилетним планом комплексного экономического развития Японии, Маньчжоу-го и Китая» [18, с.181–183]. В соответствии с данным планом в регионе были созданы особые условия для работы отраслей, являющихся наиболее важными с точки зрения обороны (транспорт, связь, чёрная и цветная металлургия, добыча угля, нефти и золота, автомобилестроительная, химическая, лесная и деревообрабатывающая промышленности и т.п.).

Приграничные с СССР территории

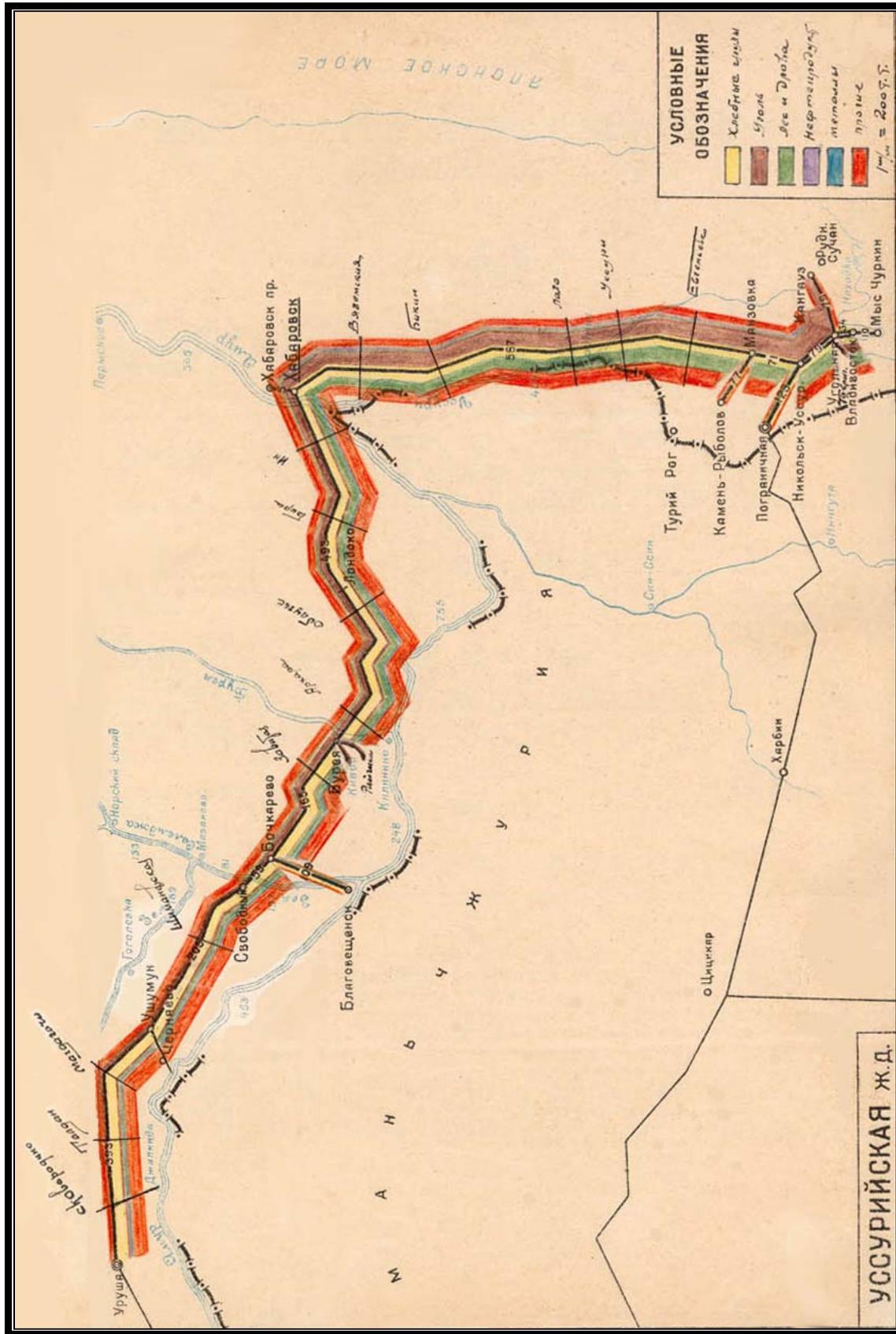

Рис. 2. Грузовые потоки Уссурийской железной дороги в 1933 г.

Источник: [20].

Маньчжоу-го представляли собой «зону военного освоения». В итоге, уже к середине 1940-х гг. Маньчжурия вошла в число самых развитых промышленных регионов мира. Если бы на тот момент Маньчжурия находилась в составе Китая, то на его территории добывалось бы 55% угля [47, р.168], 52% железной руды, 100% меди, 76% свинца и цинка, 100% магния, выплавлялось 100% алюминия [18, с.244].

Аньшанский металлургический комбинат, построенный японским капиталом в 1918 г., в 1943 г. производил около 80% всей продукции чёрной металлургии Маньчжурии. К июлю 1945 г. металлургическая промышленность Маньчжурии обладала мощностями для выпуска 3 550 тыс. т стали и проката (фактическая выплавка стали составила 2524 тыс. т). Значительно расширилась добыча медной руды на уже освоенных месторождениях (рудниках Фучжуна, Хуадуна и др.). Наряду с металлургией импульс для развития получила угольная промышленность. Выявленные запасы угля в Маньчжурии составляли 20 млрд. т [5, с.22]. Маньчжурский уголь имел большое значение для Японской империи, потому что в отличие от японских угольных месторождений, преимущественно лигнитных, здесь добывался высококачественный антрацит, залегавший как в Южной, так и в Северной Маньчжурии [47]. Расширение производства чёрных и цветных металлов, рост производства отраслей военной промышленности потребовали возведения объектов электроэнергетики. С 1937 г. началось строительство гидро- и теплоэлектростанций [18, с.220].

Несмотря на некоторое сокращение посевных площадей и собираемых урожаев, особенно зерновых, сельское хозяйство Маньчжурии к концу 1944 г. обеспечивало потребности не только местного населения, армии и японских поселений в данном регионе, но и самой Японской империи. Нарастивали свои мощности также лесная и целлюлозно-бумажная промышленности.

Крупнейшими центрами лесопильной промышленности были Аньдун, Гирин, Чанчунь, Харбин и Дайрен.

Следует отметить, что на юге Дальнего Востока и в Забайкалье также была построена мощная тыловая база «с опорой на собственные силы» для сухопутных и морских сил СССР. Дальний Восток в силу удаленности от основного и близости к потенциальному театру военных действий не стал основной базой эвакуации промышленного потенциала. Сохранявшаяся в течение всей Великой Отечественной войны перспектива войны на Дальнем Востоке с Японией предопределила продолжение реализации Программы промышленного строительства. В этот период были сооружены машиностроительные предприятия, в основном оборонного назначения, введён в эксплуатацию металлургический завод в Комсомольске-на-Амуре (который до сих пор остается единственным на Дальнем Востоке), построен нефтепровод с Сахалина до Комсомольска-на-Амуре для обеспечения автономного снабжения топливом в условиях военного времени [26, с.165–166], проложен через Сихотэ-Алинь новый железнодорожный коридор Комсомольск-на-Амуре – Советская Гавань (так называемый проект «500»).

В итоге, за период японского присутствия на территории СВК была построена мощная экономическая база, как для нужд армии, так и для Японской империи в целом. Основными элементами данной базы являлись мощности для производства чёрных и цветных металлов, угольные месторождения, ввод в действие объектов электроэнергетики, развитие целлюлозно-бумажного производства, внедрение интенсивных методов в сельском хозяйстве. Была построена разветвлённая система железных дорог, обслуживающая выходы Маньчжурии к Жёлтому морю. В этом направлении перевозилась основная масса грузов, идущих как на экспорт, так и в район Мукденского (Шеньянского) промышленного ядра, с которым экономика

Северной Маньчжурии стала крепко связана. Именно в 1930–1940 гг. экономические связи СВК с СССР практически нивелируются. Транзит грузов из Забайкалья в Приморье через территорию СВК прекращается, а КВЖД используется для вывоза ресурсов из глубинных районов Северной Маньчжурии в Дайрен для японского рынка. Если говорить о периоде 1924–1945 гг., то, по большому счёту, главным фактором, воздействующим на освоение, колонизацию или, если угодно, развитие как Забайкалья и юга Дальнего Востока, так и Северной Маньчжурии, было военнополитическое соперничество в регионе между СССР и Японией, кульминацией которого стало поражение последней, вследствие чего были созданы предпосылки для образования КНР.

4. Советско-китайское сотрудничество (1950-е гг.)

Следующим историческим этапом, оказавшим довольно серьёзное воздействие на развитие территорий, расположенных по двум сторонам государственной границы в рамках бассейна реки Амур, является короткий период сотрудничества между СССР и КНР.

После окончания гражданской войны в Китае между коммунистическими и гоминдановскими силами, в которой последние потерпели поражение, образованная в 1949 г. КНР нуждалась в восстановлении и дальнейшем развитии промышленного производства. СССР оказывает коммунистическому Китаю помощь в решении этой проблемы. 14 февраля 1950 г. был подписан протокол, согласно которому СССР взял на себя обязательства оказать КНР помощь в строительстве 50 крупнейших промышленных предприятий (электростанций, металлургических и машиностроительных заводов, угольных шахт, рудников), а также поставить оборудование и транспортные средства, необходимые для восстановления и развития эконо-

мики. В 1950–1952 гг. 36 из 50 предприятий были построены на территории СВК. Китайско-Чанчуньская железная дорога (КЧЖД), бывшая КВЖД, была восстановлена на всём её протяжении и, в соответствии с соглашением от 31 декабря 1952 г., была безвозмездно передана КНР вместе со всеми правами по её управлению и принадлежащим ей имуществом [33, с.172].

В соответствии с вектором экономического развития КНР, в рамках первого пятилетнего плана (1953–1957 гг.), СВК (Маньчжурия) должен был стать базой для индустриализации страны: другие регионы, опираясь на неё, смогли бы получить импульс ускоренного роста. В течение первой пятилетки создаётся промышленная база СВК с опорой на Шеньянское экономическое ядро и электроэнергетику провинции Цзилинь (Гири́н). Помимо этого, центрами капитального строительства выступали города Цзилинь, Чанчунь, Харбин и Цицикар. По уровню индустриализации СВК стал опережать другие регионы КНР [35, с.34–41]. Опорой для индустриализации СВК выступили крупнейшие транспортно-промышленные узлы, расположенные вдоль бывшей КВЖД.

За годы первой пятилетки удельный вес машиностроения в валовой продукции промышленности СВК вырос с 12,5 до 20,7% [19, с.85]. С 1956 г. стали проводиться совместные изыскательские работы по объединению транспортных путей СВК с Дальним Востоком и Забайкальем. В частности, для развития судоходства в бассейне Амура были разработаны проекты соединения его с Татарским проливом (через озеро Кизи), с Японским морем (через Уссури, озеро Ханка и реку Суйфун) и с Жёлтым морем (через реки Сунгари и Ляохэ и залив Бохай). Советские и китайские специалисты выбрали места для строительства ГЭС на реках Амур и Аргунь, электроэнергию которых планировалось поставлять в СССР и КНР.

В 1958 г. СССР построил первое в КНР предприятие автомобильной про-

мышленности в Чанчуне, проектная мощность которого составляла 30 тыс. грузовиков в год. В 1959 г. советскими специалистами вблизи поселка Датун провинции Хэйлуунцзян было разведано месторождение нефти. На его основе в дальнейшем возникли знаменитые Дацинские нефтепромыслы, эксплуатируя которые, КНР как удовлетворял свои потребности, так и экспортировал сырую нефть в соседние страны (Японию, КНДР и др.). К 1959 г. был достигнут максимальный объём советско-китайской торговли – 1849,4 млн. рублей, что составляло более 50% общего внешнеторгового оборота КНР и около 20% – СССР [22, с.20].

В экономической сфере между СССР и КНР существовали отношения, определявшиеся политическими соображениями, стратегическим партнёрством двух стран. Благодаря экономической помощи СССР СВК превратился в ведущий экономический район КНР, как по количественным, так и качественным показателям. К концу 1950-х гг. существовали проекты создания единой транспортной и энергетической инфраструктуры с Забайкальем, Приамурьем и Приморьем.

5. Советско-китайская конфронтация (1960-е – конец 1980-х гг.)

В 1961–1966 гг. китайское руководство по политическим причинам взяло курс на постепенное свёртывание торгово-экономических отношений с СССР. С этого времени начинается период конфронтации между КНР и СССР, длившийся вплоть до конца 1980-х гг. Безусловно, наличие политических противоречий между странами поставило во главу угла наращивание военной составляющей в пределах их приграничных территорий, в частности, в рамках Амурского бассейна. Период наибольшего военно-политического накала между странами приходится на 1965–1976 гг. – время так называемой «культур-

ной революции» в КНР. В этот период территория Маньчжурии стала рассматриваться китайским руководством как «передовой рубеж обороны» [9, с.46–47], что фактически означало концентрацию в данном регионе вооружённых сил и производственных мощностей, их обслуживающих.

Специализация экономики в обслуживании вооружённых сил потребовала значительного увеличения добычи нефти, поставляемой на экспорт. В рассматриваемый период начинается экстенсивное увеличение объёмов добычи на Дацинском месторождении. В 1970-х гг. на территории СВК была развёрнута нефтепереработка национального масштаба. Несмотря на наличие значительных запасов нефти, топливно-энергетическая отрасль региона базировалась на угле. По объёму угледобычи СВК занимал второе место в стране (после Северного Китая); на его долю приходилось более 25% общекитайской добычи. В 1970-х гг. на территории СВК действовала крупнейшая в стране объединённая энергосистема, которая была соединена с энергосистемой Северного Китая.

Следует заметить, что территории юга Дальнего Востока и Забайкалье также представляли собой «военный лагерь». В середине 1960-х – 1970-х гг. в данных регионах происходит наращивание сухопутных сил с целью сдерживания «китайской агрессии и защиты суверенитета МНР». Всё это заставило руководство СССР заняться интенсивным укреплением границы, обошедшимся государству в 200 млрд. рублей (вся доходная часть годового бюджета страны в начале 1980-х гг. лишь немного превышала 300 млрд. рублей) [24, с.188]. В отличие от 1920-х гг., когда экономика указанных территорий была тесно связана с зарубежными рынками, послевоенная экономика региона оказалась полностью привязанной к рынку европейских районов СССР. Правда, некоторый уровень взаимодействия с АТР был всё же сохранён [26; 46].

В 1978 г., спустя некоторое время по-

сле смерти Мао Цзэдуна, Китай объявляет о политике открытости и проведении реформ, предполагающих структурную реорганизацию экономики. Были созданы особые экономические зоны на юге КНР, осуществляющие свою деятельность, по сути, за рамками экономической системы остальной части страны. В середине 1980-х гг. был открыт для внешней торговли ряд портов КНР, в число которых вошёл Далянь. Остальная часть СВК в начале экономических реформ не получает преимуществ в развитии от либерализации внешнеэкономической деятельности, хотя у руководства КНР были намерения создать какой-либо формат торговых и инвестиционных взаимодействий с советскими регионами Сибири и Дальнего Востока. Экономические связи между соседними территориями Китая и Дальнего Востока СССР возобновляются в 1983 г. [23, с.5–6].

Если говорить о советских дальневосточных территориях, то к концу 1980-х гг., на фоне ухудшения общеэкономической ситуации в стране и смены политического курса её развития, прежняя политика гарантированного государственного патронажа по отношению к регионам Дальнего Востока и Забайкалья стала сворачиваться. Важной особенностью структуры экономики Дальнего Востока являлась её большая зависимость от оборонных производств и от масштабов сосредоточения военных баз и гарнизонов [26, с.322].

Период советско-китайской конфронтации практически нивелировал экономическое взаимодействие сопредельных территорий двух стран. Государственные предприятия северо-восточных провинций КНР были тесно интегрированы в национальную экономику в качестве поставщика продукции ресурсного сектора (поставки также осуществлялись на внешний рынок через Далянь) и тяжёлого машиностроения национального масштаба. Но поскольку, как было отмечено, политика реформ и открытости КНР не наделила СВК какими-

либо серьёзными преимуществами, регион постепенно стал превращаться в периферийную территорию КНР, уступив лидерство южным приморским провинциям, которые всё больше интегрировались с мировым рынком товаров и капиталов. Вследствие специфики экономических отношений с близлежащими странами, нерыночным характером экономики региона и государственной монополией на внешнеторговую деятельность существенно нарастить экспорт СВК не мог. Торговля советского Дальнего Востока и Сибири с СВК была централизованной. Возможно, централизация внешнеторговых потоков между странами, а по большому счету – сама специфика экономических систем СССР и КНР, исключали появление форматов интеграционных взаимодействий в рамках бассейна реки Амур.

За годы автономного существования на территории СВК сформировался самодостаточный экономический комплекс, характеризующийся избытком труда и наличием ряда природных ресурсов, специфической структурой экономики (с упором на тяжёлую промышленность) и относительно развитым сельскохозяйственным производством (по сравнению с внутренними китайскими регионами). За годы китайских реформ данный регион отстал от приморских регионов страны и фактически, за исключением, пожалуй, провинции Ляонин, стал периферийным в КНР.

6. Современные российско-китайские взаимоотношения (1990-е гг. – настоящее время)

На данном этапе в двух рассматриваемых странах происходят серьёзные комплексные изменения. Безусловно, для российской стороны самыми главными событиями являлись распад СССР и последовавший затяжной социально-экономический кризис. А в КНР в этот период времени начинается небывалый в мировой истории подъём национальной экономики.

В 1990-е гг. экономика юга Дальнего Востока и Забайкалья быстро сокращалась, происходило всё большее падение производства оборонных предприятий на фоне оттока населения [27], в то время как экспорт продукции ресурсного сектора увеличивался. Начался процесс переориентации экономических связей Дальнего Востока и Забайкалья с внутренних районов бывшего СССР на страны АТР. Начало радикальной экономической реформы придало новый импульс тенденции расширения внешне-торгового сотрудничества Дальнего Востока со странами Северо-Восточной Азии (СВА), не последнюю роль среди которых играл Китай. Растущий внутрирегиональный спрос практически на все виды импортируемой продукции обусловил увеличение её количественных и стоимостных объёмов [7, с.66]. В итоге дальневосточные приграничные территории вернулись к немного изменённой модели хозяйствования начала XX в., с высокой долей ресурсного сектора, но практически без сельскохозяйственного производства.

Как уже было обозначено, в КНР основным локомотивом реформ выступали приморские провинции, а на СВК экономические преобразования столь стремительно не распространялись. Вследствие этого за годы реформ произошло серьёзное отставание экономики СВК от ведущих китайских регионов. Социально-экономическая ситуация СВК осложнялась тем, что за время реформ государственные промышленные предприятия региона столкнулись с проблемами убыточности, трудностями реализации продукции, значительным устареванием производственных мощностей, сложностями вторичного трудоустройства и социальной поддержки увольняемых рабочих [15]. С этой точки зрения экономика СВК оказалась вне тренда развития хозяйства КНР в целом. Реализация Программы восстановления старопромышленных баз СВК носила ярко выраженный инвестиционный характер, во многом консервируя структурные пробле-

мы региона [13].

Сокращение населения в восточных регионах России стало приводить к нарастающему стремительными темпами демографическому дисбалансу между пограничными российскими регионами и СВК. При этом в китайских провинциях перенаселённость усугубляется растущей безработицей. Вполне очевидно, что в таких условиях стали всё более активно звучать призывы к двустороннему ускоренному развитию в рамках какого-либо интеграционного формата.

Существенный рост российско-китайской торговли, наблюдаемый с начала 1990-х гг., позволил как российским, так и китайским исследователям выдвинуть тезис о взаимодополняемости двух экономик и благоприятных перспективах экономического сотрудничества двух стран. Определённого рода трансформации во взаимодополняемости между восточными регионами России и СВК можно отследить на уровне двусторонней торговли. В 1990-е гг. рост объёмов импорта из Китая на Дальний Восток, транспортируемого преимущественно через территорию СВК, достигался за счёт увеличения ввоза товаров потребительского спроса. В 2000-е гг. стала активно импортироваться продукция машиностроения, преимущественно инвестиционного назначения. В конце 2000-х гг. продолжается постепенное повышение удельного веса в российско-китайской торговле приморских провинций Китая. В свою очередь, в 1990-е гг. в дальневосточном экспорте в КНР доля продукции с высокой добавленной стоимостью неуклонно снижалась. К концу 2000-х гг. дальневосточный экспорт в КНР состоял практически полностью из сырьевых товаров, преимущественно – лесоматериалов.

Что касается инвестиционного сотрудничества, то оно, в отличие от начала и середины XX в., не характеризуется динамичным развитием и масштабностью. Хотя Китай остаётся лидером по количест-

ву создаваемых на Дальнем Востоке предприятий с иностранными инвестициями, по общему объёму вложенных в экономику региона средств он занимает одно из последних мест среди иностранных государств-инвесторов. Предприятия с китайским капиталом на Дальнем Востоке характеризуются небольшим размером, незначительными вложениями в основные фонды, преимущественным использованием китайской рабочей силы. Основными видами деятельности, привлекательными для китайских инвесторов, остаются торговля, общественное питание, а также мелкое производство, связанное с первичной обработкой древесины. Кроме того, в последние годы усилилась активность китайской стороны в сфере приобретения прав на геологическую разведку и разработку российских месторождений полезных ископаемых.

Провинции СВК, особенно Хэйлуцзян, посредством ведения активной торговли с российским приграничьем через систему собственных приграничных городов и посёлков получили преимущество в реализации товаров из приморских регионов КНР. Сверхдоходы, полученные китайскими предпринимателями от приграничной торговли с Россией, дали толчок бурному развитию приграничной городской, торговой и транспортной инфраструктуры КНР [24, с.134].

Стали выдвигаться предложения [26, с.483–485] об интеграции Дальнего Востока в АТР путём максимального вовлечения избыточных китайских факторов производства. С этой позиции ускоренное развитие отношений с КНР могло бы не только поддержать традиционные отрасли специализации Дальнего Востока, но и способствовать созданию новых перспективных производств (переработка минерального сырья, производство минеральных удобрений, целлюлозно-бумажная и мебельная промышленность и т.п.). С данной позицией согласуется концептуальная идея создания на юге Дальнего Востока эконо-

мической «контактной зоны» или промышленно-сервисных дуг с сопредельными странами СВА [26, с.661–665].

Регионы Дальнего Востока и Забайкалья, при наличии довольно развитой транспортной инфраструктуры, специализируются в экспорте продукции низких переделов или природной ренты. Эффектами от этой ренты (в соответствии с одним из вариантов развития экономики Дальнего Востока) могут воспользоваться крупные дальневосточные города, расположенные в Амурском бассейне. Для этого предполагается разработать эффективную схему распределения потенциальных доходов, в рамках которой Дальний Восток будет являться полноправным реципиентом, «перехватывая» часть дополнительных доходов у партнёров по СВА. Такие дуги географически опираются на мощные промышленно-логистические и сервисные узлы: Благовещенск, Хабаровск, Комсомольск-на-Амуре, Уссурийск, Владивосток, Находка (*рис. 3*).

С большой долей вероятности можно утверждать, что промышленно-сервисная дуга, основанная на переработке дальневосточных и сибирских сырьевых товаров, уже около 20 лет функционирует не на территории юга Дальнего Востока, а на территории СВК, но в ограниченном формате, поскольку ряд населённых пунктов не имеет выхода на российскую территорию ввиду отсутствия мостов через реки Амур и Усури.

Среди провинций СВК Хэйлуцзян (вследствие территориальной близости и наличия протяжённой границы) наиболее тесно связан с российским рынком. В рамках Плана возрождения экономики провинциальными властями разработан «Комплексный план восстановления старой промышленной базы провинции Хэйлуцзян». Провинция Хэйлуцзян стремится стать центром научно-технического, информационного, индустриального и сельскохозяйственного сотрудничества с Россией [14]. Этого китайская сторона плани-

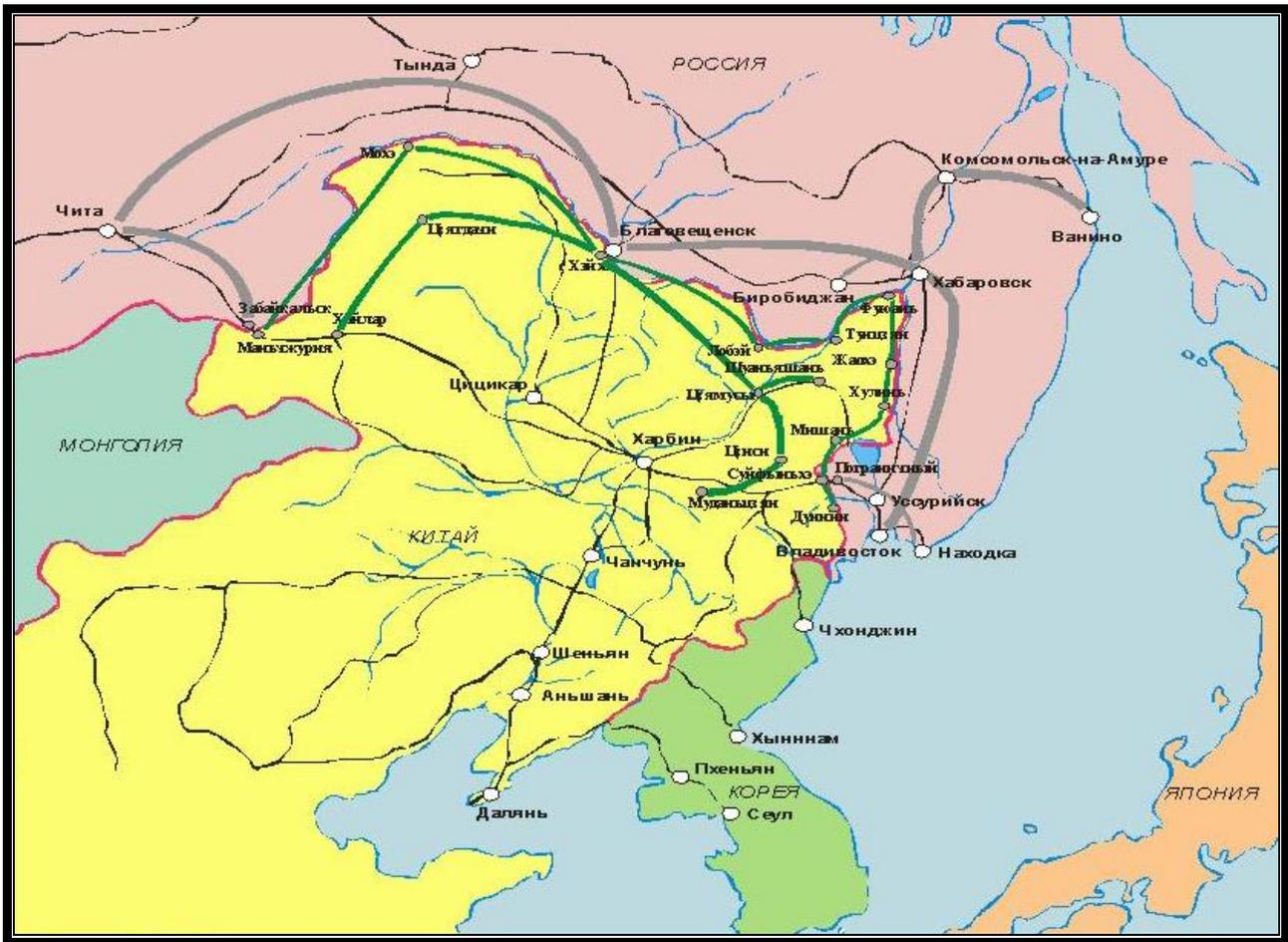

Рис. 3. Функционирующие и проектируемые промышленно-сервисные дуги в российско-китайском приграничье

Примечание: рисунок создан на основе информации, представленной в [10; 26]. Зелёным цветом обозначены дуги, расположенные на территории СВК, серым – на территории юга Дальнего Востока и Восточной Сибири.

рует добиться, укрепляя и расширяя масштабы приграничного экономического сотрудничества с сопредельными российскими территориями.

По идее администрации провинции Хэйлунцзян, открытая пограничная зона в бассейне реки Амур должна быть создана по линии государственной границы в населённых пунктах Мохэ, Хэйхэ, Лобэй, Фуюань, Тунцзянь, Жаохэ, Хулинь, Мишань, Суйфэнхэ, Дуннин и других пограничных портах, являющихся опорными пунктами этой линии, а Хэйхэ, Цзягдачи, Хэган, Цзиси, Шуаньяшань, Цзямусы, Муданьцзянь и другие центральные города являются её опорными базами [10, с.84–

86]. В этой пограничной зоне строятся базы обрабатывающей промышленности, ориентированные на экспорт в приграничные российские регионы (продовольственные товары, товары лёгкой и текстильной промышленности, строительные материалы, бытовые электроприборы), а также предприятия по глубокой переработке сырьевых товаров из России. Для ускоренного роста экономики открытой пограничной зоны предполагается привлечение инвестиций из развитых регионов Китая для создания промышленно-торговой инфраструктуры, совместное инвестиционное сотрудничество на объектах по добыче и первичной переработке природных ре-

сурсов за границей (разумеется, в России). Большие надежды также возлагаются на рост посреднической торговли и предоставление посреднических услуг.

Необходимо также сказать несколько слов об опыте транспортной кооперации между югом Дальнего Востока и Забайкальем и СВК. В 1992 г. провинция Хэйлунцзян открыла речно-морское транзитное грузовое движение, которое проходит от восточной части провинции Хэйлунцзян, от устья Сунгари, по Амуру до Татарского пролива, и через Японское море до северных портов Японии. Однако рейсы подобного рода крайне эпизодичны. Намного лучше обстоят дела с железнодорожными перевозками. Через железнодорожный переход Гродеково – Суйфэньхэ в основном осуществляется вывоз природных ресурсов из дальневосточных регионов. В общем объёме экспорта наибольшую долю составляют лесные грузы, металлическая руда и удобрения; импорта – строительные, скоропортящиеся и прочие грузы. Одно время была распространена идея о транспортировке грузов из СВК в страны АТР через порты Приморья (маршрут начала XX в.) [6]. На деле же в конце 2000-х гг. было перевезено мизерное количество контейнеров из города Муданьцзян (Хэйлунцзян) через Владивосток и далее в Шанхай [11]. Это свидетельствует о том, что СВК в плане масштабных транспортных потоков ориентирован на порты Бохайского залива, а использование альтернативных маршрутов через российскую территорию является крайне эпизодичным и несистемным.

Можно сделать несколько общих выводов, касающихся современной политики Китая в отношении развития экономических взаимоотношений с российским Дальним Востоком. Данная политика является частью общей, хотя и слабо формализованной, но чётко просматривающейся линии. Дальний Восток в КНР рассматривается как поставщик природных ресурсов (прежде всего леса) и как транзитный

пункт для поставок китайских товаров в европейскую часть России, причём структура этих поставок будет меняться в сторону преобладания товаров с более высокой добавленной стоимостью. Перспективы российско-китайского экономического сотрудничества на Дальнем Востоке основаны на заинтересованности КНР в широком доступе к его природным ресурсам. В обозримом будущем Китай, вероятно, останется в числе основных поставщиков импортной продукции на дальневосточный рынок.

Экономические отношения России и КНР на Дальнем Востоке будут, очевидно, определяться тем, насколько быстро и успешно удастся выйти за рамки традиционных торгово-экономических операций. Заметно реализовать существующий потенциал экономического сотрудничества российского Дальнего Востока с КНР возможно через привлечение значительных объёмов китайских прямых инвестиций (из приморских провинций, а также из Сянган) в дальневосточную экономику, в том числе в экспортно-ориентированные крупномасштабные проекты в ресурсном секторе региона.

Однако на сегодняшний день в СВК испытывают всё меньше иллюзий относительно перспектив приграничного сотрудничества с Россией, чему имеются достаточно веские причины. В приграничных китайских городах в основном реализуется продукция из южных провинций Китая, а в последнее время всё более широко масштабными являются прямые поставки товаров с юга КНР в восточные регионы России (как правило, транзитом через западные), исключая посредников из северо-восточных провинций [16]. Также за последнее десятилетие активным участником российско-китайского торгового и инвестиционного сотрудничества стал являться глобальный бизнес, на долю которого приходится большая часть торговых операций между странами [12]. Эти обстоятельства, вероятно, способны доста-

точно сильно поколебать сложившуюся за двадцать лет специализацию приграничных с Россией китайских городов и поставить под сомнение реализацию плана возведения открытой зоны на территории СВК. Иначе говоря, российско-китайское приграничное сотрудничество, скорее всего, будет сокращаться усилиями сетевых взаимодействий российского и китайского корпоративного секторов.

Можно утверждать, что в настоящее время Северная часть Маньчжурии (провинции Цзилинь, Хэйлунцзян и часть Внутренней Монголии), несмотря на наличие нефтеперерабатывающей промышленности национального масштаба, лесопереработки, автомобильной промышленности в г. Чаньчунь и т.п., является поставщиком сырьевых ресурсов и подрядчиком в выпуске готовой продукции как для провинции Ляонин (Южной Маньчжурии), так и для китайского рынка в целом. Поэтому, развивая экономические отношения с СВК, российский Дальний Восток имеет дело скорее со всем Китаем, а не с китайским приграничьем. При этом рынок Дальнего Востока и Забайкалья для Китая является несущественным по сравнению с западными регионами России.

Заключение

Довольно долгое время регион бассейна реки Амур в своём экономическом развитии получал определённый экзогенный импульс (как прямо, так и косвенно): массовое переселение китайцев в Маньчжурию в XVII–XIX вв. при династии Цин; переселение из европейских губерний российских переселенцев во второй половине XIX в.; возведение КВЖД и закладка портов Дальнего и Владивостока Российской империей; создание экономической базы для армии и флота Японской империей в Маньчжурии и Советским Союзом на территории юга Дальнего Востока и Забайкалья; строительство СССР ключевых промышленных предприятий в

1950-х гг. на территории СВК; сооружение оборонительной инфраструктуры в период конфронтации и т.д.

На территории, в которую входят сопредельные российские и китайские регионы, сложились две экономические системы, разномасштабные по степени влияния друг на друга. Безусловно, доминирующими являются китайские регионы, что связано с факторами, заложенными в недалёком прошлом: несоизмеримо большие численность и плотность населения по сравнению с российскими регионами (на территории СВК проживает немного меньше населения, чем во всей России), наличие сравнительно развитой транспортной инфраструктуры и промышленного производства. С этой точки зрения за югом Дальнего Востока и Забайкальем объективно закрепляется периферийный характер по отношению к территории бывшей Маньчжурии.

Если говорить об эксплуатации совместной на определённом промежутке времени транспортной компоненты, то нужно учитывать следующее. На территории СВК железнодорожная сеть и сеть автомобильных дорог плотно связаны с Далаем, Инькоу и Тяньцзинем, а также с Пекино-Тяньцзиньской агломерацией. Использование альтернативных маршрутов китайского транзита на рынки стран АТР и в китайские порты через российскую территорию является крайне эпизодичным и несистемным. Данное положение дел объясняется не только периодом конфронтации с СССР, иначе после нормализации отношений с Россией Китай активно бы включился в железнодорожный и морской транзит через российскую территорию. КНР реализует модель транспортных потоков в северо-восточном регионе с выходом на порты Бохайского залива, которая существовала при японской оккупации, где нет места для российских портов на Тихом океане. Поэтому какие-либо попытки создания новых совместных транспортных коридоров (проект Туманган, исполь-

зование реки Амур как транзитного коридора и т.д.) с реальным положением дел ничего общего не имеют.

Руководством КНР признаётся важность в развитии хозяйственного комплекса СВК торгово-экономического сотрудничества с сопредельными регионами России, в том числе с Дальним Востоком. В ближайшей перспективе основными элементами китайского подхода к развитию торгово-экономического сотрудничества северо-восточного района КНР с регионами Дальнего Востока России будет являться стремление получить доступ к источникам сырья. Присутствие КНР на тех сегментах дальневосточного рынка, которые представляют хоть какой-то интерес, не будет значительным вследствие их малых размеров. Стратегические перспективы СВК действительно связаны с российским Дальним Востоком, но только отчасти: лишь для провинции Хэйлуцзян Дальний Восток и сибирские регионы России (как своего рода ресурсный придаток) находятся в центре экономических планов.

Можно резюмировать, что в целом трансграничный регион реки Амур и для России, и для Китая является периферийным, получая импульс для своего развития извне. В свою очередь, юг Дальнего Востока и Забайкалье являются периферийными по отношению к СВК. При этом какие-либо крупные совместные транспортно-инфраструктурные проекты (подобные КВЖД) отсутствуют и, наверняка, не будут иметь экономического смысла в будущем. Ввиду усиливающейся глобализации российско-китайское приграничное экономическое сотрудничество, скорее всего, будет сокращаться усилиями сетевых взаимодействий корпоративных секторов двух государств.

Список литературы

1. Антология экономической мысли на Дальнем Востоке. Выпуск 1. Колонизационные процессы в Приамурском крае на рубеже

XIX–XX веков / отв. ред. П.А. Минакир; Рос. акад. наук, Дальневост. отд-ние, Ин-т экон. исследований. Хабаровск: РИОТИП, 2008. 208 с.

2. Антология экономической мысли на Дальнем Востоке. Выпуск 2. Исследование сельской экономики Приамурского края между Русско-японской и Первой мировой / отв. ред. П.А. Минакир; Рос. акад. наук, Дальневост. отд-ние, Ин-т экон. исследований. Хабаровск: РИОТИП, 2009. 288 с.

3. *Бакланов П.Я., Ганзей С.С.* Трансграничные территории: проблемы устойчивого природопользования. Владивосток: Дальнаука, 2008. 216 с.

4. *Вэй Цзы-чу.* Капиталовложения империалистов в Китае (1902–1945). М.: Издательство Академии наук СССР, 1956. 53 с.

5. *Глушаков П.И.* Маньчжурия. Экономико-географическое описание. М.: Государственное издательство географической литературы, 1948. 264 с.

6. ДВЖД развернет китайские контейнеры. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/822060> (дата обращения: 20.03.2014).

7. *Деваева Е.И., Горюнов А.П., Котова Т.Е., Изотов Д.А.* Оценка последствий присоединения России к ВТО для внешней торговли Дальнего Востока // *Пространственная экономика*. 2005. № 3. С. 64–84.

8. *Демьяненко А.Н.* Территориальная организация хозяйства на Дальнем Востоке России. Владивосток: Дальнаука, 2003. 284 с.

9. *Демьяненко А.Н., Изотов Д.А.* Территориальная организация экономики КНР и проблема экономического районирования // *Пространственная экономика*. 2008. № 1. С. 43–61.

10. *Е Сяофэн.* Создать открытую зону в пограничных районах, способствовать развитию районной экономики // *Сборник докладов IV Международного форума по региональному сотрудничеству и развитию между Китаем и Россией*. Харбин, 2006. С. 84–86.

11. Из Китая в Китай транзитом через Приморье. URL: http://www.vch.ru/cgi-bin/guide.cgi?table_code=42&action=show&id=6883 (дата обращения: 20.03.2014).

12. *Изотов Д.А.* Российско-китайская торговля и валютный курс // *Пространственная экономика*. 2012. № 3. С. 34–54.

13. *Изотов Д.А.* Северо-Восток Китая в условиях мирового кризиса // Экономика региона. 2010. № 4. С. 229–234.
14. *Изотов Д.А., Кучерявенко В.Е.* Северо-Восток Китая в условиях реализации Плана возрождения экономики // Пространственная экономика. 2009. № 2. С. 140–158.
15. *Изотов Д.А., Кучерявенко В.Е.* Экономическое развитие Китая на современном этапе (аналитический обзор) / под ред. Е.И. Деваевой; Рос. акад. наук, Дальневост. отд-ние, Ин-т экон. исследований. Хабаровск: РИОТИП, 2007. 48 с.
16. *Изотов Д.А., Юн С.Е.* Приграничное сотрудничество как объект исследования // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2011. № 4. С. 8–21.
17. История Северо-Восточного Китая XVII–XX вв. Кн. 1. Маньчжурия в эпоху феодализма (XVII – начало XX в.). Владивосток: Дальневосточное книжное издательство, 1987. 424 с.
18. История Северо-Восточного Китая XVII–XX вв. Кн. 2. Северо-Восточный Китай. 1917–1949 гг. Владивосток: Дальневосточное книжное издательство, 1989. 352 с.
19. История Северо-Восточного Китая XVII–XX вв. Книга 3. Северо-Восточный Китай в 1945–1978 гг. Владивосток: Дальнаука, 2004. 343 с.
20. Карта грузопотоков Уссурийской ж.д. (1933). URL: <http://www.transsib.ru/Map/hismar-uss1933.jpg> (дата обращения: 20.03.2014).
21. Карта линии КВЖД. URL: http://www.samoupravlenie.ru/images/voina_322b.jpg (дата обращения: 20.03.2014).
22. *Клим Л.И.* Участие советского Дальнего Востока и Северо-Восточного Китая в развитии экономических отношений между СССР и КНР в 50-е годы. Владивосток, 1990. 25 с.
23. *Ларин В.Л.* Дальний Восток России в фокусе китайской политики // Вестник ДВО РАН. 2000. № 2. С. 3–19.
24. *Ларин В.Л.* Китай и Дальний Восток России в первой половине 90-х: проблемы регионального взаимодействия. Владивосток: Дальнаука, 1998. 284 с.
25. *Любимов Н.Н.* Экономические проблемы Дальнего Востока. М.: Центральное управление печати ВСНХ СССР, 1925. 52 с.
26. *Минакир П.А.* Экономика регионов. Дальний Восток / отв. ред. А.Г. Гранберг; Рос. акад. наук, Дальневост. отд-ние, Ин-т экон. исследований. М.: Экономика, 2006. 848 с.
27. *Мотрич Е.Л.* Население Дальнего Востока России / Е.Л. Мотрич; отв. ред. П.А. Минакир; Рос. акад. наук, Дальневост. отд-ние, Ин-т экон. исследований. Владивосток – Хабаровск: ДВО РАН, 2006. 224 с.
28. *Мясников В.С.* Договорными статьями утвердили (дипломатическая история русско-китайской границы XVII–XX вв.). Хабаровск, Приамурское географическое общество, 1997. 543 с.
29. Новая история Китая / Отв. ред. С.Л. Тихвинский; АН СССР, Институт востоковедения. М.: Наука, 1972. 637 с.
30. Описание Маньчжурии / Под ред. Д. Позднеева. СПб.: Типография Ю.Н. Эрлих, 1897. 633 с.
31. *Романова Г.Н.* Экономические отношения России и Китая на Дальнем Востоке (XIX – начало XX в.). М.: Наука, 1987. 168 с.
32. Россия – Северо-Восточная Азия. Дальневосточный экономический мост на рубеже эпох / С.П. Быстрицкий, В.К. Заусаев. М.: ИЭПП, 2007. 297 с.
33. *Сладковский М.И.* Очерк экономических отношений СССР с Китаем. М.: Внешторгиздат, 1957. 455 с.
34. *Тихвинский С.Л.* Маньчжурское владычество в Китае. М.: Наука; Глав. ред. восточной лит-ры, 1966. 385 с.
35. У Чуань-Цзюнь, Ли Чжэнь-Цюань, Лян Жэнь-Цай, Ли Му-Чжэнь, Се Сян-Фан, Чжан У-Дун. Экономическая география Северо-Восточного Китая. М.: Издательство иностранной литературы, 1963. 358 с.
36. *Beal E.G.* The 1940 Census of Manchuria // The Far Eastern Quarterly. 1945. № 3. Pp. 223–262.
37. *Christoffersen G.* Economic Reforms in Northeast China: Domestic Determinates // Asian Survey. 1988. № 12. Pp. 1245–1263.
38. *Christoffersen G.* The Greater Vladivostok Project: Transnational Linkage in Regional Economic Planning // Pacific Affairs. 1995. № 4. Pp. 513–532.
39. *Coulter J.W.* Harbin: Strategic City on the «Pioneer Fringe» // Pacific Affairs. 1932. № 11. Pp. 967–972.

40. Eckstein A., Chao K., Chang J. The Economic Development of Manchuria: The Rise of a Frontier Economy // *The Journal of Economic History*. 1974. № 1. Pp. 239–264.
41. Ginsburg N.S. Manchurian Railway Development // *The Far Eastern Quarterly*. 1949. № 4. Pp. 398–411.
42. Kawakami K.K. Manchurian Backgrounds I // *Pacific Affairs*. 1932. № 2. Pp. 111–130.
43. Liang C.P. History of the Chinese Eastern Railway: A Chinese Version // *Pacific Affairs*. 1930. № 2. Pp. 188–211.
44. Marton A., McGee T., Paterson D.G. North-east Asian Economic Cooperation and The Tumen River Area Development Project // *Pacific Affairs*. 1995. № 1. Pp. 8–35.
45. Matsuoka Y. Economic Co-operation of Japan and China in Manchuria and Mongolia: Its Motives and Basic Significance // *Pacific Affairs*. 1929. № 12. Pp. 786–795.
46. North R. The Soviet Far East: New Center of Attention in USSR // *Pacific Affairs*. 1978. № 2. Pp. 195–215.
47. Wang K.P., Read T.T. Controlling Factors in China's Coal Development // *Pacific Affairs*. 1946. № 2. Pp. 165–181.
48. Xing G. An Analysis of the Strategies of the Economic Cooperation between Heilongjiang and Russia // *Proceedings of First International Forum on Northeast Asia Regional Cooperation and Development*. Harbin, China. 2008. Pp. 76–78.
49. Ziegler C.E. Soviet Strategies for Development: East Asia and the Pacific Basin // *Pacific Affairs*. 1990-1991. №4. Pp. 451–468.
4. Wei Z.C. Imperialists' Investments in China (1902–1945). Moscow, 1956. 53 p. (In Russian)
5. Glushakov P.I. *Manchuria. Economic and Geographical Overview*. Moscow, 1948. 264 p. (In Russian)
6. *Far Eastern Railway Will «Deploy» Chinese Containers*. Available at: <http://www.kommersant.ru/doc/822060> (accessed 20 March 2014). (In Russian)
7. Devaeva E.I., Goryunov A.P., Kotova T.E., Izotov D.A. Impact Assessment of Russia's Accession to WTO for Russian Far East Foreign Trade. *Prostranstvennaya ekonomika* [Spatial Economics]. 2005. No.3. Pp.64–84. (In Russian)
8. Demyanenko A.N. *Territorial Organization of the Economy in the Russian Far East*. Vladivostok, 2003. 284 p. (In Russian)
9. Demyanenko A.N., Izotov D.A. Spatial Organization of Chinese Economy and Economic Zoning Issue. *Prostranstvennaya ekonomika* [Spatial Economics]. 2008. No.1. Pp.43–61. (In Russian)
10. Ye Xiaofeng. To Create Open Zone in the Border Regions is Meaning to Develop Regional Economy. In: *Papers of the IVth International Forum for Regional Cooperation and Development between China and Russia*. Harbin, 2006. Pp. 84–86. (In Russian)
11. *From China to China by the Transit through Primorye*. Available at: http://www.vch.ru/cgi-bin/guide.cgi?table_code=42&action=show&id=6883 (accessed 20 March 2014). (In Russian)
12. Izotov D.A. Russian-Chinese Trade and Exchange Rate. *Prostranstvennaya ekonomika* [Spatial Economics]. 2012. No.3. Pp.34–54. (In Russian)

References

1. *Anthology of Economic Ideas in the Far East. Issue 1. Colonization Processes in the Amur Region in the XIX-XX Centuries*. Ed. by P.A. Minakir. Khabarovsk, 2008. 208 p. (In Russian)
2. *Anthology of Economic Ideas in the Far East. Issue 2. Investigation of the Amur Region's Rural Economy between Russian-Japanese War and World War I*. Ed. by P.A. Minakir. Khabarovsk, 2009. 288 p. (In Russian)
3. Baklanov P.Ya., Ganzey S.S. *Trans-Boundary Territories: the Problems of Sustainable Nature Use*. Vladivostok, 2008. 216 p. (In Russian)
13. Izotov D.A. Northeast China's Economy under the World Financial Crisis. *Economika regionalna* [Regional economy]. 2010. No. 4. Pp. 229–234. (In Russian)
14. Izotov D.A., Kucheryavenko V.E. Northeast China While Implementing the Economic Recovery Plan. *Prostranstvennaya ekonomika* [Spatial Economics]. 2009. No. 2. Pp. 140–158. (In Russian)
15. Izotov D.A., Kucheryavenko V.E. *The Current Economic Development of China (Analytical Review)*. Khabarovsk, 2007. 48 p. (In Russian)
16. Izotov D.A., Yun S.E. Cross Border Collaboration as a Research Object. *Oikumena. Regionov-*

- edcheskie issledovania* [Otkumena. Regional studies]. 2011. No. 4. Pp. 8–21. (In Russian)
17. *History of Northeast China XVII–XX Centuries. Book 1. Manchuria under Feudalism (XVII – Beginning of XX Century)*. Vladivostok, 1987. 424 p. (In Russian)
 18. *History of Northeast China XVII–XX Centuries. Book 2. Northeast China in 1917–1949*. Vladivostok, 1989. 352 p. (In Russian)
 19. *History of Northeast China XVII–XX centuries. Book 3. Northeast China in 1945–1978*. Vladivostok, 2004. 343 p. (In Russian)
 20. *Map of Ussuri Railway's Cargo Flows, 1933*. Available at: <http://www.transsib.ru/Map/hismap-uss1933.jpg> (accessed 20 March 2014). (In Russian)
 21. *Chinese Eastern Railway's Map*. Available at: http://www.samoupravlenie.ru/images/voina_322b.jpg (accessed 20 March 2014). (In Russian)
 22. Klim L.I. *Soviet Far East & North East China Participation in the Promote of Economic Relations between USSR & China in 1950s*. Vladivostok, 1990. 25 p. (In Russian)
 23. Larin V.L. Russian Far East in the Focus of the Chinese Policy. *Vestnik Dalnevostochnogo otdelenia Rossiiskoy akademii nauk* [Letters of the FEB RAS]. 2000. No. 2. Pp. 3–19. (In Russian)
 24. Larin V.L. *China and Russian Far East Development During 1990-s: Problems of Regional Interactions*. Vladivostok, 1998. 284 p. (In Russian)
 25. Liubimov N.N. *Economic Problems of the Far East*. Moscow, 1925. 52 p. (In Russian)
 26. Minakir P.A. *Regions' Economics. Russian Far East*. Ed. by A.G. Granberg. Moscow, 2006. 848 p. (In Russian)
 27. Motrich E.L. *Population of the Russian Far East*. Ed. by P.A. Minakir. Vladivostok – Khabarovsk, 2006. 224 p. (In Russian)
 28. Miasnikov V.S. *By the Treaty Articles Approved... (Diplomatic History of Sino-Russian Border XVII–XX Centuries)*. Khabarovsk, 1997. 543 p. (In Russian)
 29. *New History of China*. Ed. by S.L. Tikhvinskiy. Moscow, 1972. 637 p. (In Russian)
 30. *Description of Manchuria*. Ed. by D. Pozdneev. St. Petersburg, 1897. 633 p. (In Russian)
 31. Romanova G.N. *Economic Relations between Russia and China on the Far East (XIX – Beginning of XX Century)*. Moscow, 1987. 168 p. (In Russian)
 32. *Russia – Northeast Asia. Far Eastern Economic Bridge at the Turn of Ages*. Ed. by S.P. Bistritskiy, V.K. Zausaev. Moscow, 2007. 297 p. (In Russian)
 33. Sladkovskiy M.I. *Essay on Economic Relations between the USSR and China*. Moscow, 1957. 455 p. (In Russian)
 34. Tikhvinskiy S.L. *Manchu Power in China*. Moscow, 1966. 385 p. (In Russian)
 35. Wu C.Z., Li Z.C., Liang R.C., Li M.Z., Xie X.F., Zhang W.D. *Economic Geographic of the Northeast of China*. Moscow, 1963. 358 p. (In Russian)
 36. Beal E.G. The 1940 Census of Manchuria. *The Far Eastern Quarterly*. 1945. No. 3. Pp. 223–262.
 37. Christoffersen G. Economic Reforms in Northeast China: Domestic Determinates. *Asian Survey*. 1988. No. 12. Pp. 1245–1263.
 38. Christoffersen G. The Greater Vladivostok Project: Transnational Linkage in Regional Economic Planning. *Pacific Affairs*. 1995. No. 4. Pp. 513–532.
 39. Coulter J.W. Harbin: Strategic City on the «Pioneer Fringe». *Pacific Affairs*. 1932. No. 11. Pp. 967–972.
 40. Eckstein A., Chao K., Chang J. The Economic Development of Manchuria: The Rise of a Frontier Economy. *The Journal of Economic History*. 1974. No. 1. Pp. 239–264.
 41. Ginsburg N.S. Manchurian Railway Development. *The Far Eastern Quarterly*. 1949. No. 4. Pp. 398–411.
 42. Kawakami K.K. Manchurian Backgrounds I. *Pacific Affairs*. 1932. No. 2. Pp. 111–130.
 43. Liang C.P. History of the Chinese Eastern Railway: A Chinese Version. *Pacific Affairs*. 1930. No. 2. Pp. 188–211.
 44. Marton A., McGee T., Paterson D.G. Northeast Asian Economic Cooperation and The Tumen River Area Development Project. *Pacific Affairs*. 1995. No. 1. Pp. 8–35.
 45. Matsuoka Y. Economic Co-operation of Japan and China in Manchuria and Mongolia: Its Motives and Basic Significance. *Pacific Affairs*. 1929. No. 12. Pp. 786–795.

46. North R. The Soviet Far East: New Center of Attention in USSR. *Pacific Affairs*. 1978. No. 2. Pp. 195–215.
47. Wang K.P., Read T.T. Controlling Factors in China's Coal Development. *Pacific Affairs*. 1946. No. 2. Pp. 165–181.
48. Xing G. An Analysis of the Strategies of the Economic Cooperation between Heilongjiang and Russia. In: *Proceedings of First International Forum on Northeast Asia Regional Cooperation and Development*. Harbin, China. 2008. Pp. 76–78.
49. Ziegler C.E. Soviet Strategies for Development: East Asia and the Pacific Basin. *Pacific Affairs*. 1990-1991. No. 4. Pp. 451–468.

Для цитирования:

Изотов Д.А. Проблемы экономического взаимодействия сопредельных регионов России и Китая // Регионалистика. 2014. Т. 1. № 1. С. 48–70.

For citing:

Изотов Д.А. The Problems of Economic Interaction between Neighboring Regions of Russia and China. *Regionalistica* [Regionalistics]. 2014. Vol. 1. No. 1. Pp. 48–70. (In Russian)

ЛЕОНОВ
Сергей
Николаевич

Доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник

Институт экономических исследований ДВО РАН,
ул. Тихоокеанская, 153,
Хабаровск, Россия, 680042

LEONOV
Sergey
Nikolaevich

Doctor of economics,
professor, chief researcher
Economic Research
Institute FEB RAS,
153, Tikhookeanskaya Street,
Khabarovsk, Russia, 680042

leonov@ecrin.ru

© Леонов С.Н.,
Соломко М.Н.,
Барабаш Е.С.,
Примаченко Л.С., 2014

© Хижняк В.Д.,
картография, 2014

УДК 334.021

ВОПРОСЫ СТИМУЛИРОВАНИЯ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ ХАБАРОВСКОГО КРАЯ К РАЗВИТИЮ ЭКОНОМИЧЕСКОГО И НАЛОГОВОГО ПОТЕНЦИАЛОВ

Рассматриваются проблемы и причины сложной и противоречивой реализации муниципальной реформы в Российской Федерации. На примере Хабаровского края проанализированы проблемы наращивания экономического и налогового потенциалов муниципалитетов. Дана оценка результативности применения в регионе межбюджетных трансфертов и сформулированы рекомендации по повышению эффективности стимулирования органов местного самоуправления Хабаровского края к развитию их экономического и налогового потенциалов.

Местное самоуправление, экономический потенциал муниципалитета, налоговый потенциал муниципалитета, Хабаровский край

ISSUES TO STIMULATE LOCAL AUTHORITIES OF KHABAROVSK KRAY TO DEVELOP THE ECONOMIC AND TAX POTENTIALS

The problems and causes of complex and controversial realization of municipal reform in Russian Federation are examined in this article. On the example of Khabarovsk Kray are analyzed problems of enhancing economic and tax potentials of municipalities. Estimated effectiveness of the application of interbudgetary transfers in the region. Provided recommendations to improve the effectiveness of stimulation of the Khabarovsk Kray local governments to develop their economic and tax potentials.

Local governments, economic potential of the municipality, tax potential of the municipality, Khabarovsk Kray

Работа является сокращённым вариантом материалов, представленных в виде доклада на заседании Экономического совета при Губернаторе Хабаровского края, состоявшемся 24 января 2014 г.

**СОЛОМКО
Мария
Николаевна**

Кандидат экономических наук, доцент кафедры финансов

Хабаровская государственная академия экономики и права, ул. Тихоокеанская, 134, Хабаровск, Россия, 680042

**SOLOMKO
Maria
Nikolaevna**

Ph.D. in economics, associate professor of the department of finance Khabarovsk State Academy of Economics and Law, 134 Tikhookeanskaya Street, Khabarovsk, Russia, 680042

solomko_m_n@mail.ru

При формировании *информационной базы исследования* использовались следующие источники:

1) законодательные, нормативно-правовые документы Российской Федерации, Хабаровского края и органов местного самоуправления Хабаровского края, регулирующие вопросы межбюджетных отношений в регионе;

2) официальные данные по государственной и муниципальной статистике Роскомстата;

3) статистические данные, опубликованные в сети Интернет на официальных сайтах.

Временной интервал исследования:

– 2000–2012 гг. – данные за этот период стали основой для выявления тенденций в формировании потенциала муниципалитетов Хабаровского края;

– 2013–2015 гг. – данные за этот период позволили сделать ряд прогнозов относительно эффективности реализации муниципальными образованиями края своих полномочий.

1. Проблемы муниципальной реформы

Федеральный закон ФЗ–131 от 6 октября 2003 г. «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» положил начало муниципальной реформе, необходимость и своевременность которой признавалась не только экспертами, но и практически всеми уровнями исполнительной и законодательной власти России [6]. Однако ход реформы и её результаты оказались весьма сложными и противоречивыми. Почему?

1). При формировании новой системы местного самоуправления не был принят во внимание высокий уровень социально-экономической дифференциации субъектов РФ, а также их значительные различия по иным признакам (размеры и освоенность территории, плотность населения и пр.) [7, с.11–15]. Тем самым была предложена схема преобразований, минимизирующая участие субъектов РФ в выборе модели реализации реформы и/или её определенной корректировке сообразно региональной специфике. Произошёл переход от чрезмерной пестроты муниципальной организации в регионах России, создававшей определённые трудности в единой системе общегосударственного управления и удовлетворения многих нужд населения, к механически заорганизованному единообразию. Такой подход неприемлем для местного самоуправления – института локального, органически связанного со спецификой условий и задач развития конкретной муниципальной территории.

**БАРАБАШ
Евгения
Сергеевна**

Кандидат экономических наук, доцент кафедры доцент государственного и муниципального управления Хабаровская государственная академия экономики и права, ул. Тихоокеанская, 134, Хабаровск, Россия, 680042

**BARABASH
Evgenia
Sergeevna**

Ph.D. in economics, associate professor of the department of state and municipal governance Khabarovsk State Academy of Economics and Law, 134 Tikhookeanskaya Street, Khabarovsk, Russia, 680042

jane_barabash@mail.ru

2). При определении исходных условий и направлений реформы общеэкономический принцип определения административно-территориальной структуры местного самоуправления был подменён частными экономико-географическими показателями (численность населения, «пространственная доступность» для населения органов местного самоуправления и пр.). Это послужило одной из причин формирования значительной части муниципалитетов на неадекватной для них экономической базе.

3). Федеральным законодателем был существенно расширен перечень вопросов местного значения. Но происходило это без закрепления достаточных налоговых доходов. Причём в ходе этого расширения органам местного самоуправления всё чаще вменялось в обязанность исполнять полномочия, которые трудно отнести к вопросам местного значения. Ситуацию усугубило то, что каждый уровень местного самоуправления как бы «обособился», решая только собственный круг задач. И хотя для сохранения единства в системе управления социально-экономическим развитием территорий ФЗ–131 «призывает» к межмуниципальному сотрудничеству, органы местного самоуправления разного уровня, не связанные каким-либо соподчинением (это исключено ФЗ–131), взаимодействуют недостаточно активно. Ещё одной аномалией в реализации данного «среза» реформы стала сложившаяся во многих регионах практика почти полной добровольной передачи поселенческими муниципалитетами своих полномочий на районный уровень [2, с.53–57].

4). Органы местного самоуправления (как и население) не стали активными участниками и инициаторами преобразований, осуществляемых в ходе муниципальной реформы. Характер и направленность этих преобразований определяются в основном решениями федеральных и, в меньшей степени, региональных властей.

Конечно, формирование и функционирование институтов местного самоуправления должно быть поставлено в определённые экономико-правовые рамки. При этом закрепление за ними жизненно важных для населения полномочий (в том числе переданных государством), а за местными бюджетами – особого места в налогово-бюджетной системе, с законодательно определённой доходной (налоговой) базой, делает необходимыми здесь значительные функции государственного регулирования и контроля. Однако рамки этого государственного регулирования и контроля призваны направлять гражданскую инициативу, а не сдерживать её, тем более тогда, когда она имеет позитивные экономические и социальные предпосылки.

ПРИМАЧЕНКО**Любовь
Сергеевна**

Консультант

Министерство
информационных технологий
и связи Хабаровского края,
ул. Карла Маркса, 56,
Хабаровск, Россия, 680000**PRIMACHENKO****Lubov
Sergeevna**

Consultant

Ministry of Information
Technologies and
Communications,
Khabarovsk Kray Government,
56 Karl Marks Street,
Khabarovsk, Russia, 680000l.s.primachenko@adm.khv.ru

В результате были утрачены многие продуктивные институты местного самоуправления, имевшие перспективы эффективного использования и в новых условиях (например, внутригородские муниципальные районы в некоторых крупных городах – столицах субъектов РФ). Пространство «муниципального управления» стало ассиметричным. В некоторых субъектах Федерации от 40% до 50% населения проживает в одном муниципальном образовании (региональная «столица»), а остальные 50–60% – в ещё примерно 300–400 муниципальных образований. Едва ли это можно считать реализацией принципов «равнодоступности» граждан к системам муниципального управления и возможности прямого участия населения в решении местных проблем на территории. Таким образом, задача реального приближения местного самоуправления к населению решается лишь частично, а реализуемые здесь методы противоречивы [2, с.30–42].

5). Предусматривавшиеся институциональные и правовые новации не получили достаточного экономического обеспечения. Основными условиями перехода к полномасштабной реализации муниципальной реформы были обеспечение сбалансированности местных бюджетов и постоянный мониторинг финансового положения муниципальных образований. Однако все имевшиеся в этом направлении позитивные послышки не могли быть реализованы в условиях отказа федерального законодателя предоставить местным бюджетам достаточные гарантированные доходные источники. А потому радикального улучшения ситуации в системе местных финансов не произошло, так как способность органов местного самоуправления реализовывать свои функции полностью зависела от передачи в их бюджеты налоговых долей или прямой финансовой помощи из региональных бюджетов. Одновременно полнота и эффективность осуществления этих функций (вопросов местного значения) мало связана с качеством управленческой деятельности муниципалитетов (в том числе по расширению экономического потенциала территории и, соответственно, по увеличению её налоговой базы) [5].

Конечно, «подпитать» доходную часть местных бюджетов можно и за счёт передачи дополнительных налоговых долей или финансовой помощи в дотационной форме. Но в практике муниципального управления местные налоги призваны выполнять не только фискальную, но также регулируемую и стимулирующую функции. Однако при таком экономическом «весе» местных налогов органы муниципального управления практически лишены возможности реализовывать собственную налоговую политику, являющаяся одним из наиболее действенных рычагов публичного управления в условиях современной рыночной экономики.

б). Законодательство поставило муниципалитеты (по функциям и по основным источникам бюджетных доходов) в положение практически полной отчуждённости от развития экономической базы соответствующих территорий, от динамики инвестиционного процесса, от развития предпринимательства. В последнее время удалось частично преодолеть этот «перекос», когда в процессе последующих корректировок ФЗ–131 в круг вопросов местного значения были включены позиции, прямо касающиеся экономической деятельности на территории. Но формальных полномочий недостаточно. Необходимы серьёзные мотивы к их исполнению.

Таким мотивом может быть привязка доходной базы местных бюджетов и оценки деятельности местных администраций к показателям экономической активности (производство, инвестиции, занятость) на территории. Однако сегодня такой привязки нет. В результате муниципалитеты остаются не только без необходимых объёмов бюджетных средств, но и без действенных стимулов их наращивания за счёт развития муниципального хозяйства. При этом неопределённость с перечнем объектов, относимых к муниципальному имуществу, ещё более усугубила эту ситуацию.

2. Проблемы наращивания экономического потенциала муниципальных образований края

2.1. Потенциал муниципального образования: понятие и количественная оценка

Вопрос оценки потенциалов муниципальных образований в Хабаровском крае интересен не сам по себе, а как важное условие социально-экономического развития хозяйственного комплекса региона. Какие муниципалитеты могут выступить локомотивами экономического роста края? Какие

условия развития потенциала ОМСУ в регионе надо учитывать, прогнозируя развитие хозяйства края? Какие из муниципалитетов требуют селективной поддержки?

В формально сложившейся к настоящему моменту системе взаимодействия Правительства края и муниципальных образований можно выделить следующие направления взаимоотношений:

- создан и функционирует Совет глав при Губернаторе края (в 2012 г. рассмотрен 41 вопрос);

- главы городских округов и муниципальных районов приглашаются на расширенные заседания Правительства края;

- взаимодействие в бюджетном процессе (в 2012 г. 32,8% расходной части краевого бюджета составили межбюджетные трансферты);

- все программные документы, нормативно-правовые акты и распорядительные документы по вопросам, затрагивающим интересы муниципальных образований, в обязательном порядке согласовываются с органами местного самоуправления;

- представители органов исполнительной власти края участвуют в работе коллегий при главах городских округов и муниципальных районов.

Более того, в 2012 г. усилия Правительства Хабаровского края были связаны с переходом к формированию программного бюджета. В рамках реализации основных направлений деятельности Правительства края до 2018 г. было сформировано 27 государственных целевых программ по трём направлениям: повышение качества жизни и демография (12 программ); развитие экономики (11 программ); повышение эффективности госуправления (4 программы).

В результате бюджетное финансирование в Хабаровском крае в 2013 г. осуществлялось на 90% в рамках государственных программ, в то время как в 2012 г.

данный показатель составлял только 37%. 13 реализуемых государственных программ содержат положения о субсидировании расходов муниципальных образований по вопросам сферы ЖКХ, культуры и образования.

Одной из остро обсуждаемых проблем муниципальных образований является недостаточность собственной доходной базы муниципалитетов на выполнения всех имеющихся полномочий. Ежегодно в бюджете Хабаровского края предусматриваются значительные объёмы дополнительных перечислений в виде субсидий и иных межбюджетных трансфертов на финансирование вопросов, относящихся к вопросам местного значения.

В 2012 г. общий объём межбюджетных трансфертов муниципальным образованиям края составил 25,9 млрд. рублей (32,8% расходной части краевого бюджета).

Несмотря на рост общих объёмов финансовой помощи, предоставляемой муниципальным образованиям, возникают вопросы обоснованности и эффективности реализуемых бюджетных инвестиций.

В Правительстве края осознаётся тот факт, что поддержание высоких темпов социально-экономического развития региона в целом невозможно без использования потенциала муниципальных образований, поскольку массовое развитие экономической инициативы граждан, появление и устойчивая работа новых предприятий малого и среднего бизнеса во многом зависит от позиции и действий местных властей.

После 1991 г. экономическое пространство Хабаровского края становилось всё в большей степени неоднородным, искривляясь в результате концентрации экономических потенциалов в пределах шести краевых подрайонов (*рис. 1*):

- 1) Южный экономический подрайон (центр – Хабаровская агломерация);
- 2) Центральный подрайон (центр –

промышленная зона Комсомольск – Амурск – Солнечный);

- 3) Восточный подрайон (формируется вокруг Ванино – Советско-Гаванского транспортно-промышленного узла);

- 4) Западный экономический подрайон (вокруг Верхнебуреинского промышленного узла);

- 5) Нижнеамурский экономический подрайон (Де-Кастри – Николаевск);

- 6) Северный подрайон.

При этом проявляются стандартные тенденции пространственной дифференциации: несмотря на тяготение населения к сложившимся экономическим центрам, потенциал каждого из указанных подрайонов с точки зрения численности проживающего населения недостаточен (возможно, за исключением г. Хабаровска) для получения агломерационных эффектов, что может стать препятствием реализации стратегических планов развития территории [3, с.21–23].

Самостоятельной проблемой становится анализ процессов дифференциации экономических потенциалов 19 основных муниципальных образований края (17 муниципальных районов и 2 городских округов).

Понятие «экономический потенциал муниципалитета» включает 4 локальные составляющие: инвестиционную активность, численность населения, уровень экономического развития муниципалитета и его налоговый потенциал.

Понятно, что каждый из локальных потенциалов, формирующих совокупный экономический потенциал, сильно дифференцирован по муниципалитетам края, каждый имеет собственную размерность и свою динамику, как в ретроспективе, так и в перспективе.

Например, налоговый потенциал в экономической литературе определяется как совокупный объём финансовых ресурсов, которые могут быть мобилизованы че-

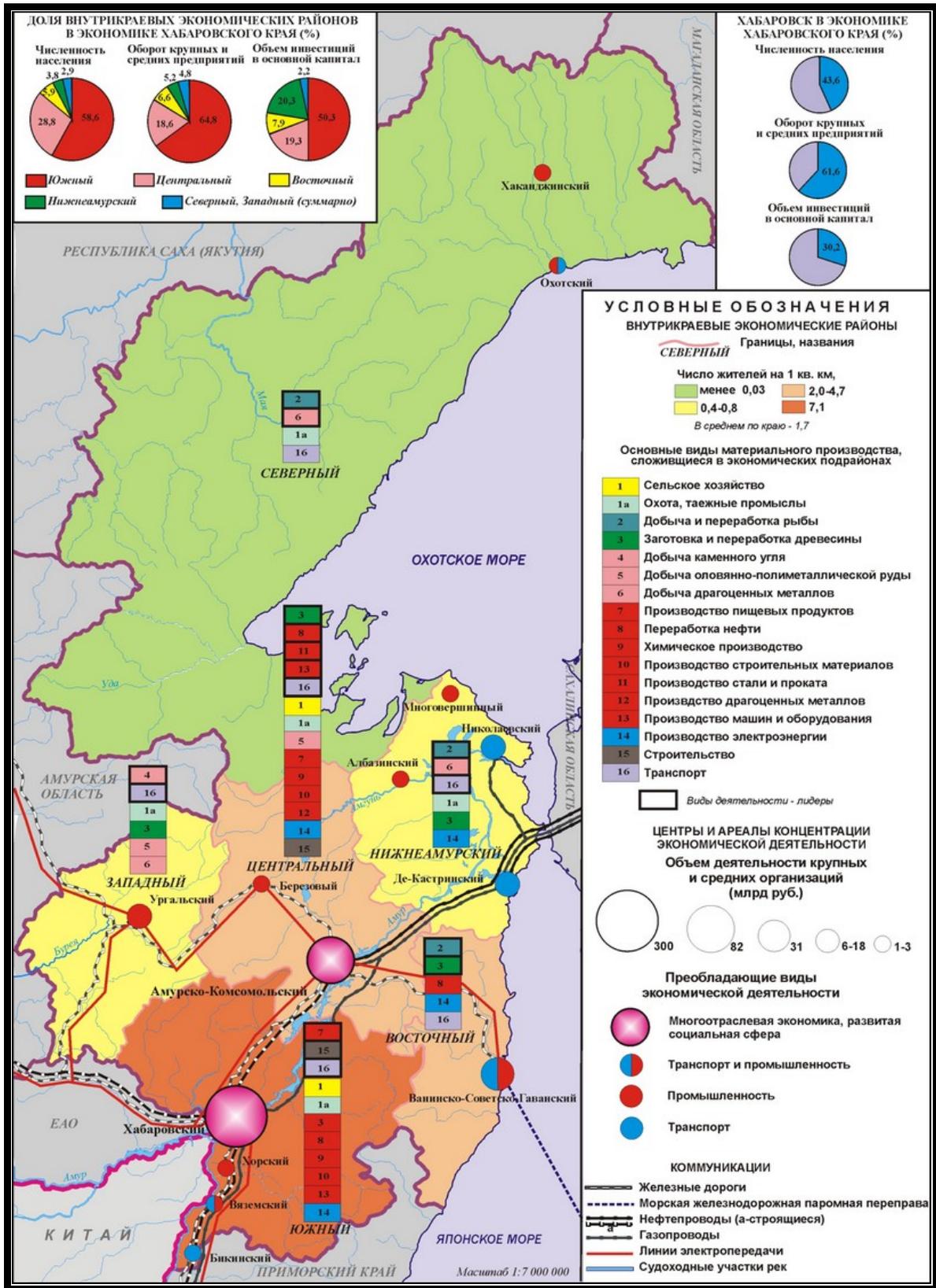

Рис. 1. Территориальная структура экономического потенциала Хабаровского края

Примечание: рисунок выполнен В.Д. Хижняком на основании данных, предоставленных авторами.

рез систему налогообложения. Это максимум налоговых поступлений, которые может (при идеальных условиях) обеспечить территория. В трактовке Министерства Российской Федерации по налогам и сборам понятие налогового потенциала связано с полным контингентом налогов в конкретном регионе. Если в среднем по Хабаровскому краю на начало 2013 г. налоговый потенциал составлял 7,66 тыс. рублей/чел., то из 19 муниципальных образований края только 4 имели показатели выше средних по краю: Аяно-Майский район (22,6 тыс. рублей/чел.), г. Хабаровск (11,7 тыс. рублей/чел.), Тугуро-Чумиканский район (7,9 тыс. рублей/чел.) и г. Комсомольск-на-Амуре (7,8 тыс. рублей/чел.). В остальных показатель варьировал от 1,4 тыс. рублей/чел. (Нанайский район) до 6,8 тыс. рублей/чел. (Охотский район). С одной стороны, это является объективной причиной функционирования в крае системы межбюджетных трансфертов, а с другой, подобную дифференциацию следует учитывать при расчёте экономических потенциалов муниципальных образований края.

В работе показано, что наиболее рациональным является максиминный метод расчёта сводного экономического потенциала муниципальных образований, позволяющий по каждому из четырёх выделяемых показателей определять место региона на нормированной линейке значений для анализируемых муниципальных образований, а затем, оперируя процентными пунктами, рассчитывать сводный рейтинг муниципального образования по уровню потенциала.

Этот подход был использован для расчета рейтинга экономических потенциалов муниципальных образований края за 2000–2012 гг. В составе интегрального рейтинга экономического потенциала муниципалитета были выделены и оценены по максиминному критерию 4 локальных рейтинга: Уровень развития хозяйственного комплекса муниципалитета; Поселенческий потенциал муниципалитета; Инвестиционная составляющая; Налоговый потенциал.

При этом характеристика состояния хозяйственного комплекса муниципалитетов оценивалась за 2000 г. по «валовому выпуску продукции, работ, услуг по отраслям производства», а за 2005 и 2012 гг. был взят «оборот крупных и средних предприятий по видам экономической деятельности». Это связано с переходом в рассматриваемый период на международные статистические стандарты, включая переход с ОКОНХ на ОКВЭД.

Для анализа динамики рейтингов экономических потенциалов была предложена 5-разрядная шкала, позволившая выделить 5 групп муниципалитетов на территории края, отличающихся по величине инвестиционных потенциалов.

Итоговая динамика сравнительных рейтингов экономических потенциалов муниципальных образований Хабаровского края по группам представлена в [таблице 1](#) и на карте «Изменение рейтинга инвестиционных потенциалов муниципальных образований Хабаровского края. 2000–2012 гг.» ([рис. 2](#)). Анализ данных позволяет сделать следующие выводы:

1). Муниципалитеты Хабаровского края на протяжении всего периода демонстрировали положительную динамику роста показателя экономического потенциала, что говорит как об увеличении их конкурентной привлекательности, так и конкурентной привлекательности края в целом для потенциальных инвесторов.

2). Дифференциация муниципальных образований края по величине экономических потенциалов сократилась за период с 2000 по 2012 гг., тем не менее, сохраняются два явных лидера: г. Хабаровск и г. Комсомольск-на-Амуре. При этом лидерство Хабаровска значительно усиливается за рассматриваемый период времени.

3). Из 19 муниципальных образований к концу рассматриваемого периода 12 муниципалитетов улучшили положение по показателю экономического потенциала, 6 – ухудшили своё положение, а Тугуро-

Таблица 1

Классификация муниципальных образований Хабаровского края
по сравнительной величине экономических потенциалов

Группа	Интервалы значений рейтингов, в процентных пунктах (п.п.) от лучшего показателя	Число муниципалитетов		
		2000	2005	2012
I гр.	100–50,1 п.п.	2	1	1
II гр.	50–20,1 п.п.	-	1	1
III гр.	20–10,1 п.п.	-	-	3
IV гр.	10–5,1 п.п.	4	2	5
V гр.	5–0 п.п.	13	15	9

Источник: составлено на основании расчетов, выполненных авторами.

Чумиканский муниципальный район стабильно сохранял последнее место по величине экономического потенциала в крае.

4). Если рассматривать распределение значений величины экономического потенциала в географическом ключе, то заметна следующая закономерность: территории с самым значительным сокращением сравнительных рейтингов экономического потенциала располагаются на севере и северо-западе края (Охотский, Аяно-Майский, Тугуро-Чумиканский и Верхнебураинский муниципальные районы). В южной и юго-восточной части края концентрируются муниципалитеты с наибольшим приростом показателя (г. Хабаровск, а также Хабаровский, Бикинский, Вяземский, им. Лазо, Ванинский, Николаевский и Ульчский муниципальные районы).

5). В Хабаровском крае в целом наблюдается процесс конвергенции по показателю сравнительной величины экономических потенциалов муниципальных образований, но одновременно можно говорить о дивергенции внутри муниципальных районов, когда «столичные» поселения «отрываются» от остальных поселений конкретного муниципального района по величине экономического потенциала.

2.2 Оценка взаимосвязи экономической динамики и эффективности исполнения полномочий органами местного самоуправления края

Оценка взаимосвязи экономической динамики и эффективности исполнения полномочий органами местного самоуправления (ОМСУ) Хабаровского края была выполнена на основе методики, представленной в Постановлении от 17 декабря 2012 г. № 1317 «О мерах по реализации Указа Президента Российской Федерации от 28 апреля 2008 г. № 607 «Об оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов» и подпункта «И» пункта 2 Указа Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. № 601 «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления»».

Целью методики является определение единых методических подходов к организации мониторинга эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов для оценки динамики изменения показателей, характеризующих качество жизни, уровня социально-экономического развития муниципального

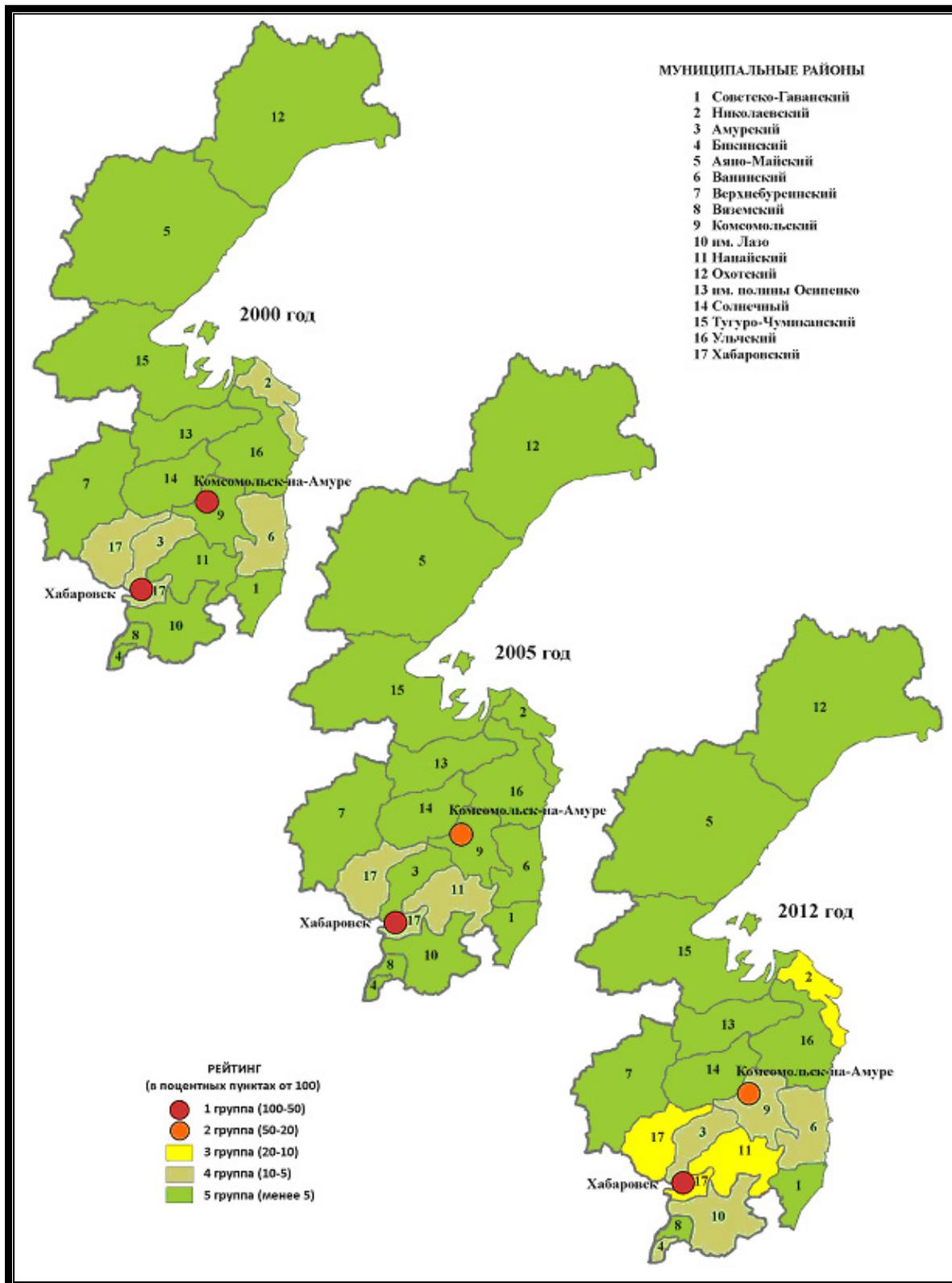

Рис. 2. Изменение рейтинга экономических потенциалов муниципальных образований Хабаровского края (2000–2012 гг.)

Примечание: рисунок выполнен В.Д. Хижняком на основании данных, предоставленных авторами.

образования, степени внедрения методов и принципов управления, обеспечивающих переход к более результативным моделям муниципального управления.

Результаты мониторинга эффективности деятельности органов местного самоуправления позволяют определить зоны, требующие приоритетного внимания органов местного самоуправления, сформировать перечень мероприятий по повышению результативности деятельности органов местного самоуправления, а также выявить внутренние ресурсы для повышения качества и объёма предоставляемых населению услуг.

Предметом оценки являются результаты деятельности органов местного самоуправления в следующих сферах:

- 1) экономическое развитие;
- 2) дошкольное образование;
- 3) общее и дополнительное образование;
- 4) культура;
- 5) физическая культура и спорт;
- 6) жилищное строительство и обеспечение граждан жильём;
- 7) жилищно-коммунальное хозяйство;
- 8) организация муниципального управления;
- 9) энергосбережение и повышение энергетической эффективности.

Мониторинг эффективности деятельности ОМСУ осуществляется в соответствии с перечнем показателей для оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов, утверждённым Указом Президента Российской Федерации от 28 апреля 2008 г. № 607 «Об оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов», а также перечнем дополнительных показателей для оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления городских

округов и муниципальных районов, утверждённым постановлением Правительства РФ от 17 декабря 2012 г. № 1317.

В качестве исходных данных для проведения мониторинга эффективности деятельности органов местного самоуправления используются официальные данные, представленные в Докладах глав местных администраций городских округов и муниципальных районов (ДРОНДы). Основным источником данных для заполнения типовой формы доклада является официальная статистическая информация. Оценка эффективности деятельности органов местного самоуправления осуществляется в зависимости от величины и динамики показателей, представленных в типовой форме за отчётный год и трёхлетний плановый период.

Говоря об оценке взаимосвязи экономической динамики, налоговых доходов и эффективности исполнения полномочий органами местного самоуправления Хабаровского края, следует учитывать, что основной сегмент деятельности ОМСУ в части увеличения налоговых доходов местного бюджета состоит в стимулировании предпринимательской деятельности и формировании рациональной среды для её развития в будущем.

Органы местного самоуправления обеспокоены состоянием на своей территории предпринимательства (показатель 1¹ «Число субъектов малого и среднего предпринимательства в расчёте на 10 тыс. человек населения, единиц» и показатель 2 «Доля среднесписочной численности работников (без внешних совместителей) малых и средних предприятий в среднесписочной численности работников (без внешних совместителей) всех предприятий и организаций, процентов»), а также оценивают инвестиционную активность биз-

¹ Нумерация показателей приводится согласно данным Докладов о результатах и основных направлениях деятельности (ДРОНДы) органов местного самоуправления Хабаровского края.

неса в муниципалитете (показатель 3 «Объём инвестиций в основной капитал (за исключением бюджетных средств) в расчёте на 1 жителя, рублей»).

Главным экономическим показателем (с точки зрения органов местного самоуправления) является показатель 31, фиксируемый в типовой форме ДРОНДа – «Доля налоговых и неналоговых доходов местного бюджета (за исключением поступлений налоговых доходов по дополнительным нормативам отчислений) в общем объёме собственных доходов бюджета муниципального образования (без учёта субвенций), процентов». Для его повышения и формируется экономическая среда в регионе, описываемая показателями 4 (характеристика налоговой, земельной базы муниципалитета) и 5 (доля прибыльных сельскохозяйственных организаций в общем их числе, процентов). Особое место занимают характеристики транспортной доступности муниципалитета (показатели 6 «Доля протяжённости автомобильных дорог общего пользования местного значения, не отвечающих нормативным требованиям, в общей протяжённости автомобильных дорог общего пользования местного значения, процентов» и 7 «Доля населения, проживающего в населённых пунктах, не имеющих регулярного автобусного и (или) железнодорожного сообщения с административным центром городского округа (муниципального района), в общей численности населения городского округа (муниципального района), процентов»); также на особом учёте – группа показателей 8, характеризующая условия «выживания» населения в районе (заработная плата работников как крупных, так и мелких предприятий, а также социальных учреждений).

Основная стратегическая задача ОМСУ, базирующаяся на Указах Президента, – подтягивание заработной платы работников социальной сферы муниципалитета к заработной плате работников крупных предприятий. Причем ОМСУ

следует стимулировать предпринимателей района не столько в направлении прямого использования получаемой прибыли на прирост заработной платы, сколько на реинвестирование прибыли в основное производство, в поддержку развития предпринимательства в муниципалитете, рассматривая рост зарплаты как важную, но опосредованную цель.

Однако стартовые условия для реализации названных целей у муниципалитетов резко различны.

Так, в 2013 г. Хабаровск формировал муниципальный бюджет на 79,6% за счёт собственных налоговых и неналоговых доходов, Комсомольск – на 72,3%, ряд муниципалитетов выглядел не столь позитивно (Ванинский район – 31%, Хабаровский район – 24%, Ульчский и Верхнебуреинский – 18–19%); остальные муниципалитеты края показали ещё менее значимые в экономическом смысле результаты. Другими словами, те муниципалитеты, удельный вес налоговых и неналоговых доходов местного бюджета в общем объёме собственных доходов бюджета которых незначим, а предпринимательство развито не столь активно, сильно зависят от дотаций из бюджетов вышестоящего уровня. В первой же группе, объединяющей муниципалитеты – «региональные точки роста», при любой динамике экономических показателей потенциал развития будет выше, чем у отстающих. Так, по данным ДРОНДов, значение показателя 31 на 2015 г. у Хабаровска возрастёт с 79,6% до 81,5%, у Комсомольска – с 73,2% до 76,6%, Верхнебуреинского района – с 18,4 до 20,6%.

Каков же механизм стимулирования предпринимательской деятельности, которым реально располагают ОМСУ в крае? В значительной мере это – упрощение административных процедур в предоставлении услуг, связанных с оформлением и передачей земельных участков для предпринимательского и жилищного строительства, с разрешениями на строительство и ввод объектов, упрощение инспекций (экологи-

ческих и др.), а также контрольных (надзорных) мероприятий.

Реальные резервы здесь есть. Например, даже к 2015 г. не все муниципалитеты края планируют завершение кадастрового учёта многоквартирных домов (*табл. 2*).

Органы местного самоуправления должны стремиться к расширению объёма услуг по инфраструктурному развитию территории, сети образовательных учреждений в районе в соответствии с требованиями стандартов социального обеспечения и строительства объектов здравоохранения и жилищно-коммунального хозяйства.

Резюмируя, отметим, что:

1). В крае выделяется 3 «точки регионального роста» (города Хабаровск и Комсомольск и Ванинский район), где ОМСУ должны концентрироваться на развитии предпринимательства на своих территориях, что может способствовать повышению экономического потенциала этих территорий.

2). ОМСУ, совместно с Правительством края, должны продолжить совершен-

ствование механизма сопровождения инвестиционных проектов на территории. Решение проблемы снижения административных барьеров, защиты прав и интересов инвестора на всём протяжении от идеи до окупаемости проекта возможно лишь на основе комплексного подхода, путём внесения изменений в законодательство, регулирующие все вопросы, связанные с оформлением прав на земельные участки, в том числе: по разработке градостроительной документации; по оптимизации процедур, связанных с предоставлением земельных участков на основе утверждённой документации по планировке территории; по подключению объектов капитального строительства к сетям инженерно-технического обеспечения, в том числе снижению стоимости подключения; по сокращению сроков проведения государственной экспертизы проектной документации и получению разрешения на строительство.

3). Важно стремиться к стимулированию приращения налоговой базы муниципалитетов.

Таблица 2

Доля многоквартирных домов, расположенных на земельных участках, в отношении которых осуществлен государственный кадастровый учёт, %

Муниципальный район	2010	2011	2012	2013	2014	2015
г. Хабаровск	46,2	46,2	55,0	56,0	57,0	57,5
Тугуро-Чумиканский муниципальный район	20,0	20,0	20,0	20,0	22,0	24,0
Охотский муниципальный район	56,4	57,3	59,2	62,0	64,0	66,0
Николаевский муниципальный район	31,2	31,2	31,1	32,3	33,2	35,3
Нанайский муниципальный район	50,0	55,0	60,1	65,0	70,0	75,0
г. Комсомольск	17,3	19,3	21,2	23,1	25,1	27,2
Комсомольский муниципальный район	12,0	13,0	18,0	19,0	20,0	21,0
Вяземский муниципальный район	2,12	28,6	36,9	37,0	38,0	39,0
Ванинский муниципальный район	50,0	55,0	56,5	65,0	70,0	80,0

Источник: составлено по ДРОНДам ОМСУ Хабаровского края.

2.3. Рациональность системы налогового регулирования по стимулированию положительной экономической динамики муниципалитетов края

Стимулирование положительной экономической динамики и доходов бюджетов муниципальных образований в крае – задача не только органов местного самоуправления, но и Правительства Хабаровского края, поскольку экономические и финансовые возможности ОМСУ в данной сфере сильно ограничены.

С начала 2000-х гг. вопросам поддержки экономической активности в крае уделяется значительное внимание. За этот период были созданы базовые условия для осуществления инвестиционной деятельности: разработано инвестиционное законодательство, создана система льгот и гарантий для субъектов инвестиционной деятельности, создан инвестиционный совет при Правительстве края, консультативный совет по иностранным инвестициям при Губернаторе края, агентство по привлечению иностранных инвестиций.

С 2000 г. правовой основой деятельности органов власти в этой сфере являлся закон «Об инвестиционной деятельности в Хабаровском крае» (от 31 мая 2000 г. № 219), в соответствии с которым определялись меры государственной поддержки. К таким мерам относятся:

1). Льготы по налогам и платежам для субъектов экономической деятельности в соответствии с законом Хабаровского края № 308 от 10 ноября 2005 г. «О региональных налогах и налоговых льготах в Хабаровском крае». Предусмотрены следующие льготы по налогам и платежам в части сумм, зачисляемых в краевой бюджет:

– применение пониженной налоговой ставки по налогу на прибыль – 13,5% (обычная ставка – 18%). Льгота предоставляется на расчётный период окупаемости, но не более 5 лет с момента вложения ин-

вестиций;

– применение пониженной ставки по налогу на имущество – 1,1% (обычная ставка – 2,2%) в отношении имущества, созданного в рамках реализации инвестиционных проектов на территории края. Такое право предоставляется на расчётный срок окупаемости инвестиционного проекта, но не более пяти лет с начала ввода в эксплуатацию объекта.

2). Предоставление государственных гарантий края включает имущественные и правовые гарантии, которые предоставляются на конкурсной основе. Осуществляет рассмотрение и отбор инвестиционных проектов, претендующих на получение краевой государственной гарантии, Инвестиционный совет при Правительстве Хабаровского края.

С 2010 г. работа по привлечению инвестиций активизировалась. Был принят новый закон «О государственной инвестиционной политике в Хабаровском крае» от 23 ноября 2011 г. № 130, в котором дано понятие краевой поддержки инвестиционной деятельности.

В новом законе систематизированы применяемые на территории края формы и механизмы поддержки инвестиционной деятельности, в том числе посредством участия края в государственно-частном партнёрстве.

В дополнение к уже действовавшим мерам поддержки стали предоставляться льготы, понижающие коэффициенты при уплате арендной платы за земельные участки, если инвестор арендует землю под строительство. Однако чётко прописанной процедуры предоставления этих льгот в нормативных актах нам найти не удалось.

Вся финансовая поддержка теперь осуществляется в рамках механизма приоритетных инвестиционных проектов края. Если инвестиционный проект из любой сферы экономики включён в перечень приоритетных, то инвестор имеет право на получение нескольких видов краевой фи-

нансовой поддержки. Процедура получения поддержки предполагает подписание инвестиционного соглашения о предоставлении краевой государственной финансовой поддержки инвестиционной деятельности для проектов, признанных приоритетными инвестиционными проектами края. В 2012 г. был принят порядок признания проектов приоритетными¹.

Кроме финансовой поддержки, в крае также оказывается и организационная поддержка инвестиционной деятельности в виде сопровождения крупных инвестиционных проектов. Для этого внедрён институт кураторства. Назначаемый Инвестиционным советом куратор сопровождает проект, решая ряд важных задач: оказывает организационно-методическую, информационно-консультационную поддержку инвесторам; способствует разрешению вопросов, возникающих при реализации инвестиционных проектов. Примерами являются сопровождение проекта строительства Дальневосточного стеклотарного завода в г. Хабаровске, а также проработка проекта создания центра амбулаторного диализа в г. Хабаровске с участием иностранных компаний. Кроме того, такие кураторы работают с приоритетными проектами в лесопромышленной отрасли края, инициируя решение сложных задач межуровневого взаимодействия в ходе создания деревоперерабатывающих производств. Этот вид государственной поддержки рассчитан на привлечение в регион крупных инвесторов [1].

К формам организационной поддержки относится также отбор инвестиционных проектов, реализуемых на условиях государственно-частного партнёрства, за счёт бюджетных ассигнований Инвестиционного фонда Российской Федерации. В крае создан институт инвестиционного уполномоченного, основной задачей которого определено оказание содействия ин-

весторам в реализации проектов, прежде всего в части, касающейся взаимодействия инвесторов с государственными органами федерального, регионального и местного уровней, а также на уровне Дальневосточного федерального округа.

Если суммировать всё вышесказанное, то можно выделить систему мер поддержки инвестиционной деятельности, сложившуюся в Хабаровском крае (табл. 3). Как видно из данных таблицы, за последние три года в крае создано правовое поле для привлечения инвестиций, что способствует улучшению инвестиционного климата как в крае в целом, так и в отдельных муниципальных образованиях. Но при этом следует учитывать, что отдача от подобных нововведений наступит лишь в средне- и долгосрочном периоде.

Проанализируем влияние мер государственной поддержки на развитие экономической активности в муниципалитетах Хабаровского края.

Мы уже отмечали, что наиболее широко применяемыми инструментами привлечения инвестиций являются налоги на прибыль организации и налоги на имущество организации. Чтобы оценить, сколько «стоят» налоговые льготы для бюджета края, были рассчитаны доли предоставляемых льгот в доходах бюджета края, с выделением доли главных инвестиционных льгот – по налогам на имущество и на прибыль (табл. 4).

Можно сделать вывод, что доля льгот в бюджете Хабаровского края невелика, а к 2012 г. снизилась до 0,84%. Поэтому сокращение доходов краевого бюджета в связи с предоставлением льгот, на наш взгляд, не является критичным для бюджета. Поэтому для повышения инвестиционной привлекательности экономики края налоговые льготы, предоставляемые краевым бюджетом, можно и увеличить.

Важно учитывать и такой факт. Налоговые льготы для субъектов инвестиционной деятельности в крае предоставляют-

¹ Постановление Правительства Хабаровского края от 22 марта 2012 г. № 69-пр.

Таблица 3

Меры государственной финансовой и организационной поддержки экономической активности, действующие в Хабаровском крае

Финансовая поддержка	Организационная поддержка
<p>Пониженная налоговая ставка по налогу на прибыль – 13,5% (обычная – 18%). Льгота предоставляется на расчётный период окупаемости, но не более 5 лет с момента вложения инвестиций.</p> <p>Пониженная ставка по налогу на имущество – 1,1% (обычная – 2,2%) в отношении имущества, созданного в рамках реализации инвестиционных проектов на территории края. Право предоставляется на расчётный срок окупаемости инвестиционного проекта, но не более пяти лет с начала ввода в эксплуатацию объекта.</p> <p>Предоставление государственных гарантий края.</p> <p>Льготы, понижающие коэффициенты при уплате арендной платы за земельные участки.</p> <p>Субсидии на возмещение части затрат субъектов инвестиционной деятельности.</p>	<p>Внедрение института кураторства для сопровождения крупных инвестиционных проектов.</p> <p>Отбор инвестиционных проектов, реализуемых на условиях государственно-частного партнёрства, для получения бюджетных ассигнований Инвестиционного фонда РФ.</p> <p>Создание института инвестиционного уполномоченного.</p> <p>Создание для инвесторов свободных производственных площадок.</p>

Источник: составлено авторами.

Таблица 4

Динамика доходов бюджета и налоговых льгот в Хабаровском крае

Показатель	2009	2010	2011	2011 к 2009, %
Доходы бюджета Хабаровского края, млн руб.*	44862	54991	60620	135,1
Всего льготы по краю, млн руб.	408,7	440,2	511,4	125,1
из них:				
налог на прибыль организации	166,5	112,0	119,3	71,6
налог на имущество организации	191,8	294,9	355,0	185,1
Доля льгот в доходах бюджета края, %	0,91	0,80	0,84	92,6
из них доля льгот по налогам на прибыль и на имущество в доходах бюджета края	0,80	0,74	0,78	98,0

Примечание: * – бюджет субъекта Федерации.

Источник: отчет об исполнении консолидированного бюджета субъекта Российской Федерации и бюджета территориального государственного внебюджетного фонда; данные Министерства финансов Хабаровского края за 2009–2011 гг.; данные Министерства экономического развития и внешних связей Хабаровского края.

ся при условии, что 15% от суммы средств, высвобожденных от уплаты налога, будет направлено инвестором на оказание безвозмездной помощи учреждениям социальной сферы (организациям здравоохра-

нения, спорта, образования, культуры)¹. В результате для инвестора потенциальная

¹ О региональных налогах и налоговых льготах в Хабаровском крае. Закон Хабаровского края от 10 ноября 2005 г. № 308 (ред. от 30.05.2012).

сумма налоговых льгот сокращается на 15%, а край получает снижение расходов на эту сумму по социальным статьям бюджета.

Вложения в инфраструктуру (транспортную, инженерную, энергетическую) в капитальных затратах инвестиционных проектов обычно занимают значительную долю. Проблемой Хабаровского края является неразвитость такой инфраструктуры. Особенно – в периферийных районах.

Чтобы компенсировать это неудобство и привлечь инвесторов, надо создавать инвестиционные площадки, то есть подготовленные к размещению инвестиций промышленные площадки, обеспеченные транспортной, инженерной, энергетической инфраструктурой. Но пока предложение таких площадок в крае ограничено. Отсутствует организационный механизм формирования инвестиционных площадок. Большинство предлагаемых для инвесторов площадок являются заброшенными промышленными объектами с наличием проблем по правам собственности и инфраструктурному оснащению.

Важным для оценки рисков инвестирования является степень лёгкости и скорость получения земельных участков под строительство. В реальности земли промышленного назначения, используемые для реализации инвестиционных проектов, бывают двух типов. Первый тип – это земли, на которых расположены старые промышленные объекты со старыми коммуникации, их дешевле снести, чем реконструировать. Второй тип – земли промышленного назначения, ранее не освоенные. И те и другие участки могут находиться как в частной, так и в муниципальной и государственной собственности (федеральной или краевой). Земли муниципальной и государственной собственности необходимо приобретать через аукцион, процесс подготовки участка к промышленному строительству может занимать один–два года.

Процедура получения разрешительной документации, проектирования, подвода коммуникаций является долгой и сложной. Ещё сложнее становится получение земельных участков для строительства промышленных объектов, если земля находится в нераспределённой государственной собственности, то есть когда земли не распределены между федеральным центром, субъектами Федерации и муниципалитетами.

Это актуально для Хабаровского края, где в нераспределённой собственности находится множество земельных участков, что создает сложности с выделением земельных участков под строительство. В Земельном кодексе РФ (статья 30) прописаны процедуры предоставления земельных участков под строительство. Но чтобы в крае получить землю в собственность и разрешение на строительство, инвестору надо пройти 14 этапов, затратив от двух месяцев до четырёх лет. Необходимы государственные меры по сокращению сроков формирования и предоставления земельных участков для целей, связанных со строительством.

2.4. Анализ опыта использования механизма межбюджетных трансфертов субъектами Федерации для стимулирования заинтересованности органов местного самоуправления к наращиванию экономического (налогового) потенциала

В последние годы главной задачей, которая решается в регионах страны, является не столько оценка налогового потенциала, сколько повышение заинтересованности муниципальных образований в его увеличении [4, с.170–175]. В целях стимулирования субъектов Российской Федерации, принимающих меры по привлечению инвестиций и увеличению регионального налогового потенциала, Правительством Российской Федерации создан Фонд развития налогового потенциала, который

предоставляет дотации бюджетам субъектов Российской Федерации на поддержку мер по обеспечению сбалансированности бюджетов субъектов РФ, достигших наилучших результатов по увеличению регионального налогового потенциала.

В свою очередь, многие субъекты Российской Федерации также принимают меры по стимулированию муниципальных образований. Каждый регион разрабатывает собственные методики стимулирования органов местного самоуправления в достижении наилучших результатов по увеличению налогового потенциала муниципального образования.

Авторами был выполнен анализ ряда нормативно-законодательных актов регионов, располагающих наиболее «продвинутыми» системами привлечения инвестиций и увеличения регионального налогового потенциала их муниципалитетов за 2011-2013 гг. В число таких субъектов Федерации входят Республика Карелия, Красноярский край, Новосибирская и Самарская области¹.

¹ Постановление Правительства Самарской области от 22 февраля 2013 г. № 50 «Об утверждении Порядка расчёта и предоставления из областного бюджета местным бюджетам дотаций на стимулирование повышения качества управления муниципальными финансами»; Постановление Правительства Новосибирской области от 10 сентября 2012 г. № 410-п «О мерах по стимулированию развития социального и экономического потенциала муниципальных образований Новосибирской области»; Постановление Правительства Красноярского края от 22 декабря 2011 г. № 794-п «Об утверждении Порядка, условий предоставления и расходования субсидий бюджетам муниципальных районов и городских округов Красноярского края за содействие развитию налогового потенциала, критериев отбора муниципальных образований для предоставления указанных субсидий»; Постановление Правительства Республики Карелия от 13 сентября 2012 г. № 288-П «Об утверждении Методики распределения межбюджетных трансфертов на стимулирование органов местного самоуправления за достижение наилучших результатов по увеличению налогового потенциала бюджетам муниципальных образований из бюджета Республики Карелия».

Выполненный анализ методик и порядка стимулирования повышения налогового потенциала муниципалитетов в названных субъектах Российской Федерации, позволил сделать некоторые выводы и предложения.

Во-первых, во всех субъектах Федерации приняты соответствующие нормативно-правовые акты, нацеленные на стимулирование повышения налогового потенциала муниципальных образований

Во-вторых, в качестве оценочного показателя целесообразно выбирать только один – показатель прироста налоговых доходов в консолидированный бюджет субъекта РФ, который реально показывает усилия муниципальных образований по увеличению налогового потенциала.

В-третьих, предоставление средств для стимулирования муниципальных образований должно осуществляться в форме дотаций, так как только в этом случае муниципальные органы могут самостоятельно распорядиться полученными средствами и направить их на создание, к примеру, межмуниципальных хозяйственных обществ, приносящих реальные доходы в муниципальный бюджет.

2.5. Заключение об уровне планирования, предсказуемости и результативности применения межбюджетных трансфертов в крае

Эффективность межбюджетных отношений и характер их влияния на экономическое развитие муниципальных образований зависят не только от состава и структуры инструментов межбюджетного регулирования и пропорций распределения средств между бюджетами, но и от предсказуемости и прозрачности системы межбюджетных трансфертов.

В соответствии с общепринятыми подходами предсказуемость системы межбюджетных трансфертов оценивается исходя из следующих показателей:

– частота внесения изменений в правовые акты, регулирующие порядок и методику распределения межбюджетных трансфертов;

– доля трансфертов, распределение которых утверждается законом о бюджете на очередной год;

– частота внесения изменений в утверждённую систему распределения трансфертов в течение года и причины корректировок;

– соотношение суммы фактически предоставленных трансфертов и утверждённых бюджетных назначений.

Проведённый анализ системы межбюджетных трансфертов, предоставляемых местным бюджетам из краевого бюджета Хабаровского края, позволил сделать следующие выводы.

Система правового и методического регулирования межбюджетных трансфертов в крае периодически претерпевает изменения, что объясняется причинами объективного характера. Во-первых, внесением поправок в Бюджетный кодекс РФ, что обуславливает необходимость корректировки регионального бюджетного законодательства. Во-вторых, совершенствованием подходов к управлению общественными финансами, что связано с внедрением элементов бюджетирования, ориентированного на результат. В то же время нестабильность правовой базы предоставления межбюджетных трансфертов затрудняет переход к средне- и долгосрочному планированию на муниципальном уровне.

Одним из недостатков правового регулирования межбюджетных трансфертов в Хабаровском крае является отсутствие правового акта, определяющего общие подходы к распределению субсидий, требования к порядку и методике их расчёта и предоставления. Федеральный опыт показывает, что утверждение единых подходов к распределению и предоставлению субсидий обеспечивает упорядоченность процедур софинансирования.

В Хабаровском крае доля трансфертов, распределение которых утверждается законом о бюджете на очередной год, в течение рассматриваемого периода оставалась умеренной. Законом о краевом бюджете утверждается распределение дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности, субвенций, частично – иных межбюджетных трансфертов. Распределение преобладающей части субсидий осуществляется в течение года, на который утверждён бюджет. Отметим, что подобная ситуация характерна для бюджетов большинства субъектов РФ, а также для федерального бюджета.

Одним из направлений (трендов) совершенствования системы межбюджетных трансфертов на современном этапе является увеличение доли трансфертов (в том числе субсидий), распределяемых законом о бюджете. Например, государственной программой «Создание условий для эффективного и ответственного управления региональными и муниципальными финансами, повышения устойчивости бюджетов субъектов Российской Федерации» поставлена задача по повышению доли субсидий, распределяемых законом о федеральном бюджете на очередной год и плановый период, до 30,0% к 2015 г. и до 55% к 2020 г. Доля субсидий, распределённых законом о федеральном бюджете, на 2012 г. составила 21%, на 2013 г. – 16%.

Полагаем, что аналогичные ориентиры целесообразно принять и субъектам Федерации, в том числе – Хабаровскому краю. Рост доли субсидий, распределяемых законом о бюджете на очередной год и плановый период, повысит предсказуемость системы межбюджетных трансфертов и создаст основу для достоверного бюджетного планирования.

Изменения, вносимые в распределение межбюджетных трансфертов в Хабаровском крае в течение года, обуславливались преимущественно объективными причинами, но отчасти и неточностями при планировании потребности в средст-

вах. Причиной ошибок служило использование в расчётах недостаточно точных статистических данных, определяющих объём средств, необходимых для исполнения обязательств.

Отметим, что корректировка объёмов и распределения межбюджетных трансфертов осуществлялась главным образом в отношении субсидий и субвенций. В частности, ежегодно отмечалось внесение изменений в распределение субсидий на софинансирование инвестиций в объекты муниципальной собственности, что объясняется особенностями финансового обеспечения мероприятий по капитальному строительству, реконструкции и ремонту. Выделение бюджетных ассигнований осуществляется по факту выполненных работ (этапа работ), следовательно, оперативное изменение плана–графика работ влекло изменение потребности в средствах на финансовое обеспечение отдельных объектов и целесообразность их перераспределения. Корректировка объёмов и распределения субвенций осуществлялась на основе уточнения потребности в средствах на исполнение делегированных полномочий в течение года. Отклонения объёмов фактически предоставленных трансфертов от уточнённых бюджетных назначений оставались в Хабаровском крае незначительными на протяжении всего анализируемого периода.

Всё изложенное выше позволяет сделать вывод, что сформировавшаяся в крае система межбюджетных отношений в целом представляется достаточно прозрачной, качество планирования межбюджетных трансфертов обеспечивается на достаточно высоком уровне [5].

Но при этом предсказуемость и эффективность системы межбюджетных трансфертов снижается из-за регулярного пересмотра подходов к выравниванию бюджетной обеспеченности, распределения и перераспределения в течение финансового года значительного объёма межбюджетных трансфертов, отсутствия еди-

ных подходов к расчёту, предоставлению субсидий и оценке эффективности софинансирования.

Преодоление указанных проблем будет содействовать формированию более стабильной системы межбюджетного регулирования, ориентирующей ОМСУ не только на повышение качества управления общественными финансами, но и на реализацию мер по развитию экономического потенциала муниципального образования.

Отметим, что на современном этапе в крае реализуются меры, направленные на обеспечение большей стабильности системы межбюджетных трансфертов. Так, в 2013 г. в краевое бюджетное законодательство были внесены изменения, связанные с переходом к составлению краевого бюджета на три года и предусматривающие утверждение распределения дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности и нормативов отчислений, полностью или частично их заменяющих, на очередной год и плановый период.

В условиях широкого использования механизма замены дотации поступлениями по дополнительному нормативу отчислений подобные изменения бюджетного законодательства могут создать стимулы для развития налогового потенциала муниципальных образований, что позволит обеспечить формирование устойчивой динамики роста налоговых доходов местных бюджетов.

3. Рекомендации по повышению эффективности стимулирования органов местного самоуправления Хабаровского края к развитию их налогового и экономического потенциалов

Анализ состояния налогового и экономического потенциалов муниципалитетов Хабаровского края, а также системы межбюджетных отношений в крае позво-

лил отметить ряд принципиальных моментов:

1). Муниципалитеты Хабаровского края на протяжении периода 2000–2013 гг. демонстрировали положительную динамику роста показателя экономического потенциала, что говорит об увеличении их конкурентной привлекательности. Однако, хотя дифференциация муниципальных образований края по величине экономических потенциалов сократилась за рассматриваемый период, сохраняются два явных лидера: г. Хабаровск и г. Комсомольск-на-Амуре. При этом лидерство Хабаровска значительно усиливается за рассматриваемый период времени.

2). В 2008–2012 гг. предоставление межбюджетных трансфертов местным бюджетам оставалось одним из приоритетных направлений использования средств краевого бюджета. Более высокая по сравнению со средним по РФ показателем доля средств, передаваемых в форме межбюджетных трансфертов, объяснялась спецификой территориального развития Хабаровского края, а также характером краевой государственной политики, направленной на преодоление диспропорций в распределении источников финансовых ресурсов между муниципальными образованиями. Можно предполагать сохранение тенденции в среднесрочной перспективе, что соответствует ориентирам общероссийской финансово-экономической политики.

3). Несмотря на снижение субвенций, межбюджетные трансферты компенсационного характера занимали не менее 50% общей суммы безвозмездных поступлений в местные бюджеты. Кроме субвенций, образующих фонд компенсаций, к этой категории трансфертов относятся субвенции на реализацию основных общеобразовательных программ. Согласно применяемой в крае бюджетной классификации, эти средства отражаются в составе «иных межбюджетных трансфертов».

4). Анализ динамики и структуры дотаций и субсидий свидетельствует об усилении выравнивающей направленности межбюджетного регулирования в крае. При этом дотации на выравнивание бюджетной обеспеченности ориентированы на снижение горизонтальных диспропорций развития, субсидии – на вертикальное выравнивание и преодоление дисбалансов в обеспеченности муниципальных образований объектами инфраструктуры.

5). В качестве инструментов межбюджетного регулирования, оказывающих стимулирующее воздействие на развитие налогового и экономического потенциалов муниципальных образований, в крае использовались: единые нормативы отчислений от налогов, установленные краевым законодательством; дополнительные нормативы отчислений от НДФЛ, служащие полной или частичной заменой дотации на выравнивание бюджетной обеспеченности; трансферты стимулирующего характера (субсидии на реализацию муниципальных программ повышения эффективности бюджетных расходов и гранты на достижение наилучших результатов деятельности ОМСУ).

6). В качестве стимулирующих механизмов следует рассматривать переход в крае к распределению субсидий на основании перечня приоритетов софинансирования расходных обязательств МО; расширение горизонтов планирования межбюджетных трансфертов и установление дополнительных нормативов отчислений на трёхлетний период с 2014 г.

7). На протяжении рассматриваемого периода межбюджетные трансферты из краевого бюджета оставались основным источником доходов бюджетов муниципальных районов. Роль безвозмездных поступлений из краевого бюджета в формировании доходов бюджетов городских округов была несколько ниже, но характеризовалась тенденцией к росту, объясняемой расширением практики софинансирования и положительной динамикой иных меж-

бюджетных трансфертов. Для бюджетов муниципальных районов, напротив, было характерно снижение доли межбюджетных трансфертов, не связанное с ростом их бюджетной обеспеченности и улучшением показателей финансового состояния. Причина заключалась в совершенствовании инструментария бюджетного выравнивания – замене дотаций поступлениями по дополнительному нормативу отчислений от НДФЛ.

8). Структура межбюджетных трансфертов в крае различается по типам муниципальных образований, что объясняется значительным разрывом городских округов и муниципальных районов по уровню бюджетной обеспеченности и социально-экономического развития. Доминирование субсидий в структуре межбюджетных трансфертов, передаваемых бюджетам городских округов, заслуживает положительной оценки, поскольку содействует развитию их инфраструктуры, что, в свою очередь, является необходимым условием расширения их налоговой базы и повышения инвестиционной привлекательности в среднесрочной перспективе.

9). Система межбюджетных отношений, сформировавшаяся в крае, имеет ряд недостатков. В их числе сохранение и усиление разрыва в уровне бюджетной обеспеченности до выравнивания: на 2010 г. его значение составило 27,5 раза; на 2012 г. – 34,1 раза; и на 2013 г. – 48,3 раза. Подобная динамика означает, что система межбюджетных трансфертов ориентирована прежде всего на снижение горизонтальных и вертикальных дисбалансов в текущем периоде. Второй недостаток – сохранение низкой доли трансфертов стимулирующего характера, распределение которых ориентировано на поощрение высоких результатов деятельности органов местного самоуправления, а также невысокий уровень внедрения конкурсных процедур распределения межбюджетных трансфертов.

10). Недостатками системы межбюд-

жетных трансфертов в крае с точки зрения её прозрачности и предсказуемости являются частота внесения изменений в бюджетное законодательство, регулирующие вопросы предоставления межбюджетных трансфертов; отсутствие правового акта, определяющего общие подходы к распределению субсидий и требования к порядку и методике их расчёта и предоставления; низкая доля субсидий, распределяемых в соответствии с законом о краевом бюджете на очередной год.

В целях наращивания налогового и социально-экономического потенциалов муниципальных образований Хабаровского края целесообразно:

1). Сформировать и постоянно поддерживать агрессивную программу по привлечению и поддержке инвестиций, особенно для муниципалитетов, являющихся «точками роста» региональной системы, для которых характерен высокий удельный вес в собственных доходах налоговых доходов (г. Хабаровск, г. Комсомольск, Ванинский район)

2). В условиях значительной дифференциации муниципальных образований по обеспеченности налоговыми доходами политика перераспределения бюджетных средств при помощи межбюджетных трансфертов и дополнительных нормативов отчислений является наиболее обоснованным подходом к формированию финансовых взаимоотношений субъекта РФ и муниципальных образований.

3). Результаты применения подхода, предусматривающего частичную замену дотации дополнительными нормативами отчислений от НДФЛ, позволяют сделать вывод о его целесообразности и приемлемости для Хабаровского края. Использование такого механизма обеспечивает одновременное решение двух задач – бюджетное выравнивание и стимулирование экономического развития. Об эффективности выравнивания свидетельствует показатель разрыва уровня бюджетной обеспеченно-

сти после выравнивания. В 2010 г. его значение составило 4,7 раза; в 2011 г. – 3,7 раза; в 2012 г. – 2,1 раза. Сравнение показателей вариации доходов местных бюджетов до и после предоставления субсидий позволяет сделать вывод, что финансирование не оказывает искажающего эффекта на пропорции распределения средств между бюджетами. Показатель вариации доходов местных бюджетов на одного жителя после выделения субсидий ниже аналогичного показателя до их предоставления.

4). Для преодоления одного из основных недостатков сложившейся системы межбюджетных отношений в Хабаровском крае (ограниченное применение стимулирующих инструментов) развивать практику использования стимулирующих инструментов как приоритета в совершенствовании механизма межбюджетного регулирования в кратко- и среднесрочной перспективе. Поскольку ограниченность средств краевого бюджета не позволяет радикальным образом изменить пропорции распределения средств между краевым бюджетом и бюджетами муниципальных образований, акцент следует сделать на повышении эффективности отдельных видов межбюджетных трансфертов и переориентации их структуры на достижение конкретных результатов, задействовав следующие меры:

- увеличение доли трансфертов стимулирующей направленности (особо – введение механизма предоставления грантов муниципальным образованиям, продемонстрировавшим наилучшие результаты в сфере развития налогового потенциала);

- повышение обоснованности распределения и качества планирования субсидий (утверждение распределения большей части субсидий законом о краевом бюджете; корректировка сроков предоставления субсидий с учётом специфики механизма расходования средств на инвестиционные цели; обязательное включение в методику расчёта субсидий показателей,

отражающих фактический и прогнозируемый результат реализации мероприятия).

5). Правительству края усилить использование возможностей международных инвестиционных фондов и программ, для чего необходимо продолжить участие в работе международных организаций и фондов и развивать договорные основы участия администрации края в инвестиционном сотрудничестве, в частности, в подготовке и подписании соглашений с международными финансовыми институтами и организациями.

6). Совершенствовать систему налоговых льгот в Хабаровском крае, сохраняя стабильность и целевую направленность их по видам и срокам.

7). Продолжить совершенствование механизма сопровождения инвестиционных проектов на территории края. Решение проблемы снижения административных барьеров, защиты прав и интересов инвестора на всём протяжении от идеи до окупаемости проекта возможно лишь на основе комплексного подхода, путем внесения изменений в законодательство, регулирующие все вопросы, связанные с оформлением прав на земельные участки, в том числе: по разработке градостроительной документации; по оптимизации процедур, связанных с предоставлением земельных участков на основе утверждённой документации по планировке территории; по подключению объектов капитального строительства к сетям инженерно-технического обеспечения, в том числе снижению стоимости подключения; по сокращению сроков проведения государственной экспертизы проектной документации и получению разрешения на строительство.

8). Стимулировать развитие механизмов государственно-частного партнёрства в крае, что позволит привлечь средства частных инвесторов для реализации проектов в социальной сфере и в области развития инфраструктуры, а также осуще-

ствить распределение рисков между инвестором, региональным правительством и муниципалитетом. В целях привлечения финансовых ресурсов для реализации инвестиционных проектов на территории края совершенствовать взаимодействие с институтами развития (государственной корпорацией «Внешэкономбанк», Инвестиционным фондом Российской Федерации, Европейским банком реконструкции и развития);

9). Актуальным остаётся вопрос использования Интернета, базы открытой информации по другим муниципальным образованиям и субъектам Российской Федерации, для оценки ситуации в каждом конкретном муниципалитете и формирования стратегических приоритетов его развития.

Предлагаемые меры позволят укрепить налоговый потенциал муниципальных образований без внесения радикальных изменений в действующее законодательство и инициировать процесс более активного внедрения бюджетирования, ориентированного на результат, в деятельность органов местного самоуправления Хабаровского края.

Список литературы

1. Антонова Н.Е., Леонов С.Н. Государственная поддержка инвесторов как фактор инвестиционной привлекательности субъекта Федерации // Региональная экономика: теория и практика. 2013. № 32. С. 14–23.
2. Барабаш Е.С., Леонов С.Н. Межмуниципальное взаимодействие: потенциал и механизм реализации. Хабаровск: РИЦ ХГАЭП, 2013. 188 с.
3. Инвестиционная среда региона: теоретические и прикладные аспекты / Под ред. С.Н. Леонова. Хабаровск: РИЦ ХГАЭП, 2013. 120 с.
4. Леонов С.Н. Опыт анализа процесса оптимизации бюджетных отношений в РФ (о книге А.В. Белова «Эффективен ли централизм?») // Пространственная экономика. 2013. № 2. С. 170–180.

5. Леонов С.Н., Соломко М.Н. Текущая бюджетная устойчивость субъектов РФ: уточнение понятия и методов оценки // Известия Иркутской государственной экономической академии (Байкальский государственный университет экономики и права) (электронный журнал). 2011. № 6. URL: <http://eizvestia.isea.ru/reader/article.aspx?id=14009> (дата обращения: 17.04.2014).

6. Минакир П.А. Экономика регионов. Дальний Восток / отв. ред. А.Г. Гранберг; Рос. акад. наук, Дальневост. отд-ние, Ин-т экон. исследований. М.: Экономика, 2006. 848 с.

7. Михеева Н.Н. Структурные факторы региональной динамики: измерение и оценка // Пространственная экономика. 2013. № 1. С. 11–32.

References

1. Antonova N.E., Leonov S.N. State Support as Basis of Investment Appeal of the Region. *Regionalnaya ekonomika: teoriya i praktika* [Regional economy: theory and practice]. 2013. No. 32. Pp. 14–23. (In Russian)
2. Barabash E.S., Leonov S.N. *Intermunicipal Cooperation: the Potential and Implementation Mechanism*. Khabarovsk, 2013. 188 p. (In Russian)
3. *Investment Environment of the Region: Theoretical and Practical Approaches*. Ed. by S.N. Leonov. Khabarovsk, 2013. 120 p. (In Russian)
4. Leonov S.N. Analysis of the Optimization Process of Budgetary Relations in the Russian Federation (on the book of Belov A.V. «Is Centralism Effective?»). *Prostranstvennaya ekonomika* [Spatial Economics]. 2013. No. 2. Pp. 170–180. (In Russian)
5. Leonov S.N., Solomko M.N. Current Fiscal Sustainability of RF Constituent Territories: Specifying the Concept and Estimation Techniques. *Izvestiya Irkutsk State Economic Academy (Baikal State University of Economics and Law)* (scientific on-line journal). 2011. No. 6. Available at: <http://eizvestia.isea.ru/reader/article.aspx?id=14009> (accessed 17 April 2014). (In Russian)
6. Minakir P.A. *Regions' Economics. Russian Far East*. Ed. by A.G. Granberg. Moscow, 2006. 848 p. (In Russian)
7. Mikheeva N.N. Structural Factors of Re-

gional Dynamics: Measuring and Assessment. *Prostranstvennaya ekonomika* [Spatial Economics]. 2013. No. 1. Pp. 11–32. (In Russian)

Для цитирования:

Леонов С.Н., Соломко М.Н., Барабаш Е.С., Примаченко Л.С. Вопросы стимулирования органов местного самоуправления Хабаровского края к развитию экономиче-

ского и налогового потенциалов // Регионалистика. 2014. Т. 1. № 1. С. 71–95.

For citing:

Leonov S.N., Solomko M.N., Barabash E.S., Primachenko L.S. Issues to Stimulate Local Authorities of Khabarovsk Kray to Develop the Economic and Tax Potentials. *Regionalistica* [Regionalistics]. 2014. Vol. 1. No. 1. Pp. 71–95. (In Russian)

РОХЧИН
Владимир
Ефимович

Доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономики предприятия и производственного менеджмента

Санкт-Петербургский государственный экономический университет, ул. Садовая, 21, Санкт-Петербург, Россия, 191023

ROKHCHIN
Vladimir
Efimovich

Doctor of economics, professor, professor of the department of enterprise's economics and production management

Saint-Petersburg State University of Economics, 21, Sadovaya Street, St. Petersburg, Russia, 191023

rohchin@mail.ru

© Рохчин В.Е., 2014

УДК 330.15

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРОЕКТОВ ГЛУБОКОЙ ПЕРЕРАБОТКИ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ МИНЕРАЛЬНО-СЫРЬЕВЫХ РЕСУРСОВ И ЭКОНОМИКА СЕВЕРО-ЗАПАДА РОССИИ

Экономические отношения, возникающие в процессе глубокой переработки отечественных минерально-сырьевых ресурсов, при определённых институциональных условиях могут быть использованы в качестве инструмента структурной перестройки национальной экономики. В статье обосновывается необходимость реализации активной государственной политики по формированию соответствующих производственно-технологических цепочек, как на национальном уровне, так и на уровне макрорегионов.

Минерально-сырьевые ресурсы, глубокая переработка, структурная перестройка экономики, экономика регионов

THE IMPLEMENTATION OF PROJECTS IN DEEP PROCESSING OF DOMESTIC RAW MINERAL RESOURCES AND THE ECONOMY OF THE NORTHWEST OF RUSSIA

The economic relations arising in the course of deep processing of domestic raw mineral resources under certain institutional conditions can be used as the instrument of restructuring of national economy. In article the need of realization of active state policy on formation of the corresponding production and technological chains both at the national level and at the level of macroregions is proved.

Raw mineral resources, deep processing, restructuring of economy, economy of regions

Введение

Одним из результатов глобализации экономики является интернационализация производственно-технологических цепочек, перешагнувших национальные рамки и принимающих организационную форму вертикально интегрированных транснациональных корпораций или стратегических альянсов.

Отметим, что в отечественной литературе имеет место парадоксальная ситуация: процессы формирования и функционирования вертикально-интегрированных компаний (ВИК) достаточно широко обсуждаются российским научным сообществом. Здесь можно отметить ряд работ новосибирских экономистов, посвящённых проблемам функционирования отечественных компаний нефтегазового сектора на глобальных рынках [6; 7].

Что же касается сетевых структур в целом и стратегических альянсов в том числе, то отечественная литература по этой проблематике крайне бедна. Тем не менее, обе рассматриваемые формы – вертикальная и «горизонтальная» – организации бизнеса имеют в своей основе последовательную трансформацию ресурсов (в нашем случае – минерально-сырьевых) в товары инвестиционного или конечного потребления посредством применения тех или иных технологических процессов. Именно межорганизационные взаимодействия такого рода мы и называем «производственно-технологическими» цепочками, уделяя особое внимание тем из них, которые пересекают государственные границы. Нетрудно заметить, что производственно-технологические цепочки достаточно близки в содержательном плане с «цепочками создания стоимости» М. Портера [11]. Но, если у М. Портера (впрочем, как и у целого ряда других зарубежных исследователей [1; 5; 9; 15]) межорганизационные взаимодействия изучаются в рамках зрелых экономик рыночного типа, и во главу угла ставятся проблемы разработки

корпоративных стратегий, то автора данной статьи в большей мере интересовали проблемы регионального стратегического управления применительно к современным российским реалиям.

Национальный уровень анализа

Россия как страна, имеющая значительные запасы минерально-сырьевых ресурсов, в которых существенно заинтересованы её зарубежные партнёры, оказалась участницей таких производственно-технологических цепочек, в состав которых входят российские предприятия, занимающиеся, как правило, добычей и транспортировкой за рубеж первичных сырьевых ресурсов. Речь идёт главным образом о нефти, газе, металлах, древесине, зерне и т.п. Не лишне напомнить, что деятельность таких транснациональных производственно-технологических цепочек направляется из-за границ России в интересах главным образом зарубежных партнёров, реализующих собственные экономические интересы. При этом роль российского государственного регулирования в рассматриваемой сфере неуклонно снижается.

Дело в том, что деятельность транснациональных производственно-технологических цепочек, проходящих по территории ряда субъектов РФ, практически никак не регулируется региональными администрациями, экономические интересы которых зачастую состоят в конкурентной борьбе с другими регионами за федеральные бюджетные трансферты, но не за повышение эффективности деятельности таких структур с народнохозяйственных позиций. Администрации регионов – субъектов РФ фактически никак не мотивированы на решение проблем экономического развития подведомственных им территорий, сосредоточены в основном на решении проблем социального характера с использованием бюджетных средств. В свою

очередь, руководство федеральных округов РФ в соответствии с действующим законодательством обеспечивает в основном решение экономических проблем, связанных с развитием интеграционных процессов межрегионального уровня в пределах округа, полномочий по решению рассматриваемой нами проблемы повышения народнохозяйственной эффективности деятельности российских предприятий в мировых производственно-технологических цепочках у них нет. На федеральном уровне также нет специальных органов, которым было бы вменено в обязанность решение таких проблем; их решение осуществляется в рамках тех институтов, которые ответственны за регулирование внешнеэкономической деятельности.

Таким образом, имеет место если и не институциональный вакуум, то, как минимум, отсутствие системного подхода к регулированию производственно-технологических цепочек, в которые вовлечены российские компании.

В этой ситуации вопросы повышения народнохозяйственной эффективности участия российских промышленных предприятий в транснациональных производственно-технологических цепочках отданы на откуп самим предприятиям, которые имеют собственные экономические интересы, более схожие с интересами их зарубежных партнёров, чем с национальными интересами, результатом чего выступает их зачастую эгоистическое экономическое поведение. Что касается позиции федерального центра, то практика свидетельствует о том, что он фактически мирится со сложившимся положением, довольствуясь существующими налоговыми поступлениями в федеральный бюджет, добровольно отдавая потенциальную добавленную стоимость, связанную с глубокой переработкой российских первичных минерально-сырьевых ресурсов, и неся значительные экономические потери.

Конечно, было бы верхом наивности полагать, что автор владеет истиной в по-

следней инстанции относительного того, кто, как и каким образом должен регулировать деятельность фирм, вовлечённых в глобальные производственно-технологические цепочки. Тем не менее, автор полагает, что можно выстроить определённую логику исследования упомянутых выше цепочек.

Начнём с констатации: основные закономерности возникновения и развития глобальной экономики формируются уже не столько на государственном, сколько на межгосударственном уровне. Поэтому межрегиональные взаимодействия приобретают вторичный, производный характер; в них участвует значительное число хозяйствующих субъектов различных видов собственности, реализующих свои экономические интересы, связанные, в частности, с усилением своей роли в распределении добавленной стоимости, создаваемой в мировых производственно-технологических цепочках. Другими словами, доля добавленной стоимости, создаваемой в рамках такой цепочки, которую получает участвующее в ней предприятие, зависит от звена, в котором задействованы производительные силы того или иного государства, но ещё более – от соотношения политических сил и противодействия экономических интересов на мировом рынке. В результате отдельные страны получают дополнительные преимущества при распределении добавленной стоимости, создаваемой в рамках транснациональных производственно-технологических цепочек, за счёт дискриминации других стран, пренебрежения их национальными интересами.

Следствием создавшегося положения являются существенные народнохозяйственные экономические потери (размеры которых ещё предстоит определить, что может быть предметом отдельного исследования) за счёт:

– потерь бюджетов разных уровней в результате занижения величины добавленной стоимости, получаемой российскими

предприятиями – участниками транснациональных производственно-технологических цепочек, из-за её несправедливого распределения;

– потерь потенциальной добавленной стоимости в результате того, что не используются методы глубокой переработки первичного сырья, в том числе с применением высоких технологий;

– торможения развития национальной системы научных исследований и инноваций вследствие низкой мотивации бизнеса и государственного менеджмента к использованию высокоэффективных новшеств в сфере глубокой переработки первичных минерально-сырьевых ресурсов;

– снижения числа высокотехнологичных (и высокооплачиваемых) рабочих мест в сфере глубокой переработки первичных минерально-сырьевых ресурсов;

– замедления развития системы подготовки квалифицированных кадров, способных реализовывать высокие технологии в рассматриваемой сфере;

– негативного сальдо торгового баланса России по продуктам обрабатывающих отраслей;

– постоянного роста цен на внутреннем российском рынке на продукты переработки собственных минерально-сырьевых ресурсов.

О последнем виде прямых экономических потерь, которые несут россияне, следует сказать особо. Обычно причиной роста цен, например, на бензин, называют удорожание стоимости нефти на мировых рынках. Однако очередной рост цен на бензин на 20% связан с дефицитом его на оптовом рынке, ибо Россия производит бензина почти столько, сколько потребляет [2]. Такое положение – результат того, что всё остальное добываемое сырьё идёт напрямую на экспорт, поэтому любой сбой в производстве, обусловленный, например, плановым ремонтом или изменением технологической оснастки нефтеперерабаты-

вающих заводов, создаёт рост оптовых, а затем и розничных цен на бензин в нашей стране.

Выше мы попытались указать только на вполне очевидные прямые экономические ущербы, влекущие за собой целый каскад связанных с ними потерь. Например, результатом недополучения добавленной стоимости российскими предприятиями, участвующими в транснациональных производственно-технологических цепочках, выступают экономические потери, тормозящие развитие обрабатывающей промышленности и отраслей производственной инфраструктуры, а экономические и социальные потери в сфере научных исследований и инноваций, подготовки квалифицированных кадров негативно влияют на конкурентоспособность национальной экономики в целом. Опережающее развитие импорта конечной продукции и вытеснение российских производителей с мировых рынков являются основными факторами, ведущими к реализации негативного сценария экономического развития страны, при котором Россия продолжает укреплять сырьевую специализацию своей экономики.

Кроме того, представляется важным акцентировать внимание на следующей принципиальной для российской экономики проблеме, связанной с перестройкой её структуры. Уже более двадцати лет на федеральном уровне управления принимаются решения, нацеленные на структурные трансформации национальной экономики, но в результате снова и снова отмечается, что в ней так и не удалось преодолеть глубокие диспропорции, многие из которых были заложены ещё в советский период отечественной истории. В постсоветское время в национальной экономике произошло дополнительное наложение структурных диспропорций разного вида (ухудшение отраслевой и технологической структуры экономики, перекосы в структуре государственного экспорта и импорта, недостатки в пространственной струк-

туре организации экономики и т.п.), однако приходится констатировать, что структурная перестройка экономики городов и регионов по разным причинам так и не была начата.

Мы полагаем, что решение проблемы повышения эффективности участия российских промышленных предприятий в транснациональных производственно-технологических цепочках за счёт глубокой переработки первичных сырьевых ресурсов может рассматриваться как значимый импульс к разработке действенной системы мер, направленных на реальную отраслевую перестройку и связанные с ней товарные, экспортно-импортные, кадровые и пространственные трансформации в экономике регионов – субъектов РФ.

Предложение о глубокой переработке российских минерально-сырьевых ресурсов как альтернативе прямого трансферта их за рубеж не является новым, само существование значимых экономических ущербов из-за потери потенциальной добавленной стоимости очевидно, однако существенных подвижек в этой сфере не наблюдается. Возникает естественный вопрос: чем это обусловлено?

Здесь можно представить гипотетическую ситуацию, когда руководитель российского предприятия, исходя из общегосударственных экономических интересов, попытается изменить сложившуюся практику распределения добавленной стоимости в международной производственно-технологической цепочке, то есть «потянуть одеяло на себя». Думается, что такие шаги встретят жёсткий отпор со стороны зарубежных партнёров, ибо это противоречит их экономическим (и политическим) интересам, они начнут терять добавленную стоимость, которая уже была у них «в кармане», рабочие места в сфере переработки сырья, в отраслях производственной инфраструктуры и т.п. В результате противодействия со стороны партнёров по стратегическому альянсу, не имея поддержки со стороны государства, такой ру-

ководитель, вероятно, потеряет высокооплачиваемую работу, если не хуже.

Поэтому представляется принципиальным требование, что в условиях глобализации странам с экономикой колониального типа (к которым относится сегодня Россия) необходимо активное государственное вмешательство в процессы создания и распределения добавленной стоимости, генерируемой в транснациональных производственно-технологических цепочках с целью предотвращения или хотя бы уменьшения отмеченных выше (и других) экономических ущербов. Это, в свою очередь, обуславливает необходимость проведения государством экономической политики, ориентированной на глубокую переработку российских первичных минерально-сырьевых ресурсов, главным образом на своей территории, пересмотр сложившегося порядка распределения добавленной стоимости, создаваемой в рамках мировых производственно-технологических цепочек с российским участием. Другими словами, наш гипотетический руководитель предприятия должен не «заниматься самодеятельностью», существенно рискуя при этом лично, но участвовать в реализации государственной политики в рассматриваемой сфере экономики, пользуясь всесторонней государственной поддержкой.

Таким образом, главным условием решения рассматриваемой проблемы является наличие политической воли, в частности, связанной с разработкой и осуществлением соответствующей экономической политики, в которой должны быть чётко определены интересы и намерения государства в сфере глубокой переработки российских первичных минерально-сырьевых ресурсов, а также используемые методы государственной поддержки. Отсутствие такой экономической политики в рассматриваемой сфере, также как и государственной промышленной политики в целом, свидетельствует о продолжающемся доминировании неолиберальных взглядов среди руководителей экономического

блока правительства РФ.

Один из центральных постулатов российского неолиберализма состоит в том, что социальная справедливость может быть достигнута в результате свободной игры экономических сил без использования инструментов государственного регулирования. Хотя российская практика уже убедительно опровергла этот тезис [12], а проводимая сейчас по неолиберальным лекалам кампания по приватизации стратегически важных государственных предприятий, а также коммерциализации науки, образования, здравоохранения и жилищно-коммунальной сферы имеет своим основным результатом социальную напряжённость в обществе и рост протестных настроений. Что касается собственно проблемы глубокой переработки отечественных минерально-сырьевых ресурсов, то здесь государство, заняв позицию невмешательства, фактически смирилось со значительными экономическими ущербами. В связи с этим возникает вопрос, к чему это приведёт? Представляется, что если не изменить принятый экономический курс, то дело может закончиться беспощадным русским бунтом, который начнётся как обычно с «разрушения всего до основания».

Думается, что путём принятия государственной политики, включающей, в частности, систему мер по ограничению квот на вывоз и стимулированию глубокой переработки добываемых минерально-сырьевых ресурсов преимущественно в регионах России, может быть активизирована деятельность отечественных добывающих промышленных предприятий, административно-территориальных образований разного уровня и бизнеса по формированию стратегий создания полностью (или преимущественно) российских производственно-технологических цепочек глубокой переработки отечественного сырья. Такие цепочки призваны удовлетворять в первую очередь национальные экономические интересы и могут выступать одной из

значимых предпосылок формирования научно обоснованной и практически реализуемой стратегии экономического развития России, предусматривающей необходимые структурные трансформации её экономики с учётом национальных особенностей и приоритетов.

Что может помешать реализовать курс на глубокую переработку российских минерально-сырьевых ресурсов? Нам представляется, что главным фактором торможения является недостаток инвестиционных ресурсов и инновационных технологий. Принято считать, что инновационные технологии несёт с собой инвестор. Но российский инвестор в лице государства или частного предпринимателя таких инноваций, как правило, не имеет. Что касается зарубежных инвесторов, то, например, европейские предприниматели заинтересованы в выходе на российский рынок, готовы работать в кооперации с российским бизнесом, однако Евросоюз запрещает передачу инновационных технологий России (хотя для Китая таких ограничений нет) [10]. Необходимые России высокотехнологические активы никто не собирается продавать, как бы ни провозглашалась «свобода конкуренции и предпринимательства» правилами ВТО и декларациями западных политиков. Поэтому необходимо не только устранить путём переговоров продолжающие действовать разного рода дискриминационные акты в отношении России, но и осуществить финансовый прорыв в сфере поддержки отечественной науки и образования [13], добиться положения, чтобы в стратегической перспективе страна контролировала значимую долю мировых высоких технологий.

Следует иметь в виду, что в России накоплен определенный опыт освоения передовых технологий в переработке первичных сырьевых ресурсов, что позволяет ей уже сегодня быть конкурентоспособной на локальных внешних рынках. Так, например, деревянные дома от российских производителей не уступают сегодня фин-

ским аналогам ни в архитектуре, ни в качестве самого строительства; вместе с тем, финские дома дороже российских в 2–3 раза по многим причинам – налоги, логистика, комплектация и т.п. Пример может показаться незначительным. Однако, по тому, что Россия занимает первое место в мире по площади и производительности лесов и при этом в производстве пиломатериалов уступает Финляндии более чем в 12 раз, США – в 4,4 раза, Германии и Японии – в 2,6–2,8 раза, а объём отечественного производства мебели на душу населения в 16 раз меньше, чем в Финляндии, и в 26 раз меньше, чем в США, можно судить о возможных резервах экономического роста в сфере глубокой переработки лесных ресурсов [4].

Рассмотрим теперь проблему инвестиционного обеспечения глубокой переработки добываемых российскими предприятиями минерально-сырьевых ресурсов. Представляется очевидным, что собственных инвестиционных ресурсов для решения этой проблемы в полном объёме у предприятий нет, поэтому в принципе целесообразно использовать известный механизм государственно-частного партнёрства при ведущей роли государства не только как регулятора экономики наряду с рынком, но и как собственника средств производства. Однако крупные инвестиционные проекты, связанные с техническим перевооружением и технологическим переоснащением действующих перерабатывающих промышленных предприятий или строительством новых, не привлекательны для большинства частных инвесторов, они связаны с «длинными деньгами» и значительными рисками. Хорошо известно, например, что, несмотря на общепризнанную необходимость в структурной перестройке отечественной экономики, за более чем два десятилетия частные предпринимательские структуры так и не пошли на серьёзные инвестиции в обрабатывающую промышленность.

При этом с появлением бюджетного

дефицита в годы мирового финансового кризиса российские неолiberaлы ещё более ужесточили свои позиции по вопросам государственного инвестирования из средств, образующихся за счёт высоких мировых цен на минерально-сырьевые ресурсы, главным образом на нефть и газ. В такой ситуации частные инвесторы (отечественные и зарубежные), не видя настоящей заинтересованности государства в глубокой переработке своих минерально-сырьевых ресурсов, делают свои выводы. В результате намечаемое государственно-частное партнёрство в рассматриваемой сфере может так и не состояться, поэтому необходимы специальные меры со стороны правительства РФ. В частности, частные инвесторы должны иметь юридические гарантии, что государство неукоснительно выполнит все взятые на себя в рамках партнёрства обязательства, ибо чиновник распоряжается средствами государственного бюджета и связанных с этим финансовых рисков не имеет; в совершенно ином положении находится частный инвестор, рискующий собственными деньгами.

Северо-Запад: региональный уровень анализа

Рассмотрим теперь основные концептуальные аспекты решения проблемы глубокой переработки минерально-сырьевых ресурсов, добываемых на Северо-Западе России. Характеризуя пространственную организацию хозяйственного комплекса российского Северо-Запада, можно, в определённой мере условно, выделить две основные экономические зоны [14]. Первая из них объединяет северные и арктические регионы РФ (Республики Карелия и Коми, Мурманская и Архангельская, включая Ненецкий автономный округ, области), образующие сырьевую провинцию Северо-Западного федерального округа РФ. Здесь сосредоточено, по разным оценкам, свыше 95% металлов платиновой группы, более 90% никеля и кобаль-

та, 60% меди, практически все разведанные российские запасы титана, олова, сурьмы, барита и других полезных ископаемых, 16% разведанных запасов нефти и 20% разведанных запасов газа, необходимых для развития различных отраслей экономики и имеющих высокую экспортную значимость. Кроме того, здесь имеются значительные возможности расширения нефте- и газодобычи.

Для этой экономической зоны Северо-Запада России характерны экстремальные природные условия, отдалённость и труднодоступность их территорий, преимущественно очаговый характер расселения, высокая стоимость и низкая конкурентоспособность продукции (за исключением минерально-сырьевых ресурсов), моноотраслевой характер и низкая диверсификация производства, высокая степень удорожания энергоносителей и значительная доля транспортных издержек в стоимости готовой продукции, нехватка квалифицированной рабочей силы и отток населения.

Особенности рассматриваемых регионов российского Северо-Запада обусловили их сырьевую специализацию, причём реализуемые здесь крупные инвестиционные проекты имеют схожие характеристики: замыкание пути от источников добычи минерально-сырьевых ресурсов к портам или пограничным переходам, через которые осуществляется их вывоз на экспорт. Такие проекты реализуются транснациональными корпорациями с российским участием, занимающимися добычей сырья, его первичной переработкой и транспортировкой за рубеж, причём центры управления такими корпорациями находятся вне пределов России.

Представляется логичным, что такие структуры оказывают значимое влияние на экономическое развитие северных и арктических регионов в пределах Северо-Западного федерального округа, выступая наиболее крупными налогоплательщиками, формирующими региональные бюджеты,

лоббируют свои экономические интересы, зачастую не совпадающие с интересами России. В свою очередь, это накладывает отпечаток в виде развития специализированной инфраструктуры регионов (строительство экспортно-ориентированных портов, например), доминирования сырьевых промышленных технологий, перехода на зарубежные стандарты и т.п. в ущерб созданию отечественных предприятий по глубокой переработке первичных минерально-сырьевых ресурсов в пределах округа. В результате транснациональные корпорации формируют в северных и арктических регионах российского Северо-Запада сырьевые коридоры, объективно способствующие фрагментации экономического пространства, поскольку не попавшие в такие коридоры территории теряют население, инфраструктуру и становятся устойчиво депрессивными.

Особенностью второй экономической зоны Северо-Запада России, включающей наиболее благоприятные для жизнедеятельности г. Санкт-Петербург, Ленинградскую, Новгородскую, Вологодскую и Псковскую области, является скудность полезных ископаемых при относительно высокой плотности экономически активного населения; здесь традиционно дислоцируется большинство центров обрабатывающей промышленности, тяготеющих в советский период к научно-промышленному Ленинграду. Именно в этих регионах были созданы крупные производственные объединения, опирающиеся на достижения ленинградской науки, технологически связанные с научно-производственными объединениями мегаполиса.

В настоящее время экономическое пространство этой преимущественно индустриальной зоны Северо-Запада России утратило свою чётко выраженную промышленную специализацию, а неолиберальная политика федерального центра, ориентированная на вывоз минерально-сырьевых ресурсов из северных и арктических регионов с последующей продажей за

рубеж, кроме всего прочего, оставляет их в стороне от основных сырьевых и финансовых потоков, способствует нарастанию депрессивных тенденций. В результате главным ресурсом перспективного экономического развития рассматриваемой зоны является неконкурентоспособное сегодня на внешних рынках перерабатывающее производство.

Что касается современного административного центра Северо-Западного федерального округа РФ, мегаполиса Санкт-Петербург, то он слабо связан с окружающим его экономическим пространством, не имеет четкой миссии по отношению к этому пространству, а городской машиностроительный комплекс в основном ориентирован на нужды оборонно-промышленного комплекса страны и индустрию, расположенную вне границ округа.

Из рассмотрения сложившейся в пределах Северо-Западного федерального округа экономической ситуации следует объективная необходимость постановки задачи форсированной глубокой переработки минерально-сырьевых ресурсов, добываемых в его сырьевых провинциях. Это необходимо делать, во-первых, в интересах повышения народнохозяйственной эффективности использования добытых в северных и арктических провинциях федерального округа минерально-сырьевых ресурсов. Во-вторых, что представляется не менее важным, с целью создания предпосылок преодоления депрессивных явлений в индустриальном секторе регионов федерального округа на основе структурной перестройки и модернизации их хозяйства. Импульсом для запуска таких процессов и призвана послужить новая государственная политика в сфере переработки российских минерально-сырьевых ресурсов, в первую очередь направленная на реализацию национальных интересов.

Положим теперь, что политическое решение о глубокой переработке ресурсов, добываемых в сырьевых провинциях Северо-Запада России, принято, а значит, в

стратегической перспективе ресурсные потоки могут оказаться развернутыми в его индустриальные регионы. В этой связи попытаемся уточнить, какие конкурентные преимущества имеют эти регионы по сравнению с зарубежными обрабатывающими центрами.

Сначала отметим то принципиальное обстоятельство, что речь идет именно о российских регионах, успешное обеспечение динамичного экономического и социального развития которых является национальным приоритетом. Кроме того, группа рассматриваемых индустриальных регионов российского Северо-Запада имеет целый ряд экономических преимуществ. Прежде всего, в их пользу говорят относительная географическая близость к сырьевым провинциям и наличие разветвленной сети железнодорожных и автомобильных дорог. Поскольку транспортные расходы, связанные с поставками сырья, материалов и комплектующих, имеют постоянную тенденцию к росту, указанные факторы значимы не только при трансферте сырья к месту переработки, но также при поставках готовой продукции, в частности, за рубеж.

Прохождение по территории Северо-Запада России Северного морского пути, который является главной арктической транспортной магистралью, объединяющей региональные подсистемы Европейского, Сибирского и Дальневосточного Севера, открывает возможности трансферта российского сырья, полуфабрикатов и готовой продукции не только в традиционном направлении – страны Евросоюза, но в Азиатско-Тихоокеанский регион. Так, например, южнокорейский бизнес заинтересован в использовании Северного морского пути и Мурманского транспортного узла для реализации совместных инвестиционных проектов в нефтегазовой сфере, судоремонте и т.п.

Индустриальный сектор регионов в пределах Северо-Западного федерального округа РФ и сегодня обладает определен-

ными возможностями для обеспечения энергией крупных инвестиционных проектов в сфере глубокой переработки минерально-сырьевых ресурсов, а к 2030 г. этот макрорегион в целом станет энергоизбыточным. Наличие сырьевых ресурсов и энергии позволит рассматриваемым регионам поддерживать более низкие издержки своих перерабатывающих производств за счёт более низких, чем мировые, внутренних цен на энергоносители и сырьё (при наличии, конечно, государственного ограничения appetитов «сырьевых баронов», стремящихся поддерживать уровень цен на уровне не ниже мировых), а, следовательно, иметь значимые конкурентные преимущества перед зарубежными партнёрами.

Наконец, важным фактором экономического развития рассматриваемых регионов являются имеющиеся пахотные земли и пастбища, а также запасы пресной воды, которые рассматриваются нами как необходимое условие для дальнейшего развития агропромышленной сферы российского Северо-Запада.

Заключение

Таким образом, существуют благоприятные условия для структурной перестройки экономики индустриальных регионов российского Северо-Запада на основе реализации инвестиционных проектов глубокой переработки минерально-сырьевых ресурсов, добываемых в его северных и арктических провинциях. В связи с этим уместным завершением статьи представляется краткое рассмотрение вопросов генерирования инвестиционных проектов в рассматриваемой сфере, которые призваны выполнить роль полюсов экономического развития регионов, послужить фактором реальной структурной перестройки их экономики.

Мы полагаем, что исходный перечень таких инвестиционных проектов должен формировать регион – субъект РФ,

на территории которого предполагается их практическая реализация, исходя из результатов анализа и оценки:

- данных маркетинговых исследований;
- национальных приоритетов в сфере глубокой переработки минерально-сырьевых ресурсов или предложений по реализации соответствующих инвестиционных проектов;
- состояния производственной базы и технологической оснастки имеющихся промышленных перерабатывающих предприятий, целесообразности их реконструкции и технического перевооружения;
- имеющихся земельных участков под строительство новых перерабатывающих предприятий или расширения существующих;
- состояния производственной инфраструктуры;
- местных ресурсов (пресной воды, энергии, коммунального сектора, квалифицированных трудовых кадров или возможностей их подготовки в регионе и т.п.);
- предложений властных структур региона и бизнеса и т.п.

После обобщения перечня предложений по инвестиционным проектам в сфере глубокой переработки минерально-сырьевых ресурсов, добываемых в северных и арктических провинциях Северо-Запада России, их первичной экспертизы и внесения необходимых корректировок должны быть осуществлены проектные разработки по формированию соответствующих производственно-технологических цепочек, предполагающих преимущественно российское участие.

Список литературы

1. Бадаракко-мл. Дж. Управление альянсами // Кемпбелл Э., Саммерс Лачс К. Стратегический синергизм. СПб.: Питер, 2004. С. 243–262.
2. Бероева Н. Цена на бензин вырастет до

33 рублей. URL: <http://www.kp.ru/daily/26113/3007880/> (дата обращения: 17.04.2014).

3. Демьяненко А.Н., Украинский В.Н., Демьяненко Н.А., Еремеев В.В. Влияние « сетевого феномена» на функционирование хозяйственных структур // Вестник ДВО РАН. 2008. № 5. С. 17-25.

4. Здоборовская Е. Русские дома против финских // Деловой Петербург. № 129 от 24 июля 2013 г.

5. Коллис Д., Монтгомери С. Корпоративная стратегия. Ресурсный подход. М.: Олимп Бизнес, 2007. 400 с.

6. Коржубаев А.Г., Соколова И.А., Эдер Л.В. Нефтегазовый комплекс России: перспективы сотрудничества с Азиатско-тихоокеанским регионом. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2009. 109 с.

7. Коржубаев А.Г., Эдер Л.В. Нефтегазовый комплекс России: состояние, проекты, международное сотрудничество. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2011. 295 с.

8. Мезоэкономика развития / под ред. Г.Б. Клейнера. М.: Наука, 2011. 805 с.

9. Обурай П., Бейкер М.Дж. Стратегические альянсы и сотрудничество поставщиков // Маркетинг / Под ред. М. Бейкера. СПб.: Питер, 2002. С. 1082–1110.

10. Очкivский С.В. Объединим энергии развития. URL: <http://www.journal.konkir.com/article/объединим-энергии-развития/> (дата обращения: 17.04.2014).

11. Портер М. Конкурентное преимущество. М.: Альпина Бизнес Букс, 2006. 715 с.

12. Примаков Е.М. Современная Россия и либерализм. URL: <http://www.rg.ru/2012/12/17/primakov.html> (дата обращения: 17.04.2014).

13. Примаков Е.М. Человеческий капитал выходит на первый план. URL: <http://www.rg.ru/2013/01/15/primakov.html> (дата обращения: 17.04.2014).

14. Рохчин В.Е., Далгатова А.Э. Стратегический анализ и концептуальные предложения по развитию экономического потенциала, сложившегося в пределах Северо-Западного федерального округа. СПб.: СПбГЭУ, 2013. 46 с.

15. Уэлборн Р., Кастен В. Деловые партнерства: как преуспеть в совместном бизнесе. М.: Вершина, 2004. 336 с.

16. Хасис Л.А. Закономерности развития российских розничных сетей. М.: Эдиториал УРСС, 2004. 72 с.

References

1. Badaracco J., Jr. Managing Alliances. In: *Strategic Synergy*. Ed. by A. Campbell, K. Sommers Luchs. S.-Petersburg, 2004. Pp. 243–262. (In Russian)

2. Beroyeva N. *Petrol price will grow to 33 rubles*. Available at: <http://www.kp.ru/daily/26113/3007880/> (accessed 17 April 2014). (In Russian)

3. Demyanenko A.N., Ukrainskiy V.N., Demyanenko N.A., Eremeev V.V. Influence of «Network Phenomenon» on Economic Structures Functioning. *Vestnik Dalnevostochnogo otdelenia Rossiiskoy akademii nauk* [Letters of the FEB RAS]. 2008. No. 5. Pp. 17-25. (In Russian)

4. Zdoborovskaya E. Russian houses vs. Finnish houses. *Delovoy Peterburg* [Business Petersburg]. No. 129. July 24, 2013. (In Russian)

5. Collis D., Montgomery C. *Corporate Strategy: A Resource-Based Approach*. Moscow, 2007. 400 p. (In Russian)

6. Korzhubaev A.G., Sokolova I.A., Eder L.V. *Oil and Gas Complex of Russia: Prospects of Cooperation with the Pacific Rim*. Novosibirsk, 2009. 109 p. (In Russian)

7. Korzhubaev A.G., Eder L.V. *Oil and Gas Complex of Russia: Situation, Projects, International Cooperation*. Novosibirsk, 2011. 295 p. (In Russian)

8. *Mesoeconomics of Development*. Ed. by G.B. Kleyner. Moscow, 2011. 805 p. (In Russian)

9. Oburai P., Baker M.J. Strategic Alliances and Supplier Partnering. In: *The IEBM Encyclopedia of Marketing*. Ed. by M.J. Baker. S.-Petersburg, 2002. Pp. 1082–1110. (In Russian)

10. Ochkiivskiy S.V. *We Will Unite Energy of Development*. Available at: <http://www.journal.konkir.com/article/объединим-энергии-развития/> (accessed 17 April 2014). (In Russian)

11. Porter M. *Competitive Advantage*. Moscow, 2006. 715 p. (In Russian)

12. Primakov E.M. *Modern Russia and Liberalism*. Available at: <http://www.rg.ru/2012/12/17/primakov.html> (accessed 17 April 2014). (In Russian)

13. Primakov E.M. *The Human Capital Comes to the Forefront*. Available at: <http://www.rg.ru/2013/01/15/primakov.html> (accessed 17 April 2014). (In Russian)

14. Rokhchin V.E., Dalgatova A.E. *The Strategic Analysis and Conceptual Offers on Development of the Economic Potential Developed Within the Northwest Federal District*. S.-Petersburg, 2013. 46 p. (In Russian)

15. Wellborn R., Casten V. *Business Partnerships: How to Succeed in Joint Business*. Moscow, 2004. 336 p. (In Russian)

16. Hasis L.A. *Regularities in Development of the Russian Retail Chains*. Moscow, 2004. 72 p. (In Russian)

Для цитирования:

Рохчин В.Е. Реализация проектов глубокой переработки отечественных минерально-сырьевых ресурсов и экономика Северо-Запада России // Регионалистика. 2014. Т. 1. № 1. С. 96–107.

For citing:

Rokhchin V.E. The Implementation of Projects in Deep Processing of Domestic Raw Mineral Resources and the Economy of the Northwest of Russia. *Regionalistica* [Regionalistics]. 2014. Vol. 1. No. 1. Pp. 96–107. (In Russian)

**КРАСНОПОЛЬСКИЙ
Борис
Хананович**

Доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник

Институт экономических исследований ДВО РАН, ул. Тихоокеанская, 153, Хабаровск, Россия, 680042

**KRASNOPOLSKI
Boris
Khananovich**

Doctor in economics, professor, chief researcher

Economic Research Institute FEB RAS, 153, Tikhookeanskaya Street, Khabarovsk, Russia, 680042

boriskrasno@gmail.com

© Краснопольский Б.Х., 2014

УДК 332.012.2

**ДЛИННЫЕ ВОЛНЫ КОНДРАТЬЕВА И
ИНФРАСТРУКТУРНЫЕ ЦИКЛЫ
В ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
ОБЩЕСТВА (ГИПОТЕЗА)**

Рассматриваются процессы социально-экономического развития общества, описываемые теорией длинных волн (циклов) Кондратьева, и связанное с ними формирование инфраструктурных элементов (инфрациклов), в значительной степени определяющих пространственное развитие социума. Выдвигается гипотеза тесной корреляционной зависимости данных процессов и обосновывается вывод о необходимости дальнейшего научного изучения данного феномена в целях повышения эффективности функционирования народно-хозяйственного комплекса страны.

Длинные волны (циклы) Кондратьева, инфраструктура, инфрациклы, пространственное развитие общества

**KONDRATIEV LONG WAVES AND
INFRASTRUCTURE CYCLES IN
SPATIAL ORGANIZATION OF SOCIETY
(THE HYPOTHESIS)**

The processes in social-economic development of society described by the theory of the Kondratiev long waves (cycles) and connected with these processes the infrastructure formation (infracycles) that determines significantly the spatial development of society are examined in this article. The hypothesis of close correlation between all these processes is advanced and the conclusion about the necessity of farther scientific research concerning the efficiency of the country social-economic development is substantiated.

Kondratiev long waves (cycles), infrastructure, infracycles, spatial development of society

Статья подготовлена в рамках плана НИР Института экономических исследований ДВО РАН на 2014 г.

Существует огромное количество научных публикаций по поводу теории длинных волн или циклов Кондратьева¹. Сущность этой теории довольно хорошо известна специалистам, и нет необходимости останавливаться на её описании. Главное, в чём различаются точки зрения сторонников этой теории (конечно, у этой теории есть и противники), – это определение ведущих факторов общественного развития, которые объясняют коренные причины этих циклов, ведь до сих пор в теоретических исследованиях не найдено достаточно объективных критериев оценки данных процессов.

Некоторые специалисты выделяют три основных подхода к объяснению природы этой цикличности, а именно – экзогенный, эндогенный и эклектичный [6]. Последователи экзогенного подхода видят причину возникновения циклических колебаний исключительно во внешних факторах и причинах. Сторонники эндогенного подхода, наоборот, видят эту причину в изменениях во внутренней структуре экономики. Эклектики же пытаются объединить рациональные начала двух предыдущих подходов. Весьма интересное объяснение данных циклических процессов связано с теорией пассионарных толчков Л.Н. Гумилёва. Некоторые исследователи рассматривают почти все конкурирующие теоретические объяснения в данной обла-

сти, и показывают, что в основе большинства гипотез лежит изучение взаимодействия экономической и технологической инновационной активности (с привлечением ряда демографических, социальных и даже военных факторов) [5].

Но при всём многообразии данных теоретических объяснений в поле зрения учёных в этой области, не попала, как нам представляется, одна весьма важная проблема **пространственной трансформации общества**, роль которой серьёзно особенно возрастает в последние десятилетия. Эта проблема может быть выражена в следующей вопросительной форме: **связаны ли в какой-то мере длинные циклы Кондратьева с теми процессами в пространственной организации общественного развития, которые основываются на формировании и функционировании межсубъектной, межрегиональной и межнациональной инфраструктуры как одного из ведущих факторов размещения производительных сил на мирохозяйственном и региональном уровнях?** Зависят ли эти процессы друг от друга? Тем более, нужно учитывать тот факт, что формирование практически всех видов инфраструктуры также имеет **волновую природу** или, говоря более конкретно, имеет свои циклы (**инфрациклы**) в зависимости от уровней территориальной организации общества.

Сейчас у нас нет соответствующего фактологического материала для более конкретной формулировки поставленного вопроса и каких-либо формальных доказательств по этой проблеме. Для получения этого материала нужно провести специальное весьма сложное исследование. В этой небольшой статье мы ограничиваемся только представлением гипотезы в данной области, которую, вероятно, есть смысл обсудить и определить, целесообразно ли проведение подобного исследования в дальнейшем.

Итак, подчеркнём ещё раз: подавляющее большинство современных авторов в вопросе о причине циклов Кондрать-

¹ Теория разработана советским экономистом Николаем Дмитриевичем Кондратьевым (1892–1938). Ещё в 1920-е гг. он обратил внимание на то, что в долгосрочной динамике некоторых глобальных экономических показателей наблюдается определенная волновая, циклическая регулярность, в ходе которой на смену фазам роста соответствующих индикаторов приходят фазы их относительного спада, с характерным периодом этих долгосрочных колебаний порядка 50 лет (см. его основополагающие работы: [1; 2]). Такие колебания были названы им «*большие*» или «*длинные циклы*», впоследствии Й. Шумпетер в честь российского учёного назвал их *кондратьевскими циклами* [9]. Многие исследователи стали называть их также *длинными волнами*, или *кондратьевскими волнами*, иногда – *К-волнами* [8].

ева отмечает, что чередование процветания и депрессии в обществе вызвано целым рядом факторов и, возможно, не всегда одним и тем же сочетанием их. Даже те авторы, чьи теории базируются на единственном факторе, который, по их мнению, вызывает экономический цикл (например, колебание урожайности, изменения в технологических укладах, новациях и изобретениях, акселерация производного спроса и изменения в балансе спроса и предложения, волны оптимизма и пессимизма в теории Л.Н. Гумилёва и др.), вынуждены признать, что то, что они считают исключительной причиной цикла, может оказывать своё действие лишь в *условиях существования определённых экономических институтов*, связанных как с волнами Кондратьева, так и с конкретным определяющим фактором, выделяемым в качестве главного.

Зададимся вопросом – а какие это могут быть экономические институты, которые касаются *пространственной организации социума*? И здесь следует довольно ясный логически обоснованный ответ: конечно же, в первую очередь, это институты *пространственной инфраструктуры*, понимая данный феномен в широком смысле [4]. Что это значит?

Инфраструктура – системное, общенаучное понятие [3]. Дело в том, что оно является органической частью терминологии, используемой в общей теории систем и вытекающей из нее синергетике, ставшей самостоятельным направлением науки. То есть это понятие по своей сути, функциям и роли *является гораздо более общим* и применимым далеко не только к системам человеческой жизнедеятельности, а ко всем системам как биотического («живого», органического), так и абиотического (неорганического) порядка.

В нашем понимании, *пространственная инфраструктура – это группа тесно взаимосвязанных внутренних и внешних элементов исследуемого системного (в данном случае – простран-*

венного) образования, достаточно жёстко диктующая и обеспечивающая процессы его самоорганизации и будущего развития и отличающаяся от основных (базовых), вспомогательных и обслуживающих элементов системы следующими специфическими свойствами, а именно: (1) коммуникативностью, (2) непосредственностью создаваемых связей и (3) целевой направленностью на обеспечение деятельности строго определённых базовых элементов системы. Отсюда видно, что инфраструктура со всеми её элементами здесь воспринимается как некое системное образование, которое используется в прикладном плане в исследовании систем любой природы, в данном случае – в экономической сфере при анализе различного рода трансформаций в пространственной экономике [7].

Как внутренние, так и внешние элементы инфраструктуры формируются и функционируют в рамках *определённых временных циклов*, зависящих от уровня пространственно-экономических объектов. В этих циклах, как и в циклах Кондратьева, есть чередующаяся смена *периодов роста* соответствующих показателей создания и использования инфраструктурных объектов и элементов и периодов их *относительного спада*. Этот процесс вызывает долгосрочные колебания или волны в их функционировании в зависимости от направленности на те или другие базовые элементы системы. Каждый инфраструктурный цикл (инфрацикл) заканчивается тем, что осознаётся необходимость нового этапа в развитии существующих элементов инфраструктуры или формирования новых элементов на современной технико-технологической базе, что требует новых инвестиционных вложений. На эти инфрациклы влияют различные экономико-географические факторы, но, как нам представляется, ведущее положение здесь в территориальном плане играет *пространственно-организующий фактор*, физическим выражением которого и явля-

ются инфраструктурные элементы. Их циклические преобразования в ходе своего функционирования создают реальные возможности перманентно рационализировать все процессы в пространственной организации общественного развития, как в его локализации, так и в глобализации, найти между ними некий «консенсус», ведь локализация и глобализация – это две очень тесно связанные «стороны одной медали» развития человеческого сообщества. И именно в этом, по нашей гипотезе, в значительной (а может быть – в определяющей) степени заключается пространственно-организующая роль инфрациклов, влияющих на возникновение и проявление различных других экономических циклов, в том числе и больших длинных волн (циклов) Кондратьева.

Если рассматривать экономическую цикличность в целом, то ещё в 1930-х гг. выдающийся австро-американский учёный Й. Шумпетер создал «инновационную теорию предпринимательства», на основе которой развил «кондратьевскую циклическую парадигму», базирующуюся на инновационной концепции «длинных волн» [9]. Центральную роль в своей теории Й. Шумпетер отводил **инновации**, которую он охарактеризовал «как установление новой производственной функции». Это могло быть производство нового товара или внедрение новых форм организации

хозяйственных структур (например, открытие новых источников сырья, новых рынков сбыта, технико-технологические модернизации и т.п.). В его трактовке инновация (нововведение) отличается от изобретения (новации), которое обычно предшествует инновации. Он придерживался мнения, что все экономические циклы генерируются инновациями. Инновация – конечный результат внедрения новшеств с целью изменения объекта управления и получения экономического, социального, научно-технического, экологического или другого эффекта. Й. Шумпетер утверждал, что существует бесконечное количество циклов на различных этапах и уровнях общественного развития. Однако для аналитического удобства в своём исследовании он представил схему из трёх взаимосвязанных циклов: циклы Китчина (3–4 года), Жюгляра (7–11 лет) и Кондратьева (48–60 лет). Й. Шумпетер принял априори, практически без доказательств, что «каждый цикл Кондратьева должен содержать целое число циклов Жюгляра, который содержит целое число циклов Китчина» [8].

Памятуя о всей этой системе цикличности экономического развития, попытаемся продемонстрировать гипотезу о взаимосвязи этой цикличности с инфрациклами, влияющими на пространственные хозяйственные процессы, что представлено в **таблице 1**.

Таблица 1

Взаимосвязь экономической цикличности с инфрациклами

Экономический цикл	Характерный период	Инфрациклы в пространственной организации социально-экономического развития
Цикл Китчина	3-4 года	Цикличность элементов инфраструктуры в организации локальных промышленных узлов и городских агломераций
Цикл Жюгляра	7-11 лет	Цикличность элементов инфраструктуры в организации междузональных производственных связей и региональных агломераций
Цикл Кузнеца	15-25 лет	Цикличность элементов инфраструктуры в организации межрегиональных взаимодействий и социумов
Цикл Кондратьева	45-60 лет	Цикличность элементов инфраструктуры в организации международных социально-экономических пространственных образований и в процессах широкой глобализации

Как видно из теории Й. Шумпетера, он почему-то оставил без внимания цикл Кузнеца (15–25 лет), скорее всего потому, что этот цикл не вписывался в его концепцию формальной взаимосвязи перечисленных выше трёх экономических циклов. Также за пределами теории Й. Шумпетера осталось доказательное объяснение причины цикличности самих инноваций и новаций, являющихся первоосновой больших циклов Кондратьева. Последние, по нашему мнению, можно рассматривать как **фазы всеобщей мировой глобализации**, отражающиеся на самом высоком уровне межнационального разделения труда и формирования социально-экономической структуры общества по крупным временным этапам развития человечества.

В заключение попробуем показать на примере **технологических укладов** (которые тесно связаны с инновационной теорией предпринимательства Й. Шумпетера и которые многими исследователями также считаются главным фактором волновой теории [8]), как могут быть логически определены взаимосвязи этих укладов с теми инфрациклами, которые отражают изменения в пространственном социально-экономическом развитии. Возможная взаимосвязь кондратьевских циклов, соответствующих им технологических укладов и инфрациклов представлена в **таблице 2**.

Как видно из этой таблицы, экономическая цикличность на высшем уровне глобальной интеграции (глобализации), описываемая теорией длинных волн Кондратьева, по предлагаемой к обсуждению гипотезе логически тесно связана в пространственном развитии общества с **нарастающим комплексом** различных видов инфраструктуры и их инфрациклами в зависимости от фазы глобализации и соответствующих этим фазам инфраструктурных элементов (от чисто производственно-индустриальных до информационных, интеллектуальных её составляющих, определяющих высокотехнологическую конвер-

генцию). Развитие типов **технологических укладов как систем** и обеспечивающей их базовые элементы инфраструктуры и есть, видимо, тот первичный фактор, который очень серьезно влияет на волны глобализационных процессов (циклы Кондратьева) и их конкретное проявление в пространственной организации общества на различных временных этапах его развития.

Эксперты утверждают, что примерно после 2030–2050-х гг. возможно наступление **технологической сингулярности**, которая не поддаётся на данный момент анализу и прогнозу, что, по их представлениям, приведёт к тому, что циклы Кондратьева могут оборваться примерно в этот период [8]. Но здесь есть одно возражение. Действительно, цикличность экономического развития, отраженная в волнах Кондратьева (которые были выявлены на примерах **сугубо индустриального периода** в развитии общества), может сойти на нет в будущем. Но вполне возможно, что сама по себе теория волнового развития обретёт новую жизнь на новом этапе трансформации общества и будет достаточно адекватно отображать те специфические процессы, которые активно разворачиваются в настоящее время в **начавшийся интеллектуальный период** развития социума. Здесь возникают **свои волны и циклы** как в развитии базы знаний, новаций и инноваций и научно-технического прогресса в целом, так и в формировании соответствующей инфраструктуры, обеспечивающей размещение научно-инновационных кластеров по регионам.

В целом, предлагаемая к обсуждению гипотеза, по мнению автора, может быть предложена к дальнейшему теоретическому исследованию, предполагающему изучение различных показателей и их корреляции в развитии процессов, описываемых как **глобальной волновой теорией**, так и **теорией инфраструктуры**, также связанной с её волновым, циклическим формированием и с её ролью как важнейшего

Таблица 2

Взаимосвязь циклов Кондратьева, технологических укладов и инфрациклов

Циклы Кондратьева	Технологические уклады [8]	Инфрациклы в пространственной организации социально-экономического развития
1-й цикл (1-я фаза глобализации)	Текстильные фабрики, промышленное использование каменного угля	Внешние и внутренние элементы производственной и финансовой инфраструктуры на низовом уровне национальных пространственных образований
2-й цикл (2-я фаза глобализации)	Угледобыча и чёрная металлургия, железнодорожное строительство, паровой двигатель	Элементы производственной, транспортной, инновационной и финансовой инфраструктуры на межсубъектном уровне более развитых национальных пространственных формирований
3-й цикл (3-я фаза глобализации)	Тяжёлое машиностроение, электроэнергетика, неорганическая химия, производство стали и электрических двигателей	Элементы производственной, транспортной, финансовой, институциональной, инновационной и интеллектуальной инфраструктуры на межрегиональном и межнациональном уровнях пространственной организации
4-й цикл (4-я фаза глобализации)	Производство автомобилей и других машин, химической промышленности, нефтепереработки и двигателей внутреннего сгорания, массовое производство	Элементы производственной, транспортной, финансовой, институциональной, инновационной, интеллектуальной и социальной инфраструктуры на межрегиональном и межнациональном уровнях пространственной структуры
5-й цикл (5-я фаза глобализации)	Развитие электроники, робототехники, вычислительной, лазерной и телекоммуникационной техники	Элементы производственной, транспортной, финансовой, институциональной, инновационной, информационной, интеллектуальной и социальной инфраструктуры на высших глобальных уровнях пространственной организации
6-й цикл (6-я фаза глобализации)	NBIC-конвергенция (конвергенция нано-, био-, информационных и когнитивных технологий)	Элементы нового вида инфрациклов – инфраструктуры высокотехнологической конвергенции, а также широкое развитие всех видов инфраструктуры с акцентом на её интеллектуальные составляющие на высших глобальных уровнях пространственной организации общества

фактора пространственного развития общества и его территориальных составляющих.

Список литературы

1. Кондратьев Н.Д. Большие циклы экономической конъюнктуры: Доклад // Проблемы экономической динамики. 2-е изд. М.: Экономика, 1989. С. 172–226.
 2. Кондратьев Н.Д., Опарин Д.И. Большие

циклы конъюнктуры: Доклады и их обсуждение в Институте экономики. 1-е изд. М., 1928. 287 с.

3. Краснопольский Б.Х. Инфраструктура в системе регионального хозяйственного комплекса Севера. М.: Наука, 1980. 145 с.
 4. Краснопольский Б.Х. Пространственные науки и их роль в изучении экономики пространственных образований // Пространственная экономика. 2010. № 1. С. 147–156.
 5. Меньшиков С.М., Клименко Л.А. Длинные

волны в экономике. Когда общество меняет кожу. М.: Международные отношения, 1989. 274 с.

6. Молчанов А.В. Гипотеза сети сознания (в развитие теории С.П. Капицы). URL: <http://www.hyperbolic-growth.ru/> (дата обращения: 23.04.2014).

7. Пространственные трансформации в российской экономике / Общ. ред. П.А. Минакира. Рос. акад. наук. Дальневост. отд-ние. Ин-т экон. исследований. М.: ЗАО «Экономика», 2002. 424 с.

8. Циклы Кондратьева. URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/Циклы_Кондратьева (дата обращения: 23.04.2014).

9. Schumpeter J.A. *Business Cycles. A Theoretical, Historical and Statistical Analysis of the Capitalist Process*. New York: McGraw-Hill Book Company, 1939, 461 p.

References

1. Kondratiev N.D. Long Cycles of the Market Conditions: Report. *Problems of the Economic Dynamic*. 2-nd edition. Moscow, 1989. Pp. 172–226. (In Russian)

2. Kondratiev N.D., Oparin D.I. *Long Cycles of the Market Conditions: Reports and Their Discussions in the Economic Institute*. 1-st edition. Moscow, 1928. 287 p. (In Russian)

3. Krasnopolski B. H. *Infrastructure in the System of the Regional Economic Complex of the North*. Moscow, 1980. 145 p. (In Russian)

4. Krasnopolski B.H. Spatial Sciences and Their Role in Study of the Economic Spatial Formations. *Prostranstvennaya ekonomika* [Spatial Economics]. 2010. No. 1. Pp. 147–156. (In Russian)

5. Menschikov S.M., Klimenko L.A. *Long Waves in Economics. When Society Changes a Skin*. Moscow, 1989. 274 p. (In Russian)

6. Molchanov A.V. *The Hypothesis of the Consciousness' Network (In Development of the S.P. Kapiza Theory)*. Available at: <http://www.hyperbolic-growth.ru/> (accessed 23 April 2014) (In Russian)

7. *Spatial Transformation in Russian Economy*. Ed. by P.A. Minakir. Moscow, 2002. 424 p. (In Russian)

8. *Kondratiev Cycles*. Available at:

http://ru.wikipedia.org/wiki/Циклы_Кондратьева (accessed 23 April 2014) (In Russian)

9. Schumpeter J.A. *Business Cycles. A Theoretical, Historical and Statistical Analysis of the Capitalist Process*. New York: McGraw-Hill Book Company, 1939, 461 p.

Для цитирования:

Краснопольский Б.Х. Длинные волны Кондратьева и инфраструктурные циклы в пространственной организации общества (гипотеза) // Регионалистика. 2014. Т. 1. № 1. С. 108–114.

For citing:

Krasnopolski B.Kh. Kondratiev Long Waves and Infrastructure Cycles in Spatial Organization of Society (the Hypothesis). *Regionalistica* [Regionalistics]. 2014. Vol. 1. No. 1. Pp. 108–114. (In Russian)

**ИЗОТОВ
Дмитрий
Александрович**

Кандидат экономических наук, старший научный сотрудник

Институт экономических исследований ДВО РАН,
ул. Тихоокеанская, 153,
Хабаровск, Россия, 680042

**IZOTOV
Dmitry
Alexandrovich**

Ph.D. in economics,
senior research fellow

Economic Research
Institute FEB RAS,
153, Tikhookeanskaya Street,
Khabarovsk, Russia, 680042

izotov@ecrin.ru

УДК 339.97

**РАЗВИТИЕ ВОСТОЧНЫХ РЕГИОНОВ
РОССИИ И СЕВЕРО-ВОСТОКА КИТАЯ
СКВОЗЬ ПРИЗМУ НАУЧНЫХ КОНФЕРЕНЦИЙ**

В очерке анализируется содержание материалов научных конференций, посвящённых проблемам российско-китайских отношений на региональном уровне. Определены изменения в обсуждаемых проблемах, риторике и тематике докладов, демонстрирующие некий застой в обсуждении проблем как стран СВА, так и российско-китайских отношений в частности. Предполагается, что для более успешного и содержательного обсуждения проблем необходимы совместные исследования, в результате которых будет происходить генерация концептуальных моделей развития российских и китайских регионов.

Регион, программа, научная конференция, Дальний Восток, Сибирь, Северо-Восток КНР

**DEVELOPMENT OF THE EASTERN REGIONS
OF RUSSIA AND NORTHEAST CHINA
THROUGH THE LENS OF
SCIENTIFIC CONFERENCES**

The essay analyzes the content of the materials of scientific conferences on the problems of Russian-Chinese relations at the regional level. Identified changes in the issues, report titles and rhetoric. It was showed a stagnation in the discussion about the problems of NEA and the Russian-Chinese relations. Author assumed that for a successful discussion of the problems it is require to create joint research, which will be a result of the generation of conceptual models of Russian and Chinese regions development.

Region, program, scientific conference, Russian Far East, Siberia, Northeast of China

© Изотов Д.А., 2014

Введение

Уже без малого десять лет прошло с момента демаркации государственной границы между Россией и Китаем. За эти годы Китай стал одним из главных торговых партнёров для России, существенно нарастив свой экспорт во многом благодаря предприятиям ТНК, расположенным на китайской территории. Обладая значительными запасами природных ресурсов, Россия за последнее десятилетие значительно нарастила поставки в Китай сырьевых товаров, в основном углеводородов. Частыми стали политические встречи между руководством двух стран как на высшем, так и на региональном уровнях. Одним словом, наблюдаемая положительная динамика развития двусторонних экономических и политических отношений создаёт формальные предпосылки для возникновения прочной основы дальнейшего сотрудничества.

В рамках данного периода (начиная со второй половины 2000-х гг.) представители исследовательского сообщества, бизнеса, а также власти и управления двух стран активно вовлекаются в обсуждение проблем социально-экономического развития и соразвития находящихся в непосредственной близости друг от друга дальневосточных регионов России и Северо-Востока Китая. Обсуждение данного круга вопросов происходит в рамках совместных научных форумов, конференций и круглых столов.

В данном очерке на основе анализа материалов научных встреч, касающихся обсуждения проблем российско-китайских отношений на региональном уровне, исследованы изменения в обсуждаемой на конференциях проблематике, в тематике, риторике и качестве докладов, а также в составе участников. В результате, как представляется, можно получить ответы на следующие вопросы: меняются ли проблемные приоритеты научных конференций? существует ли прогресс в обсужде-

нии проблем российско-китайского сотрудничества? способствуют ли указанные встречи обоюдному мониторингу и совместному изучению проблем развития и сотрудничества восточных регионов России и Северо-Востока КНР?

В качестве исходной информации были использованы как опубликованные материалы научных мероприятий, так и краткие заметки автора данного очерка, сделанные в качестве вовлечённого участника, о тех или иных конференциях, материалы которых по каким-либо причинам не публиковались. Настоящий очерк охватывает доклады, представленные на III–IV международных форумах по региональному сотрудничеству и развитию между Китаем и Россией (Харбин, 2005–2006 гг.), международной конференции о развитии российско-китайского сотрудничества по крупным проектам (Харбин, 2007 г.), I–VI международных форумов «Региональное развитие и сотрудничество в Северо-Восточной Азии» (Харбин, 2008–2010 гг. и 2013 г.), международной научной конференции «Сотрудничество между Дальним Востоком России и Северо-Востоком КНР: возможности и вызовы» (Харбин, 2012 г.), международного научного семинара «Сотрудничество российского Дальнего Востока со странами Северо-Восточной Азии в свете национального проекта «Развитие Дальнего Востока и Восточной Сибири» (Хабаровск, 2013 г.).

Для целей сопоставительного анализа необходимо обозначить краткое содержание вышеперечисленных научных встреч. Но прежде необходимо отметить, что в Китае имеется чёткая специализация исследовательских организаций в изучении России. В частности, Хэйлунцзянская и Харбинская академии общественных наук¹ (АОН) специализируются в исторических исследованиях, а также изучении социально-экономических проблем российских

¹ Китайская Академия общественных наук является структурным подразделением Академии наук КНР.

восточных регионов. Практически все перечисленные мероприятия были организованы или проходили при поддержке данных организаций. В этих мероприятиях принимали также участие исследователи АОН из провинций Цзилинь и Ляонин.

Международные форумы, организуемые Хэйлуцзянской и Харбинской академиями общественных наук

Международный форум по региональному сотрудничеству между Россией и Китаем [6], который проходил в 2005 г. в Харбине, можно охарактеризовать как попытку собрать вместе представителей власти, науки и бизнеса из восточных российских регионов (Дальний Восток и Сибирь) на китайской территории, предоставив трибуну для всех желающих. Предполагалось, что подписание договора о государственной границе между двумя государствами для китайской стороны заложит основу для широкомасштабного сотрудничества с Россией. Риторика докладов на пленарном заседании со стороны как руководства китайской АОН, так и научно-исследовательского института (НИИ) при Госсовете КНР, носила явно торжественный характер. Весьма часто китайские докладчики упоминали, что развитие регионального сотрудничества между странами имеет важное политическое значение, направленное против гегемонии и внешних сил, «клянясь» при этом в верности дальнейшему взаимодействию в духе добрососедства и взаимного доверия. При этом, несмотря на в целом позитивный фон китайских докладов, с китайской стороны эпизодически озвучивались вопросы, связанные с несовершенством таможенных и торговых процедур в двусторонних взаимодействиях (в основном – с «серой растаможкой»), а также с недостаточностью, с точки зрения докладчиков из КНР, привлечения в восточные регионы России трудовых ресурсов, весьма слабого инве-

стиционного сотрудничества ввиду высоких рисков на российской стороне. При этом представители Министерства коммерции КНР указывали на принципиальную возможность наращивания китайских инвестиций в российскую экономику. Практически в каждом докладе с китайской стороны упоминалось (но без конкретики) о том, что в Китае осуществляется Программа восстановления старопромышленной базы Северо-Востока, а для решения задачи развития Дальнего Востока и Сибири российской стороне необходимо принять в её реализации активное участие, поскольку, по мнению докладчиков из КНР, две экономики характеризуются взаимодополняемостью. Также нельзя не отметить доклады представителей местных органов власти (г. Харбин) и отраслевых ведомств (железная дорога провинции Хэйлуцзян), представленных в духе общих намерений сотрудничества с российской стороной. Что касается докладчиков с российской стороны, то в основном предоставляемая информация касалась текущего состояния и перспектив развития восточных регионов России, а также китайской стороне предлагались инвестиционные проекты в Сибири и на Дальнем Востоке. Как с российской, так и с китайской стороны были заметны доклады, посвящённые инновационному и аграрному сотрудничеству между КНР и Россией. Подавляющее большинство докладов были сделаны представителями академических институтов. В целом данное мероприятие предполагало некое «знакомство» китайской стороны с российскими коллегами, а поэтому его довольно сложно воспринимать как строгое, формальное ввиду отсутствия чётких тематических разграничений для обсуждения тех или иных проблем.

IV Международный форум по региональному сотрудничеству и развитию между Китаем и Россией [7] в 2006 г. был более хорошо структурированным по сравнению с предыдущей научной конференцией. Центральным направлением двусто-

ронного сотрудничества, по мнению представителей академического сообщества КНР, должен стать доступ Китая к энергетическим и лесным ресурсам восточных регионов России. Наиболее часто в китайских докладах упоминались перспективы построения нефтепровода из Сибири в провинцию Хэйлуцзян. Такое развитие событий соответствовало бы последовательно проводимой Китаем политике, реализуемой в Средней Азии, Латинской Америке и Африке, ключевой целью которой является получение доступа к сырьевым ресурсам, создание механизмов долгосрочной экономической привязки двустороннего развития торгово-экономического сотрудничества к интересам КНР. При этом представителями Института развития Европы и Азии при Госсовете Китая было выражено, как кажется, общее отношение китайской стороны к рискам сотрудничества КНР с Россией. Было заявлено, что в области энергетики с российской стороной работать сложно, поскольку в любой момент могут возникнуть различного рода неприятные неожиданности, и китайской стороне необходимо быть «более сообразительнее» для того, чтобы избежать этих неприятных инцидентов. Также были заслушаны доклады о возможности массового экспорта на российский рынок китайской продукции как транзитом через Северо-Восток КНР, так и из данного региона: автомобилей, разнообразных потребительских товаров и продуктов питания. Представители власти и управления провинции Хэйлуцзян высказали своё видение проблемы создания открытой зоны по переработке российского сырья в приграничной полосе с южными регионами Востока России. Для увеличения импорта сырьевых товаров из южных регионов Дальнего Востока в провинции Хэйлуцзян планировалось расширить пункты пропуска Суйфэньхэ–Пограничный и Дунин–Полтавка, а также построить мост между Благовещенском и Хэйхэ. По сравнению с 2005 г., в рамках данного фо-

рума всё меньше упоминались Программа восстановления старопромышленной базы Северо-Востока КНР и возможность участия в ней российских предприятий. С китайской стороны практически не были представлены доклады относительно инновационного сотрудничества между КНР и Россией. Тематика докладов с российской стороны в основном включала описание особенностей социально-экономического развития приграничных с Китаем сибирских и дальневосточных регионов, некоторых проектов, которые могли бы быть рассмотрены китайскими инвесторами, вопросы возможного инновационного сотрудничества, а также концептуальные аспекты развития приграничных регионов России.

В 2007 г. произошло вполне предсказуемое сужение тематики российско-китайского форума в пользу обсуждения крупных инвестиционных проектов [8]. Представителями китайской стороны стала декламироваться информация о тесных взаимосвязях Китая и Австралии как удачный пример развития взаимодополняющей торговли. Данную модель взаимодействия докладчики из КНР предлагали использовать в российско-китайском экономическом сотрудничестве. Всё более настойчивыми стали озвучиваться предложения по переориентации экспорта углеводородов в Китай, по широкомасштабному допуску китайского капитала в сырьевые проекты России, а также наращиванию взаимной торговли, в том числе за счёт сотрудничества в области финансов. При этом, однако, не отрицалось создание совместных производств, экспорта из России технологий в КНР. В целом, риторика китайских докладов строилась на основе неких указаний российской стороне: что Россия должна делать, чтобы нарастить экспорт сырьевых товаров в Китай (разведывать новые месторождения, осуществлять проекты с помощью китайских инвестиций и т.д.). Появились доклады, посвящённые анализу российского законодательства в

части изменения допустимой доли иностранных работников в сфере розничной торговли. Также были заслушаны ставшие уже традиционными доклады о расширении экономических связей между приграничными городами провинции Хэйлуцзян (прежде всего за счёт увеличения «челночной» торговли и упрощения процедур въезда), о совместном освоении острова Большой Уссурийский, о возможности сбыта продукции предприятий, расположенных в промышленном коридоре Харбин–Дацин–Цицикар, а также об обмене информацией в лесной отрасли. Российскими докладчиками был сделан акцент на анализе перспектив реализации федеральных целевых программ для развития Дальнего Востока и Сибири, текущем состоянии торговых и инвестиционных взаимодействий приграничных российских регионов с Китаем в целом, а также особенностях отраслевого развития на региональном уровне.

Существовавший ранее двусторонний формат форума в 2008 г. был расширен за счёт подключения к диалогу других стран Северо-Восточной Азии (СВА) [12]. В работе первого Форума регионального сотрудничества и развития стран СВА приняли участие исследователи, специалисты, представители власти, бизнеса и неправительственных организаций из России, Китая, Японии, Республики Корея и Монголии. Китайскими докладчиками было отмечено, что наблюдается активное воздействие быстрорастущей экономики КНР на развитие стран СВА. Также с бурным развитием китайской экономики напрямую были связаны задачи создания благоприятных условий для хозяйственного развития всех стран СВА, в том числе России и её восточных регионов. Произошла смена риторики китайских докладов по сравнению с прошлыми конференциями: Северо-Восток Китая начинает рассматриваться как ключевой регион в СВА, хотя Россия по-прежнему считается одним из ключевых партнёров КНР. В ря-

де китайских докладов (пусть эпизодично, но всё же) прозвучало некое опасение закрепления за Северо-Востоком Китая по сравнению с другими, более развитыми регионами КНР периферийной позиции с точки зрения выбора иностранными инвесторами проектов для инвестирования. Было отмечено, что китайские бизнесмены осуществляют внешнеторговые операции, минуя провинцию Хэйлуцзян. В ряде китайских докладов было озвучено, что провинции Хэйлуцзян следует развивать отношения не только с Дальним Востоком и Сибирью, но и с европейскими регионами России. Успешное развитие и последующая интеграция Северо-Востока КНР со странами СВА китайскими докладчиками виделись сквозь призму возрождения старопромышленной базы региона. Были заслушаны доклады о намерении городов Хэйхэ и Муданьцзян развивать зоны свободной торговли с приграничными российскими территориями. В докладах представителей Японии и Республики Корея прозвучал призыв к реанимации «застарелого» проекта Туманган, который может привлечь инвестиции из третьих стран, а корейские и японские банки готовы предоставлять кредиты для осуществления ключевых проектов экономического развития СВА. В докладе представителя Японии была выдвинута идея о создании в провинции Хэйлуцзян базы по производству сельскохозяйственных товаров, ориентированного на японский рынок. Монгольская сторона констатировала увеличение товарооборота с КНР, подтвердила принципиальную открытость страны с точки зрения доступа иностранного капитала в сырьевые проекты, а также выразила надежду на то, что будет создана транспортная инфраструктура, которая свяжет Россию с Китаем через Монголию. Российская сторона ограничилась, как и на предыдущих конференциях, обозначением текущей динамики торгово-экономического и инфраструктурного сотрудничества дальневосточных регионов с КНР, а также

экспортных возможностях российского энергетического и минерально-сырьевого комплексов.

В целом, II Форум регионального сотрудничества и развития стран СВА [10], прошедший в 2009 г. в Харбине, мало чем отличался от состоявшегося годом ранее, за исключением обсуждения кризисных тенденций в мировой экономике. Представителями китайской АОН в качестве основной идеи преодоления негативных тенденций мирового кризиса выдвигалась идея тесной региональной кооперации между странами СВА для противодействия негативным последствиям глобализации. Китайскими докладчиками было обозначено, что успешное развитие Северо-Востока Китая тесно связано со странами СВА, а также с реализацией Программы возрождения старопромышленных баз, которая может превратить регион в один из главных центров экономического развития страны, наряду с дельтами рек Янцзы и Жемчужной. Появились доклады, посвященные возможностям создания общих финансовых институтов. Представители провинции Цзилинь в общих чертах подняли вопрос о создании международного транспортного коридора в районе реки Туманной, а докладчики из провинции Ляонин указали на то, что помимо провинций Северо-Востока КНР в экономическую кооперацию необходимо вовлечь весь регион Бохайского залива. Было подчеркнуто, что сближение России и Китая мультиплицирует взаимную выгоду. Несмотря на реализацию антикризисных мер в КНР, ни в одном докладе не была представлена информация об этом, также не были рассмотрены промежуточные итоги реализации Программы восстановления старопромышленных баз на Северо-Востоке Китая. Представители японской, корейской, а также монгольской сторон фактически повторили информацию, представленную годом ранее. С российской стороны, помимо описания текущей экономической ситуации в ряде пригранич-

ных регионах Дальнего Востока и Восточной Сибири, были озвучены некоторые инновационные разработки институтов СО РАН.

На III Форуме регионального сотрудничества и развития стран СВА, который прошёл в Харбине в 2010 г. [11], помимо традиционных докладов о взаимосвязанности стран большой тройки СВА, можно было наблюдать борьбу мнений, развернувшуюся между представителями Китая и Японии, относительно того, какая из стран будет главным потребителем сырьевой продукции из России. Китайской стороной по-прежнему делался акцент на реализации Программы возрождения северо-восточных провинций КНР, как главного генератора интеграционных процессов стран СВА. Было отмечено, что Китаю определена ключевая роль в интеграционных процессах в регионе СВА с точки зрения трёх аспектов: сотрудничества в промышленном производстве, кооперации в транспортной системе и доступа к ресурсам России, Монголии и КНДР. Китайскими докладчиками была высказана идея о более тесном российско-китайском экономическом сотрудничестве в контексте структурной перестройки экономики России. Отмечалось, что КНР может выступить в качестве одного из рынков сбыта высокотехнологичной продукции из России, принять участие в освоении и переработке российских природных ресурсов. Представителями провинций Ляонин и Цзилинь было представлено общее видение китайской стороной перспектив развития проекта Туманган с точки зрения создания транспортной инфраструктуры и технопарков на китайской территории.

Представители корейского исследовательского сообщества предложили создать зону свободной торговли между КНР, Японией и Республикой Корея, которая в ещё большей степени обезопасит экономику указанных стран от внешних кризисных воздействий. Также была озвучена информация о готовности корейских банков

принять участие в реализации Программы возрождения северо-восточных провинций КНР в области развития энергетики, лесной и нефтехимической отраслей. Японские докладчики выразили уверенность в том, что наряду с Программой возрождения северо-восточных провинций КНР, другой силой, способствующей интеграции экономик стран СВА, станет полномасштабное развитие дальневосточных и сибирских регионов России. Также представителями Японии было высказано мнение, что в ближайшем будущем Россия выступит для японской экономики в качестве одного из основных поставщиков продукции топливно-энергетического комплекса. И корейские, и японские докладчики затронули проблематику отношений с КНДР. В связи с ростом масштабов китайской экономики был отмечен рост её влияния на КНДР. Вследствие этого, по мнению представителя научного сообщества с корейской стороны, КНР является реальной силой, влияющей на экономическое и политическое развитие КНДР. Также японской стороной было обозначено, что будущее проекта Туманган зависит от стабильности отношений между КНДР и КНР, поскольку получить выход к Японскому морю для Китая можно только через северо-корейские порты. Представители Монголии, помимо озвучивания информации об ускоренном развитии сырьевых отраслей, предложили проекты по привлечению в страну туристов из СВА.

Докладчиками из России было обозначено, что Российская Федерация в перспективе станет для стран СВА крупнейшим поставщиком природных ресурсов. Была высказана позиция, что России в энергетическом и транспортном формате взаимодействий объективно принадлежит ключевая роль, как с точки зрения обеспечения ресурсной базы потенциальной многосторонней интеграции, так и предоставления своей транспортной сети для налаживания эффективных грузовых перевозок между странами СВА и Европой. Но, как

было отмечено, для текущего контроля и координации взаимосвязанных звеньев трансграничного сотрудничества между странами СВА необходима единая система международного трансграничного мониторинга.

Прошедший в 2013 г. VI Международный форум регионального сотрудничества и развития стран СВА наглядно продемонстрировал инерционность в обсуждаемой проблематике. Китайские докладчики по прежнему рапортовали о больших перспективах российско-китайского сотрудничества в СВА на основе добрососедства, доверия и сближения позиций по целому ряду политических вопросов между странами. Японские докладчики, за некоторым исключением, которое касалось российско-японского сотрудничества в торговле углеводородами, сообщали о перспективах развития проекта Туманган (правда, в несколько модернизированном виде), а представители Республики Корея сделали акцент на росте корейско-китайских культурных обменов и путях углубления экономических взаимодействий между странами. Монгольская сторона также не была оригинальной с точки зрения освещения общей информации по разработке месторождений минерального сырья в стране. Представители России в основном остановились на перспективах реализации совместных проектов в рамках Программы сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири России и Северо-Востока КНР на 2009-2018 гг.

Международные научные конференции, проводимые при участии Шанхайской академии общественных наук и Шанхайской академии международных исследований

Помимо посвящённых региональному сотрудничеству научных форумов, про-

водимых при участии Хэйлунцзянской и Харбинской АОН, в последние годы наблюдается расширение географии занимающихся изучением проблем восточных регионов России научных организаций за счёт НИИ из других районов КНР. Необходимо отметить активизацию шанхайских НИИ в организации круглых столов, посвящённых проблемам сотрудничества между Дальним Востоком России и Северо-Востоком Китая, для обсуждения проблем как российско-китайского экономического взаимодействия в целом, так и реализации региональных программ в частности. К данным организациям прежде всего относятся Шанхайская академия общественных наук (ШАОН) и Шанхайская академия международных исследований (ШАМИ).

В 2012 г. в Харбине прошла Международная научная конференция «Сотрудничество между Дальним Востоком России и Северо-Востоком КНР: возможности и вызовы» [2], организаторами которой выступили ШАМИ и Канцелярия иностранных дел Народного правительства провинции Хэйлунцзян. Центральной темой конференции было обсуждение итогов Программы сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири России и Северо-Востоком КНР, а также перспектив российско-китайского сотрудничества. По мнению представителей АОН, Китай в настоящее время стал главным потребителем ресурсного экспорта Дальнего Востока России, однако инвестиционное сотрудничество между странами в приграничных регионах развивается не так активно, как торговля. Китайская сторона высказала позицию, согласно которой Россия могла бы стать стратегическим партнёром для «большой тройки» стран СВА с точки зрения как поставок природных ресурсов, так и привлечения капиталов в инфраструктурные проекты Дальнего Востока. Китайскими докладчиками был отмечен высокий уровень стратегического партнёрства между Россией и

Китаем, поскольку структуры российской и китайской экономик являются взаимодополняющими. Однако, как было озвучено, проекты, заложенные в Программе сотрудничества, реализуются крайне медленно. Отмечалась ограниченность существующей модели торговых взаимоотношений между странами и доказывалась необходимость перехода двустороннего сотрудничества на новый уровень. Российскими докладчиками были представлены перспективные оценки развития Дальнего Востока, проблемы российско-китайских финансовых взаимоотношений, а также обозначены возможности реализации совместных с Китаем проектов в области энергетики и инфраструктуры.

Открытый научный семинар «Сотрудничество российского Дальнего Востока со странами Северо-Восточной Азии в свете национального проекта «Развитие Дальнего Востока и Восточной Сибири», который состоялся 9 апреля 2014 г. в Хабаровске, был проведён в Институте экономических исследований ДВО РАН совместно с ШАОН¹.

По мнению Пан Давэя, директора Центра исследований России и Центральной Азии ШАОН, в КНР осознаётся и приветствуется долгосрочное намерение России диверсифицировать экспортные потоки углеводородов в пользу стран СВА на основе многостороннего сотрудничества. Докладчик заметил, что вначале необходимо создать общий формат взаимодействия между Россией, Китаем и Республикой Корея, как стран, не имеющих территориальных споров и характеризующихся взаимодополняемостью экономик. На основе взаимного доверия, взаимопонимания и открытости необходимо стремиться достичь взаимной выгоды в процессе поэтапного развития Дальнего Востока. По мнению докладчика, актуальным стало проведение совместных научных исследований

¹ Подробнее о данном событии см. в журнале «Пространственная экономика» (№ 2 за 2014 г.).

развития приграничных регионов.

В докладах российских участников было отмечено, что основным вектором экономического развития Дальнего Востока является рынок стран СВА. На Дальнем Востоке будут созданы территории опережающего развития с развитой инфраструктурой, системой льгот и максимальным упрощением различного рода процедур, обеспечивающих производственную деятельность. Было озвучено, что основной проблемой неудовлетворительной реализации проектов, заложенных в Программе сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири России и Северо-Востока КНР на 2009-2018 гг. является отсутствие заинтересованности китайской стороны в участии в большинстве проектов, расположенных на российском Дальнем Востоке. Многие российские проекты не реализуются из-за того, что ни государственные структуры, ни крупный российский бизнес не спешат вкладывать капитал в развитие обрабатывающих отраслей экономики. Основными факторами, сдерживающими китайские инвестиции в проекты Программы, являются нерентабельность предложенных проектов ввиду неблагоприятной внешней конъюнктуры, а также высокие сравнительные издержки, отсутствие свободного доступа к месторождениям федерального значения, неразвитость инфраструктуры, необходимой для реализации проектов. Тем не менее, как было отмечено, несмотря на в целом малый объем китайских инвестиций в приграничные российские регионы, в некоторых отраслях они играют весьма весомую роль.

Заключение

Проанализировав содержание китайских докладов, можно заключить, что Китай демонстрирует свой ничем не скрываемый интерес к совместной реализации ряда крупных ресурсных проектов на территории Дальнего Востока и Восточной

Сибири. Китайская сторона последовательно реализует политику диверсификации импорта сырьевых товаров, и Россия, следуя этой логике, рассматривается как потенциально лояльная для КНР страна. Настойчиво говорится о том, что назрела необходимость выделения реальных совместных проектов развития на российской территории, а также подробного описания механизмов их реализации. Утверждается, что недостаток финансовых возможностей российских компаний может быть восполнен за счёт средств китайского бизнеса. Такая политика Китая в условиях усиления международной конкуренции за освоение месторождений углеводородов и контроль над другими ресурсами вызывает обострение противоречий между странами СВА.

Наблюдается смена риторики в докладах представителей академических институтов Китая: от торжественных заявлений о возможности получения монопольного доступа к ресурсам восточных регионов России и нарочитой предвзятости, связанной с перспективами «масштабных» преобразований экономики Северо-Востока КНР, до признания того, что, ввиду глобализации и специфической позиции российской стороны, китайским корпорациям будет довольно сложно закрепиться в ресурсном секторе Сибири и Дальнего Востока, а северо-восточные провинции Китая в рамках национальной экономики могут лишь упрочить свой периферийный статус. В провинции Хэйлунцзян рассматривают сотрудничество с дальневосточными и сибирскими регионами России как источник дополнительного роста своей экономики, преимущественно за счёт приграничной торговли, переработки сырьевых товаров, прежде всего леса, а также привлечения российских туристов. В последние годы практически не обсуждаются проблемы научного сотрудничества, привлечения китайской рабочей силы, а также возможности создания совместных предприятий, как в промышленности, так и в

сельском хозяйстве. В китайских докладах чувствуется определённая «нервозность» и неудовлетворённость относительно реализации Программы сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири России и Северо-Востока КНР.

С конца 2000-х гг. произошло экстенсивное расширение существовавшего ранее двустороннего формата за счёт привлечения представителей главным образом дипломатического корпуса из Японии, Республики Корея и Монголии. Нельзя не отметить того факта, что уровень подготовки докладчиков, присутствующих на конференциях в г. Харбин, постепенно снижается. На подобного рода конференциях можно получить информацию о текущем состоянии экономики и об эффективности реализации различного рода программ развития Дальнего Востока и Восточной Сибири, о проблемах в российской экономике, о перспективах развития «долгоиграющего» проекта Туманган, о высоких отношениях России и Китая на политическом уровне и «светлой» перспективе развития торгово-экономического сотрудничества. Однако на данных конференциях практически невозможно «почерпнуть» конкретную информацию, затрагивающую структурные проблемы китайской экономики или эффективность реализации плана возрождения старопромышленных баз Северо-Востока КНР, а также антикризисной Программы Китая. С этой точки зрения процессы, происходящие в китайской экономике, представлены на конференциях подобного плана как некий «чёрный ящик». Возможно, помимо установления и поддержания научных связей, для Китая подобные конференции выполняют функцию аккумуляции информации по экономическим и политическим приоритетам развития России.

Анализ тематических приоритетов представленных в обзоре научных конференций показал следующие трансформации, произошедшие за последние десять лет: 2005–2006 гг. – исследование проблем

двустороннего торгового сотрудничества; 2007–2008 гг. – изучение взаимодействий в контексте реализации инвестиционных проектов; 2009–2014 гг. – оценка реализации Программ развития и соразвития дальневосточных и сибирских регионов и северо-восточных провинций КНР. Предполагается, что для более успешного и содержательного обсуждения проблем необходимы совместные исследования, в результате которых будет происходить генерация концептуальных моделей развития и соразвития как восточных регионов России и Северо-Востока КНР, так и СВА в целом. В частности, это касается ряда работ Института экономических исследований ДВО РАН, а именно: перспективных оценок совместного развития стран региона [9], моделирования приграничного сотрудничества [5], изучения пространственных трансформаций и экономического районирования [1], исследования проблем отраслевых взаимодействий [4] и программ соразвития [3] и т.д. В противном случае застой в обсуждении проблем как региона СВА, так и российско-китайских отношений будет только усиливаться.

Список литературы

8. Демьяненко А.Н., Изотов Д.А. Территориальная организация экономики КНР и проблема экономического районирования // *Пространственная экономика*. 2008. № 1. С. 43–61.
9. Изотов Д.А. Международная научная конференция «Сотрудничество между Дальним Востоком России и Северо-Востоком КНР: возможности и вызовы» // *Пространственная экономика*. 2012. № 4. С. 182–184.
10. Изотов Д.А., Сулов Д.В. Пока только намерения: первые итоги реализации программы сотрудничества между восточными регионами России и Северо-Востоком КНР (2009-2018 гг.) // *ЭКО*. 2011. № 3. С. 160–178.
11. Калашников В.Д. Планирование территориально-производственной структуры ТЭК России // *Пространственная экономика*. 2005. № 3. С. 85–105.
12. Минакир П.А. Экономика регионов. Даль-

ний Восток / отв. ред. А.Г. Гранберг; Рос. акад. наук, Дальневост. отд-ние, Ин-т экон. исследований. М.: Экономика, 2006. 848 с.

13. Сборник докладов III Международного форума по региональному сотрудничеству и развитию между Китаем и Россией. Харбин, 2005. 509 с.

14. Сборник докладов IV Международного форума по региональному сотрудничеству и развитию между Китаем и Россией. Харбин, 2006. 501 с.

15. Сборник докладов международной конференции о развитии российско-китайского сотрудничества по крупным проектам. Харбин, 2007. 318 с.

16. Синтез научно-технических и экономических прогнозов: Тихоокеанская Россия – 2050 / под ред. П.А. Минакира, В.И. Сергиенко. Владивосток: Дальнаука, 2011. 912 с.

17. Collections of the Second International Forum on Northeast Asia Regional Cooperation and Development. Harbin, China. 2009. 162 p.

18. Collections of the Third International Forum on Northeast Asia Regional Cooperation and Development. Harbin, China. 2010. 551 p.

19. Proceedings of First International Forum on Northeast Asia Regional Cooperation and Development. Harbin, China. 2008. 225 p.

References

8. Demyanenko A.N., Izotov D.A. Spatial Organization of Chinese Economy and Economic Zoning Issue. *Prostranstvennaya ekonomika* [Spatial Economics]. 2008. No. 1. Pp. 43–61. (In Russian)

9. Izotov D.A. The International Scientific Conference «The Cooperation between the Russian Far East and the North-East of China: Opportunities and Challenges». *Prostranstvennaya ekonomika* [Spatial Economics]. 2012. No. 4. Pp. 182–184. (In Russian)

10. Izotov D.A., Suslov D.V. Interim Results of Realization of the Program of Cooperation between the Eastern Regions of Russia and Northeast China (2009-2018). *ЕКО*, 2011. No. 3. Pp. 160-178. (In Russian)

11. Kalashnikov V.D. Planning of Territorial-Production Structure of Russia's Fuel-and-Energy Complex. *Prostranstvennaya ekonomika* [Spatial

Economics]. 2005. No. 3. Pp. 85–105. (In Russian)

12. Minakir P.A. *Regions' Economics. Russian Far East*. Ed. by A.G. Granberg. Economic Research Institute, Far eastern branch, RAS. Moscow, 2006. 848 p. (In Russian)

13. *Collections of the III International Forum on Regional Cooperation and Development between China and Russia*. Harbin, China. 2005. 509 p. (In Russian & Chinese)

14. *Collections of the IV International Forum on Regional Cooperation and Development between China and Russia*. Harbin, China. 2006. 501 p. (In Russian & Chinese)

15. *Collections of the International Conference on Sino-Russian Collaboration by Huge Projects*. Harbin, China. 2007. 318 p. (In Russian & Chinese)

16. *The Synthesis of Scientific-Technological and Economic Forecasts: Pacific Russia – 2050* / ed. by P.A. Minakir, V.I. Sergienko. Vladivostok, 2011. 912 p. (In Russian)

17. *Collections of the Second International Forum on Northeast Asia Regional Cooperation and Development*. Harbin, China. 2009. 162 p.

18. *Collections of the Third International Forum on Northeast Asia Regional Cooperation and Development*. Harbin, China. 2010. 551 p.

19. *Proceedings of First International Forum on Northeast Asia Regional Cooperation and Development*. Harbin, China. 2008. 225 p.

Для цитирования:

Изотов Д.А. Развитие восточных регионов России и Северо-Востока Китая сквозь призму научных конференций // Регионалистика. 2014. Т. 1. № 1. С. 115–125.

For citing:

Izotov D.A. Development of the Eastern Regions of Russia and Northeast China through the Lens of Scientific Conferences. *Regionalistica* [Regionalistics]. 2014. Vol. 1. No. 1. Pp. 115–125. (In Russian)

**МОШКОВ
Анатолий
Владимирович**

Доктор географических наук,
заведующий лабораторией
Тихоокеанский институт
географии ДВО РАН,
ул. Радио, 7
Владивосток, Россия, 690041

**MOSHKOV
Anatoly
Vladimirovich**

Doctor of geography,
head of laboratory
Pacific Institute of
Geography FEB RAS,
7, Radio Street,
Vladivostok, Russia, 690041

mavr@tig.dvo.ru

© Мошков А.В., 2014

УДК 911.3 (571.6)

**КРАТКИЕ ЗАМЕТКИ ПО ПОВОДУ
АТЛАСА «ЭКОНОМИЧЕСКОЕ
ПРОСТРАНСТВО ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО
ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА
В ГЕОГРАФИЧЕСКИХ КАРТАХ»**

**THE SHORT NOTES ABOUT «ECONOMIC
SPACE OF FAR EAST FEDERAL DISTRICT
ON GEOGRAPHICAL MAPS»**

Об экономическом пространстве много чего написано, но автор данной рецензии ещё не встречал атласа, авторы которого бы ставили себе целью «воспроизведение и описание экономического пространства Дальневосточного федерального округа» [14, с.4].

Не мудрствуя лукаво, авторы рецензируемой работы рассматривают экономическое пространство как «пространственную проекцию экономики, в данном случае экономики ДФО» [14, с.4]. Наверное, и академик П.А. Минакир, ответственный редактор, и Д.С. Вишневский и А.Н. Демьяненко, авторы большинства текстов и карт, представленных в атласе, могли бы дать и более строгое определение экономического пространства.

Впрочем, позиция упомянутых исследователей относительно того, что есть экономическое пространство, уже была изложена ими в целом ряде публикаций (см., например: [5–7, 11]). К тому же есть и другие подходы к определению экономического пространства; в частности, и в настоящее время представляет интерес определение пространственной организации экономики, данное Э.Б. Алаевым [1]. Но вряд ли детальные теоретические изыскания были бы уместны в атласе, ориентированном на то, чтобы содержащиеся в нём картографические и текстовые материалы использовались «региональными органами управления и власти, а также научно-исследовательскими и проектными организациями» [14, с.4].

Научная новизна рассматриваемой работы заключается в решении частной научной задачи – в проведении анализа

природно-хозяйственных и социально-экономических процессов, протекающих на территории Дальневосточного федерального округа, а также в его субъектах, и на этой основе – в выявлении сущностных свойств экономического пространства (неоднородности, иерархичности, характера взаимодействия с другими видами социального пространства и природной среды) с использованием методов экономического картографирования.

Многоуровневость проведённого исследования объясняет структуру атласа, который содержит две группы карт, объединённых в соответствующие разделы: «Обзорные карты ДФО» и «Карты субъектов РФ». В первой группе карт большое внимание уделено картографической оценке природных условий жизни населения и экономической деятельности в ДФО. Для количественной оценки биоклиматических условий авторы предлагают использовать индекс влажного ветрового охлаждения по Хиллу (индекс Хилла), который позволяет отразить особенности пространственной неоднородности условий проживания или степени комфортности проживания населения на территории ДФО¹. Однако, на наш взгляд, кроме индекса ветрового охлаждения по Хиллу, следует использовать интегральный показатель комфортности проживания населения, с использованием совокупности биоклиматических индексов².

Следует положительно отметить использование авторами для характеристики степени агрессивности природной среды по отношению к экономике и жизнедеятельности населения такие природные яв-

ления как вулканические процессы, сейсмичность и цунами, многолетнюю мерзлоту и т.д., которые действительно могут существенно ухудшить условия хозяйственной деятельности и даже представляют угрозу жизни и здоровью населения ДФО.

Представленные в атласе оценки базируются на статистических материалах Росстата России и данных территориальных органов Федеральной службы государственной статистики по субъектам Дальневосточного федерального округа. Размещённые в атласе диаграммы и графики иллюстрируют динамику показателей социально-экономического состояния как Дальневосточного федерального округа в целом, так и входящих в него субъектов РФ. Практическая значимость атласа заключается в том, что он даёт пользователю возможность визуализации информации, отражающей как экономические структуры, сформировавшиеся на территории ДФО, так и природные и социальные условия, в которых эти структуры функционируют.

При этом следует отметить, что отсутствие в атласе карт экономического районирования территории и акваторий ДФО значительно снижает возможность использования рецензируемой работы как инструмента социально-экономического прогнозирования перспектив развития ДФО и его отдельных субъектов³.

Основной принцип, закладываемый в основу экономического районирования – это достижение определённой целостности экономических районов. В этом случае основой экономического района становится территориальная хозяйственная система, состоящая из сочетания территориальных структур хозяйства. В последних можно выделить звенья, составляющие специали-

¹ В этой связи не совсем понятно, почему в атласе не нашлось места для картосхем ДФО, составленных на основе расчёта индекса Хилла. Хотя такие картосхемы были в своё время сделаны [2].

² Сводка биоклиматических показателей, равно как и показателей, описывающих пространственную дифференциацию комфортности / дискомфорта жизнедеятельности населения, содержится, в частности, в [2].

³ Это тем более удивительно, что в последние годы было предпринято несколько попыток по экономическому районированию ДФО [6; 7], а дальневосточными исследователями выполнены монографические исследования по теоретическим и общим вопросам экономического районирования [9; 12].

зацию района, а также обслуживающие структуры [3]. Экономическое районирование как разделение территории в соответствии с её экономико-географическими свойствами, природно-ресурсным и социально-экономическим потенциалом определяет общие наиболее устойчивые контуры географического разделения труда и специализации, основные черты межрайонных связей выделяемых экономических районов. В этой связи экономическое районирование задаёт основные направления развития территориальных структур хозяйства и населения, и является основой упорядочения административно-территориального устройства.

В настоящее время основным объектом территориального управления являются административно-территориальные образования – от низовых муниципальных до мезорайонов уровня субъектов Российской Федерации. Выделение всей иерархии экономических районов следует рассматривать и как основу формирования сетки административно-территориальных единиц соответствующих уровней. В то же время в экономическом районировании следует учитывать и новые явления в социально-экономическом развитии страны [9; 12]. В частности, следует уделять больше внимания изучению роли природных ресурсов в оценке перспектив развития восточных территорий России, в обеспечении стратегической геополитической задачи – лидерства страны в мировой экономике. При этом важно учитывать «природные возможности» территории, в том числе природные ресурсы, географическое положение, традиционное природопользование, национальный состав, многообразие культурных традиций и т.д. [13].

По мнению М.Т. Романова [12], формулируя новые подходы (принципы) к экономическому районированию весьма специфичного российского Дальнего Востока в изменившихся политико-экономических условиях в стране, следует исходить из того, что сетка районов должна

обеспечивать приближение их к финансовой, ресурсной, структурной самодостаточности в целях устойчивого функционирования и повышения уровня жизни населения. Она должна быть унифицированной и обеспечивать интегральную «равновесность» формируемых в их пределах субъектов по основным характеристикам: размерам занимаемой территории, экономическому и демографическому потенциалам.

Рецензент уделил столь много внимания проблеме экономического районирования Дальнего Востока вовсе не для того, чтобы попенять авторам атласа, что они не уделили этой проблеме должного места, но исключительно по причине её значимости для понимания структуры экономического пространства. Хотя справедливости ради следует отметить, во-первых, последовательное использование авторами атласа инструментария экономического зонирования и, во-вторых, выявление и картографирование «ареалов концентрации экономической деятельности», которые во второй части атласа нередко рассматриваются как актуальные или потенциальные ядра экономических районов¹.

И завершая тему экономического районирования, рецензент отдаёт себе отчёт в том, что авторы атласа вполне могли исходить из другого посыла, а именно: схем экономического районирования, пригодного на все случаи жизни, просто не существует. Экономическое районирование всегда выстраивается под вполне определённую цель, иначе говоря, бесцельного районирования не бывает [9].

¹ При этом авторы атласа, возможно, зря отказались от картографирования прогнозных состояний экономического пространства в целом и его отдельных элементов, например, таких, как экономические центры. Хотя в уже упоминавшихся работах [3; 6; 7; 12], выполненных в том числе и авторами атласа, содержатся не только описания тенденций пространственного развития экономики, но и даётся описание возможных состояний территориальной организации экономики Дальнего Востока.

Следовательно, карты в совокупности с сопровождающими их текстами могут послужить для пользователей атласа полезным материалом при формировании гипотез относительно будущего состояния пространственной организации экономики региона, в том числе и при разработке схем как интегрального, так и частных видов экономического районирования.

Что же касается содержания карт атласа и сопроводительных текстов, то они просто хороши. Программа атласа, получившая отражение в его структуре и системе условных обозначений, логична и адекватна тем задачам, которые ставили перед собой авторы рецензируемого картографического произведения.

Предпринятый авторами синтез огромных объёмов статистической информации и информации, содержащейся в работах экономистов, географов и демографов, посвящённых Дальнему Востоку, позволяет им выйти на интересные выводы и обобщения относительно современного состояния хозяйственных структур пространственной экономики Дальневосточного федерального округа.

В частности, делимитация экономического пространства в пределах макрорегиона, каковым является ДФО, на макроэкономические зоны и макроэкономические сектора предоставляет возможность по новому осветить проблему однородности / неоднородности экономического пространства как начального этапа разработки стратегий макрорегиона.

Обобщение и визуализация информации о состоянии природной среды, демографической и социально-экономической ситуации в макрорегионе свидетельствует о том, что междисциплинарный синтез в исследовании экономического пространства не просто желателен, но и возможен¹. Как раз методы традиционного экономического картографирования могут

служить одним из инструментов обеспечения такого синтеза.

Атлас можно рекомендовать специалистам, занимающимся изучением проблем территориального развития и управления в Дальневосточном федеральном округе. Атлас особенно актуален в свете того большого интереса со стороны федеральных властей, который они проявляют к развитию Дальневосточного федерального округа, а со стороны ведущих российских и зарубежных компаний – к освоению богатейшего потенциала этого региона.

В заключение: с глубоким сожалением рецензент отмечает, что рассматриваемая работа стала для Д.С. Вишневого последним завершённым трудом, поэтому посчитал своим долгом обратить внимание читателей на «Избранные труды» [4], в которые вошли не только основные работы Д.С. Вишневого, но и очерк, посвящённый его научному творчеству [8].

Список литературы

1. *Алаев Э.Б.* Социально-экономическая география: Понятийно-терминологический словарь. М.: Мысль, 1983. 350 с.
2. *Андреев С.С.* Интегральная оценка климатической комфортности на примере территории Южного Федерального округа России. СПб.: РГГМУ, 2012. 262 с.
3. *Бакланов П.Я., Мошков А.В., Романов М.Т.* Территориальные структуры хозяйства и экономические районы в долгосрочном развитии российского Дальнего Востока // Вестник ДВО РАН. 2011. № 2. С. 18–28.
4. *Вишневский Д.С.* Избранные труды. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2013. 320 с.
5. *Вишневский Д.С., Демьяненко А.Н.* Макроэкономическое зонирование как метод регионального стратегического анализа: Дальний Восток России // Пространственная экономика. 2010. № 4. С. 6–31.
6. *Вишневский Д.С., Демьяненко А.Н.* Внутрорегиональное разнообразие // Тихоокеанская Россия – 2030: сценарное прогнозирование регионального развития / под ред. П.А. Минакира. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2010.

¹ О необходимости и возможных направлениях такого синтеза см. [11].

С. 148–168.

7. Демьяненко А.Н. Пространственная дифференциация условий экономического освоения и развития // Синтез научно-технических и экономических прогнозов: Тихоокеанская Россия – 2050 / под ред. П.А. Минакира, В.И. Сергиенко. Владивосток: Дальнаука, 2011. С. 675–704.

8. Демьяненко А.Н. Очерк научной и педагогической деятельности // Вишневецкий Д.С. Избранные труды. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2013. С. 12–21.

9. Демьяненко А.Н. Экономическое районирование: вопросы теории и истории. Ч. I. Хабаровск: Хабаровская краевая типография, 2010. 224 с.

10. Демьяненко А.Н., Демьяненко Н.А. Опыт количественной оценки биоклиматических условий для целей регионального стратегирования (на примере Дальнего Востока) // Пространственная экономика. 2012. № 4. С. 138–154.

11. Минакир П.А., Демьяненко А.Н. Общественное развитие: междисциплинарное взаимодействие пространственных проекций // Пространственная экономика. 2011. № 4. С. 124–134.

12. Романов М.Т. Территориальное устройство хозяйства и населения на Российском Дальнем Востоке. Владивосток, Дальнаука, 2004. 232 с.

13. Тулохонов А.К. Политическая география Северной Азии в условиях глобализации. Улан-Удэ: ЭКОС, 2014. 256 с.

14. Экономическое пространство Дальневосточного федерального округа в географических картах: научно-справочный атлас / отв. ред. П.А. Минакир. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2013. 36 с.

References

1. Alaev A.B. *Socioeconomic Geography: Conceptual-Terminological Dictionary*. Moscow, 1983. 250 p. (In Russian)
2. Andreev S.S. *Integrated Evaluation of Climatic Comfort on the Example of the Territory of the Southern Federal District of Russia*. S.-Petersburg, 2012. 262 p. (In Russian)
3. Baklanov P.Ya., Moshkov A.V., Roma-

nov M.T. Territorial Structures of Economy and Economic Regions in the Long-term Development of the Russian Far East. *Vestnik Dalnevostochnogo otdelenia Rossiiskoy akademii nauk* [Letters of the FEB RAS]. 2011. No. 2. Pp. 18–28. (In Russian)

4. Vishnevskiy D.S. *Selected Works*. Khabarovsk, 2013. 320 p. (In Russian)

5. Vishnevskiy D.S., Demyanenko A.N. Macroeconomic Zoning as a Method of Strategic Analysis: the Russian Far East. *Prostranstvennaya ekonomika* [Spatial Economics]. 2010. No. 4. Pp. 6–31. (In Russian)

6. Vishnevskiy D.S., Demyanenko A.N. Intra-Regional Diversification. In: *The Pacific Russia – 2030: Scenario Forecasting for Regional Development*. Ed. by P.A. Minakir. Khabarovsk, 2010. Pp. 148–168. (In Russian)

7. Demyanenko A.N. Spatial Differentiation of the Conditions for Economic Development and Growth. In: *The Synthesis of Scientific-Technological and Economic Forecasts: Pacific Russia – 2050*. Ed. by P.A. Minakir, V.I. Sergienko. Vladivostok, 2011. Pp. 675–704. (In Russian)

8. Demyanenko A.N. An Essay of the Scientific and Pedagogical Activities. In: Vishnevskiy D.S. *Selected Works*. Khabarovsk, 2013. Pp. 12–21. (In Russian)

9. Demyanenko A.N. *Economic Zoning: Questions of Theory and History*. Part I. Khabarovsk, 2010. 224 p. (In Russian)

10. Demyanenko A.N., Demyanenko N.A. The Experience of Quantitative Evaluation of Bioclimatic Conditions for the Regional Strategy Objectives (on the Example of the Russian Far East). *Prostranstvennaya ekonomika* [Spatial Economics]. 2012. No. 4. Pp. 138–154. (In Russian)

11. Minakir P.A., Demyanenko A.N. Social Development: Interdisciplinary Interactions of Spatial Projections. *Prostranstvennaya ekonomika* [Spatial Economics]. 2011. No. 4. Pp. 124–134. (In Russian)

12. Romanov M.T. *The Territorial Organization of Economy and Population in the Russian Far East*. Vladivostok, 2004. (In Russian)

13. Tulokhonov A.K. *Political Geography of Northern Asia in the Conditions of Globalization*. Ulan-Ude, 2014. 256 p. (In Russian)

14. *Economic Space of Far East Federal District on Geographical Maps: Scientific-Reference Atlas*. Ed. by P.A. Minakir. Khabarovsk, 2013. 36 p. (In Russian)

Для цитирования:

Мошков А.В. Краткие заметки по поводу атласа «Экономическое пространство Дальневосточного федерального округа в географических картах» // Регионалистика. 2014. Т. 1. № 1. С. 126–131.

For citing:

Moshkov A.V. The Short Notes about «Economic Space of Far East Federal District on Geographical Maps». *Regionalistica* [Regionalistics]. 2014. Vol. 1. No. 1. Pp. 126–131. (In Russian)

Regionalistica

[Regionalistics]

2014 Vol. 1 No. 1

Electronic scientific journal
regionalistica.org

The journal's periodicity:
6 times a year

Founder:

Federal State Budgetary
Scientific Institution
The Economic Research Institute,
Far-Eastern Branch of
the Russian Academy of Sciences
(Khabarovsk)

Registered by the Federal Service
for Supervision of Communications,
Information Technology, and Mass
Media. Registration certificate
Эл № ФС77-57151 of March 11,
2014.

The authors are fully responsible for
the compilation and presentation of
information contained in their
papers. Authors' views may not
reflect the Editors' point of view.
Not part of the Journal materials
can be reprinted without permission
from the Editors.

Contacts:

Economic Research
Institute FEB RAS,
153, Tikhoookeanskaya Street,
Khabarovsk, Russia, 680042
Phone: +7 (4212) 225-404
E-mail: regionalistica@ecrin.ru

Design, editing & making-up:
V.N. Ukrainsky

*Petrus Plancius's map (1594) is used in
design of a cover*

The Editorial Staff

Editor-in-Chief: *A.N. Demyanenko*,
Doctor of Geography, Professor

A.V. Moshkov, Doctor of Geography (Vladivostok, Russia)
S.N. Nayden, Doctor of Economics (Khabarovsk, Russia)
O.M. Prokapalo, Doctor of Economics (Deputy Editor-in-Chief,
Khabarovsk, Russia)
Yu.D. Shmidt, Doctor of Economics (Vladivostok, Russia)
Tsuneo Akaha, Professor (Monterey, USA)
Vincent F. Gallucci, Professor (Seattle, USA)
A.P. Goryunov, Ph.D. in economics (Khabarovsk, Russia)
A.A. Kireev, Ph.D. in political science (Vladivostok, Russia)
V.S. Kuznetsov, Ph.D. in economics (Vladivostok, Russia)
L.A. Samokhina (Khabarovsk, Russia)
V.N. Ukrainsky, Ph.D. in economics (Managing Editor, Khabarovsk,
Russia)

The Editorial Board

Chairman: *P.A. Minakir*,
Academician RAS

V.A. Kryukov, Corresponding Member RAS (Novosibirsk, Russia)
V.N. Lazhentsev, Corresponding Member RAS (Syktyvkar, Russia)
V.I. Suslov, Corresponding Member RAS (Novosibirsk, Russia)
A.S. Shelepa, Corresponding Member RAAS (Khabarovsk, Russia)
S.D. Valentey, Doctor of Economics (Moscow, Russia)
N.V. Galtseva, Doctor of Economics (Magadan, Russia)
S.V. Kuznetsov, Doctor of Economics (Saint-Petersburg, Russia)
Yu.G. Lavrikova, Doctor of Economics (Yekaterinburg, Russia)
A.V. Ostrovsky, Doctor of Economics (Moscow, Russia)
V.E. Rokhchin, Doctor of Economics (Saint-Petersburg, Russia)
A.N. Shvetsov, Doctor of Economics (Moscow, Russia)
A.M. Shkurkin, Doctor of Philosophy (Khabarovsk, Russia)